Ф. ДАНЪ

ДВА ГОДА СКИТАНІЙ

(1919—1921)

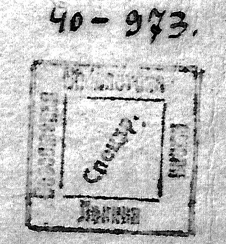
БЕРЛИНЪ

1922

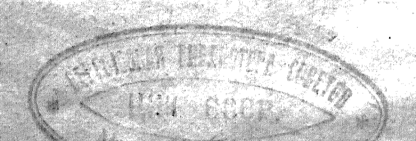
Ф. ДАНЪ

ДВА ГОДА СКИТАНІЙ

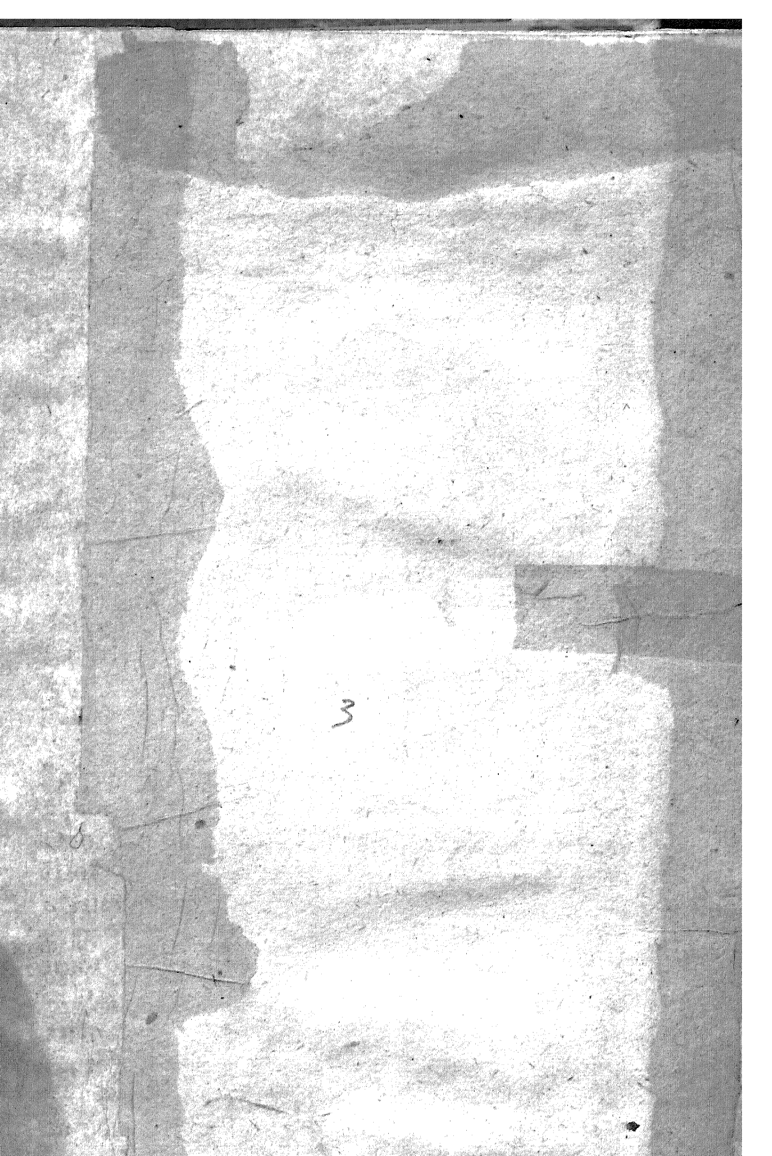
(1919 — 1921)

БЕРЛИНЪ
1922

ДВА ГОДА СКИТАНІЙ

3

Печатано въ Берлинѣ
у H. S. Hermann & Co.

I.

„СЛУЖЕБНАЯ“ ССЫЛКА

Въ маѣ 1920 года Москву посѣтила делегація англійскихъ рабочихъ. Въ составъ делегаціи входили всѣ оттѣнки англійскаго рабочаго движенія. Былъ тамъ Робертъ Вилльямсъ, тогда еще не объявленный «предателемъ», а считавшійся правовѣрнымъ коммунистомъ, чествуемый особыми плакатами и державшійся въ сторонѣ отъ другихъ членовъ делегаціи; былъ Уолхэдъ, предсѣдатель Британской Независимой Рабочей Партіи; были члены Labour Party, фабіанцы, чистые профессіоналисты, соціалистическіе литераторы — мистрисъ Сноуденъ, Томъ Шоу, Скиннеръ, Бэкстонъ и др.; былъ даже христіанскій коммунистъ—Рэссель. Особо пріѣхали 2 рабочихъ-синдикалиста въ качествѣ делегатовъ отъ фабрично-заводскихъ комитетовъ.

Какъ водится въ Москвѣ, большевики начали съ того, что попытались окружить дорогихъ гостей непроницаемой стѣной. Ихъ помѣстили въ гостинницѣ «Дѣловой Дворъ», сохранившаяся роскошь которой странно контрастировала съ

невѣроятной убогостью жизни рядового московскаго обывателя въ эту пору; къ ихъ услугамъ были предоставлены автомобили, переводчики, гиды, а заодно уже внизу, у входныхъ дверей гостинницы посажены чекисты, требовавшіе «пропуска» у каждаго, желавшаго вступить въ общеніе съ «представителями международнаго пролетаріата», пріѣхавшими въ «міровую пролетарскую столицу»... Словомъ, по заведенному обычаю, большевики приняли всѣ мѣры, чтобы съ любезною улыбкою забрать гостей въ свои руки, показать имъ лишь то и такъ, что и какъ полезно показать, заставить ихъ слушать большевистскими ушами и смотрѣть большевистскими глазами, тщательно ограждая ихъ отъ всякаго «посторонняго» вліянія.

Эта операція, — говоря вульгарно, втиранія очковъ, — часто удавалась большевикамъ съ менѣе осмотрительными или очень ужъ благодушно настроенными заграничными гостями. И многіе изъ этихъ знатныхъ, и даже далеко не знатныхъ, иностранцевъ уѣзжали изъ Россіи съ пріятною увѣренностью, что, въ общемъ, все обстоитъ благополучно,что хозяйственная жизнь «налаживается», культура и просвѣщеніе расцвѣтаютъ пышнымъ цвѣтомъ, рабочіе большевиковъ обожаютъ и голосуютъ за нихъ при всякомъ случаѣ единодушно («сами видѣли и слышали»!), и даже разсказы объ ужасномъ матеріальномъ положеніи Россіи, о голодѣ и холодѣ преувеличены до крайности. Кое кто — увы, изъ

пѣсни слова не выкинешь! — увозилъ даже съ собою вещественныя доказательства благополучія Россіи въ видѣ дорогихъ шубъ, самоваровъ и тому подобныхъ пріятныхъ «сувениров», полученныхъ отъ большевиковъ. Нечего и говорить о тѣхъ, довольно многочисленныхъ иностранцахъ, которые составляютъ какъ бы постоянный придворный штатъ Исполкома III Интернаціонала: для нихъ отведенъ въ самомъ центрѣ Москвы, на Тверской, прекрасный отель «Люксъ», и имъ не приходится жаловаться на суровость жизни въ коммунистической Москвѣ...

Англичане оказались, однако, людьми не такого склада, чтобы ихъ можно было обмануть простецки-азіатскими пріемами большевистскихъ хозяевъ. Они пріѣхали съ намѣреніемъ, прежде всего, установить «факты» и установить ихъ собственными руками и глазами, для чего заранѣе составили себѣ краткую программу вопросовъ, на которые имъ желательно получить отвѣты, и заранѣе рѣшили войти въ сношенія не только съ большевиками, но и съ представителями другихъ партій, чего они и начали добиваться, со свойственнымъ англичанамъ упорствомъ, съ перваго же дня пріѣзда въ Москву. Кромѣ того, одинъ изъ пріѣзжихъ, Бэкстонъ, взялъ еще въ Лондонѣ у П. Б. Аксельрода мой адресъ и тотчасъ же разыскалъ меня, а черезъ меня завязалъ сношенія и съ Центральнымъ Комитетомъ нашей партіи. И хотя большевики старались составить для делегаціи такое расписаніе

времяпрепровожденія, чтобы она не имѣла физической возможности общаться съ кѣмъ либо внѣ оффиціально предусмотрѣннаго круга лицъ, однако англичане сумѣли очень скоро отвоевать себѣ право ходить, куда имъ угодно, и пользоваться своими собственными гидами и переводчиками. Двухъ такихъ переводчиковъ поставили имъ мы, и благодаря этому и при оффиціальныхъ визитахъ англійскіе гости узнавали много такого, что при другихъ условіяхъ осталось бы для нихъ скрытымъ. Даже при посѣщеніи ими пресловутой ВЧК присутствовалъ нашъ переводчикъ, что въ данномъ случаѣ оказалось особенно полезно. Какъ курьезъ отмѣчу, что этому прорыву большевистской «блокады» весьма содѣйствовалъ приставленный большевиками-же къ делегаціи «безпартійный» переводчикъ, профессіоналистъ Яроцкій, не предвидѣвшій еще, что въ самомъ близкомъ времени онъ сочтетъ за благо превратиться въ бѣшенаго коммуниста. Маленькая ошибочка механизма!

Нашъ Центральный Комитетъ, съ своей стороны, заранѣе приготовилъ къ пріѣзду делегаціи кое-какіе матеріалы. Часть этихъ матеріаловъ, впрочемъ, была изготовлена еще ранѣе — тогда, когда ожидался — несостоявшійся — пріѣздъ комиссіи, выбранной Бернской конференціей (Каутскій, Адлеръ, Лонгэ, Макдональдъ). Матеріалъ по общей и экономической политикѣ большевиковъ былъ подобранъ чисто фактическій, большею частью, почерпнутый изъ боль-

шевистской же прессы, съ краткимъ лишь освѣщеніемъ. Кромѣ того была составлена записка съ описаніемъ положенія нашей партіи при большевистскомъ режимѣ и изложеніемъ ея програмной и тактической позиціи. Тт. Мартовъ, Абрамовичъ, Юдинъ и я посѣтили делегацію въ ея отелѣ — по порученію центральныхъ комитетовъ нашей партіи и Бунда. Сама делегація также два раза участвовала въ засѣданіи нашего Центральнаго Комитета. Надо сказать при этомъ, что отдѣльные члены и группы делегаціи тщательно избѣгали всякаго намека на какіе бы то ни было закулисные или сепаратные разговоры съ различными партіями и организаціями, и о всякомъ предстоящемъ свиданіи лояльно оповѣщались всѣ члены делегаціи безъ исключенія. Но все-таки Робертъ Вилльямсъ не пожелалъ ни разу повидаться ни съ нашимъ Ц. К-омъ, ни съ отдѣльными членами его...

Большевики показали англичанамъ очень многое, вплоть до парадовъ Красной Арміи. Но одного они не хотѣли и не могли показать имъ — свободнаго рабочаго митинга, и по очень простой причинѣ: настроеніе московскихъ рабочихъ въ эту пору было отнюдь не таково, чтобы большевики могли похвастать имъ. Но то, чего не сдѣлали большевики, сдѣлали мы: правленіе союза печатниковъ, въ большинствѣ своемъ состоявшее изъ членовъ нашей партіи, воспользовавшись нѣкоторою конфузливостью большевистскаго начальства передъ иностранными го-

стями, созвало громадный рабочій митингъ въ большомъ залѣ консерваторіи: по подсчету (билеты были нумерованы) собралось свыше 3 тысячъ почти сплошь рабочей публики. Это и былъ единственный рабочій митингъ, который удалось повидать англичанамъ, но — прибавлю, забѣгая впередъ, — это былъ и послѣдній такой митингъ въ большевистской Москвѣ.

На митингѣ выступали меньшевики — члены правленія союза печатниковъ (Чистовъ, Камермахеръ) — и большевики — Тихоновъ отъ Полиграфическаго Отдѣла Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства и Мельничанский отъ Центральнаго Совѣта Профессіональныхъ Союзовъ. Рѣчи ораторовъ тутъ же переводились англичанамъ. Но и безъ всякаго перевода, по тому, какъ относилась аудиторія къ выступленіямъ меньшевиковъ и большевиковъ, иностранные гости могли безошибочно судить, какими малыми симпатіями пользуется большевистскій режимъ въ рабочей средѣ.

Отъ имени нашего Центральнаго Комитета говорилъ я. Въ своей рѣчи я подчеркнулъ, что на гостей мы смотримъ не какъ на судей между нами и большевиками, а какъ на товарищей по борьбѣ, съ которыми хотимъ подѣлиться своимъ опытомъ, потому что и имъ придется столкнуться съ тѣми же проблемами, что и намъ, и, какъ и намъ, выбирать между двумя методами борьбы за соціализмъ: большевистскимъ — террористической диктатуры меньшинства, или соціалде-

мократическимъ, марксистскимъ — господства сознательнаго большинства. Рядомъ фактовъ я иллюстрировалъ результаты большевистскаго метода. Конецъ своей рѣчи я посвятилъ протесту противъ интервенціи и призыву англійскихъ рабочихъ къ борьбѣ за снятіе блокады Россіи.

Митингъ уже близился къ концу, когда изъ боковой двери протиснулся на эстраду средняго роста человѣкъ съ длинной, почти до пояса бородой и направился къ предсѣдателю, послѣ чего предсѣдатель объявилъ, что слово дается представителю партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Только когда ораторъ началъ говорить, я, къ величайшему изумленію своему, узналъ въ немъ Чернова, — такъ измѣнила его длинная борода! Со стороны Чернова появленіе на такомъ митингѣ было громаднымъ рискомъ, такъ какъ ЧК гналась за нимъ въ это время по пятамъ. Рѣчь Чернова была не очень удачна. Онъ сравнивалъ ученіе соціализма съ ученіемъ первобытныхъ христіанъ, а большевиковъ — съ выродившеюся христіанскою церковью. Черезчуръ литературная и отвлеченная, рѣчь мало захватывала рабочую аудиторію, реагировавшую на нее лишь жидкими апплодисментами.

Положеніе спасли большевики. Съ той минуты, какъ они узнали въ ораторѣ Чернова, они не могли спокойно сидѣть на мѣстѣ. Сидѣвшій рядомъ со мною Мельничанскій ерзалъ на стулѣ, порываясь встать и бѣжать куда то, такъ что я насмѣшливо крикнулъ ему: что, небось, ЧК вы-

звать хочется? На что онъ, уже не помня себя, злобно отвѣчалъ: да, конечно, непремѣнно надо ЧК увѣдомить. За Мельничанскимъ забезпокоились и другіе большевики, и только наши пристальные взгляды и насмѣшки заставили ихъ отказаться отъ намѣренія бѣжать къ телефону и донести о случившемся пассажѣ въ ЧК. За то, лишь только ораторъ кончилъ, большевики начали кричать: какъ имя? Пусть назоветъ фамилію! Черновъ выступилъ и назвалъ себя. Результаты получились не тѣ, какихъ желали большевики: ихъ сыщическое усердіе и крики — арестовать его! — привели лишь къ тому, что залъ разразился бурной оваціей по адресу травимаго, заставившей большевиковъ растеряться и позволившей Чернову въ общей суматохѣ скрыться такъ же незамѣтно, какъ онъ появился.

Весь митингъ горькой обидой врѣзался въ сердце большевиковъ. Уронъ, нанесенный имъ въ глазахъ иностранной рабочей делегаціи этимъ обнаруженіемъ истинныхъ настроеній московскаго пролетаріата, былъ только усугубленъ тѣмъ жалкимъ демонстративнымъ шествіемъ съ мѣста митинга къ зданію Московскаго Совѣта 100—150 человѣкъ, которое они устроили послѣ собранія, не сообразивъ, что при такомъ количествѣ участниковъ лучше было бы вовсе отказаться отъ задуманной манифестаціи. Но за то съ этого дня карающая рука большевиковъ была занесена надъ иниціаторами и активными участ-

никами митинга, и они ждали лишь случая, чтобы расправиться съ «преступниками». Противъ правленія союза печатниковъ тотчасъ же была начата жестокая кампанія, и вскорѣ оно было разогнано, на его мѣсто насильственно водворено «красное» правленіе, члены же стараго отправлены въ тюрьму. Скоро наступилъ и мой чередъ...

Я въ это время «служилъ». Въ іюнѣ 1919 г., по окончаніи 3-мѣсячнаго пребыванія въ Бутырской тюрьмѣ, я, въ качествѣ врача по образованію, былъ мобилизованъ большевиками и откомандированъ въ Народный Комиссаріатъ Здравоохраненія, гдѣ и занялъ должность завѣдующаго подъотдѣломъ хирургіи при отдѣлѣ медицинскаго снабженія. Мѣсто это, іерархически очень скромное, по существу имѣло важное значеніе для постановки медицинской помощи въ Россіи: подъотдѣлъ хирургіи долженъ былъ заботиться о снабженіи республики медицинскимъ инструментаріемъ и предметами по уходу за больными. Задача была нелегкая, такъ какъ запасы были сравнительно невелики, многого въ Россіи дѣлать вообще было нельзя, а постановка производства и тѣхъ предметовъ, которые могли выдѣлываться въ Россіи, встрѣчала почти неодолимыя затрудненія, какъ въ общей разрухѣ, такъ и въ «націонализаторской» политикѣ большевиковъ, постоянномъ вмѣшательствѣ органовъ ЧК и, наконецъ, — изъ пѣсни слова не выкинешь! — въ скрытомъ саботажѣ различ-

ныхъ главковъ, которые (кое кто изъ тогдашнихъ спеціалистовъ-руководителей этихъ главковъ впослѣдствіи откровенно признался мнѣ въ этомъ!) берегли свои запасы для «хозяевъ», возвращенія которыхъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ ожидали. Кромѣ того, поперекъ дороги стояло чудовищное взяточничество. Были главки, т.-е. правительственные хозяйственные органы, отъ которыхъ мы, правительственное-же учрежденіе, не могли получить ничего. А частныя фирмы (2—3 такихъ фирмы, по моему усиленному настоянію, сохранились до поры до времени: они были окончательно уничтожены лишь въ концѣ 1920 года) и спекулянты, торговавшіе изъ подъ полы, сравнительно легко получали нужные, но недоступные намъ предметы, благодаря своевременной и обильной «подмазкѣ» кого слѣдуетъ. Вмѣшательство ЧК въ лучшемъ случаѣ оказывалось безрезультатнымъ, зачастую еще ухудшало положеніе, лишая врачебныя учрежденія и населеніе возможности пріобрѣтать необходимѣйшіе медицинскіе предметы хотя бы по повышенной цѣнѣ изъ частныхъ рукъ, а иногда — просто лишь увеличивало «накладные расходы» торговцевъ и спекулянтовъ.

Взяточничество или, по крайней мѣрѣ, полученіе «благодарностей» за удовлетвореніе однимъ казеннымъ учрежденіемъ требованій не только частныхъ лицъ, но и другихъ такихъ же казенныхъ учрежденій, вошло во всеобщій обычай. Мнѣ вспоминается по этому поводу

курьезная сценка. Ко мнѣ явился какъ то представитель Главрыбы съ просьбой отпустить нѣсколько микроскоповъ для устраиваемой этимъ главкомъ лабораторіи. Какъ разъ въ это время мы получили нѣсколько десятковъ микроскоповъ изъ числа грузовъ, найденныхъ въ Архангельскѣ послѣ эвакуаціи его англичанами. Я имѣлъ такимъ образомъ рѣдкую возможность полностью удовлетворить требованіе Главрыбы, и уже черезъ пару дней представитель ея былъ счастливымъ обладателемъ «ордера» на микроскопы. Получивъ ордеръ, онъ подошелъ ко мнѣ и, таинственно наклонившись къ уху, попросилъ меня сообщить ему свой адресъ. Я изумился: зачѣмъ Вамъ это? — Да Вы были такъ любезны къ намъ; мы пришлемъ Вамъ рыбки на домъ. — Оставалось только развести руками...

Мы могли удовлетворять едва-ли одну сотую дѣйствительной потребности. Но при всемъ томъ обращавшіеся въ подъотдѣлъ, и особенно работники «съ мѣстъ», неоднократно выражали свое удивленіе по поводу того, что нашлось учрежденіе, гдѣ по мѣрѣ силъ стараются идти на встрѣчу ихъ запросамъ, сократить по возможности нескончаемую волокиту, вообще — «войти въ положеніе». До такой степени необычно это было для совѣтскихъ канцелярій вообще, а для канцелярій, вѣдающихъ какимъ бы то ни было матеріальнымъ снабженіемъ — «реальными цѣнностями» — въ особенности!

Сдѣлать въ области постановки производства, по указаннымъ выше причинамъ, не удалось почти ничего. Даже заказы кустарямъ пришлось свести почти на нѣтъ, когда, въ силу «принциповъ» тогдашней «экономической политики», было запрещено расплачиваться за заказы наличными, и кустарь, привезя намъ изъ какого нибудь уѣзднаго городка товаръ, сработанный за недѣлю, долженъ былъ другую недѣлю валандаться по Москвѣ, чтобы, пройдя черезъ десятки инстанцій, получить, наконецъ, изъ кассы Народнаго банка по ассигновкѣ свой голодный заработокъ. Точно также почти прекратилась скупка скрытыхъ запасовъ, сохранившихся отъ прошлаго въ рукахъ частныхъ лицъ, послѣ того, какъ всѣми снабженческими органами было получено секретное распоряженіе о томъ, чтобы, покупая что-либо у частныхъ лицъ на сумму свыше 5000 рублей, учрежденіе одновременно доносило о сдѣлкѣ Ч. К. съ указаніемъ имени, фамиліи и адреса продавца на предметъ его накрытія и отобранія у него полученныхъ денегъ. Разумѣется, я категорически отказался играть такую роль. И хотя и это «строжайшее» предписаніе, какъ и всѣ прочія, благополучно обходилось снабженческими учрежденіями такимъ способомъ, что при покупкѣ, напримѣръ, товара на 100.000 рублей, выписывалось 20 ассигновокъ по 5000 рублей на различные сроки или на различныхъ лицъ, но уже одна волокита, связанная съ этимъ, какъ и вся созданная вокругъ этого

дѣла «чекистская» атмосфера привели къ тому, что всякія предложенія товаровъ надолго почти прекратились. Что касается заграничныхъ покупокъ, то тогда это было еще музыка будущаго: давались «заданія», составлялись смѣты и пр., но реально за все время пребыванія моего въ должности завѣдующаго подъотдѣломъ хирургіи мы получили лишь пару кило зубоврачебныхъ инструментовъ, доставленныхъ изъ Германіи на аэропланѣ, причемъ по дорогѣ авіаторы два раза падали, и стоимость двухъ разбитыхъ аэроплановъ вошла въ цѣну доставленныхъ 30 кило груза (главнымъ образомъ, алкалоиды).

Такимъ образомъ, по части пополненія запасовъ дѣло обстояло изъ рукъ вонъ плохо, и мы неудержимо катились къ полному истощенію ихъ. Но за то, съ огромнымъ напряженіемъ силъ, удалось сдѣлать кое что въ смыслѣ собиранія, учета, правильнаго размѣщенія и храненія того, что есть, и въ смыслѣ быстраго и равномѣрнаго распредѣленія инструментарія между многочисленными претендентами на него. Это было очень немного, но этого было достаточно, чтобы служебные фонды мои стояли очень высоко, и чтобы я считался почти «незамѣнимымъ».

Мирное теченіе моей служебной дѣятельности оборвалось, однако, самымъ неожиданнымъ образомъ.

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ мая, пользуясь двумя днями праздника, я отправился съ

женой въ прогулку по окрестностямъ Москвы — въ Звенигородъ и Воскресенскъ, красивѣйшія мѣста Московской губерніи. Садясь въ вагонъ Александровской жел. дороги, по которой намъ надо было ѣхать до ст. Голицыно, я развернулъ газету и, къ изумленію своему, нашелъ въ ней невѣроятныя по своей гнусности оффиціальныя сообщенія и статьи о меньшевикахъ и с.-р-ахъ. Въ то время начиналась война съ Польшей, и сообщеніе Ч. К. заявляло, что мы — предатели, оказываемъ содѣйствіе польской арміи, дезорганизуя хозяйство Россіи, взрывая мосты и поджигая товарные склады! Въ заключеніе намъ грозили всевозможными скорпіонами. А тутъ же рядомъ газета разсыпалась въ любезностяхъ по адресу бывшихъ царскихъ генераловъ, во имя національныхъ интересовъ рѣшившихъ патріотически поддержать большевистское правительство.

Много гнусностей, вылившихся изъ подъ большевистскаго пера, читалъ я и до и послѣ того, но ни одна не производила на меня такого мерзкаго впечатлѣнія, какъ эта. Быть можетъ, — потому, что въ этомъ провоцированіи націоналистическаго погрома по нашему адресу, какъ «враговъ родины», и одновременномъ «патріотическомъ» флиртѣ съ генералами царской службы (нѣкоторые изъ которыхъ, конечно, лично заслуживаютъ всяческаго уваженія) мнѣ почуялись первые зародыши той безстыдной «новѣйшей политики», которая позволяетъ нынѣ

«коммунистическому» правительству любезничать и обниматься со всѣми домашними и заграничными биржевыми дѣльцами, спекулянтами, хищниками, оборотистыми людьми и одновременно держать въ тюрьмѣ и ссылкѣ тысячи соціалистовъ и безпартійныхъ рабочихъ, осмѣливающихся сомнѣваться въ божественной непогрѣшимости большевистской власти со всѣми ея фантазіями, безобразіями, самодурствомъ и время отъ времени продѣлываемыми 180-градусными поворотами.

Вернувшись черезъ 2 дня въ Москву, подъ вліяніемъ все того же кипѣвшаго во мнѣ негодованія, я, не повидавшись и не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ изъ товарищей, написалъ заявленіе на имя члена коллегіи Наркомздрава, стоявшаго во главѣ отдѣла медицинскаго снабженія. Въ этомъ заявленіи я указалъ, что гнусныя оффиціальныя инсинуаціи насчетъ поджога складовъ дѣлаютъ для меня невозможнымъ стоять во главѣ учрежденія, въ распоряженіи котораго находятся обширные склады медицинскаго имущества, незамѣнимаго и имѣющаго огромное значеніе и для арміи, отправляющейся на войну; что вообще инсинуаціи эти подрываютъ всякое довѣріе къ членамъ нашей партіи въ глазахъ подчиненыхъ имъ служащихъ и чиновниковъ другихъ учрежденій и дѣлаютъ для меня, какъ члена Ц. К. этой партіи, немыслимымъ занятіе отвѣтственной должности и успѣшное выполненіе возложенныхъ на меня трудныхъ задачъ.

Поэтому я просилъ о переводѣ меня на какую-либо рядовую должность по медицинскому вѣдомству, поскольку, какъ человѣкъ мобилизованный, совершенно отказаться отъ казенной службы не могъ.

Въ то же утро я вручилъ это заявленіе члену коллегіи. Онъ, какъ и другіе высшіе служащіе, всячески уговаривалъ меня взять заявленіе обратно, убѣждая не брать въ серьезъ чекистскихъ гнусностей. Я, однако, оставался непреклоннымъ. Бумага пошла по инстанціямъ, и дня два — три прошло безъ всякихъ результатовъ. Никакого отвѣта я не получалъ. Тогда я позвонилъ Народному Комиссару Здравоохраненія д-ру Семашко и спросилъ его, какова же будетъ его резолюція. Онъ началъ съ того, что уговаривалъ меня взять заявленіе обратно, указывая, что ни о какомъ недовѣріи ко мнѣ рѣчи быть не можетъ, что онъ мнѣ вполнѣ довѣряетъ. Я поблагодарилъ за довѣріе, но замѣтилъ, что дѣло не въ томъ, довѣряетъ-ли мнѣ лично онъ, а въ томъ, что оффиціальная клевета, оффиціально же не опровергнутая, даетъ полнѣйшее право на недовѣріе ко мнѣ со стороны всѣхъ тѣхъ лицъ и учрежденій, съ которыми мнѣ приходится сталкиваться по служебнымъ дѣламъ.

«Господинъ министръ» явно почувствовалъ себя оскорбленнымъ моею неблагодарностью и дерзкой недооцѣнкой милостиво оказываемаго мнѣ «высочайшаго» довѣрія. Въ тонѣ его зазвучало уязвленное самолюбіе: «хорошо, я уволю

васъ отъ занимаемой должности, но передамъ васъ въ распоряженіе Комтруд дезертира (Комитетъ по борьбѣ съ трудовымъ дезертирствомъ)». Это было такъ хамски глупо, что я сухо отвѣтилъ: это — Ваше дѣло. — «Но подумайте, въ какое положеніе ставите Вы свою жену». — О моихъ семейныхъ дѣлахъ предоставьте уже, пожалуйста, заботиться мнѣ самому, сказалъ я, и повѣсилъ телефонную трубку.

На слѣдующій день кое какіе доброжелатели изъ Московскаго Военно-Санитарнаго Управленія извѣстили меня, что состоялось распоряженіе о моемъ переводѣ на службу на Уралъ. Мнѣ не хотѣлось вѣрить, но вскорѣ я былъ вызванъ повѣсткой и мнѣ оффиціально было объявлено, что, согласно распоряженію Семашко, я перевожусь въ Екатеринбургъ, въ Пріуральское Военно-Санитарное Управленіе и долженъ выѣхать въ 24 часа.

Но выѣхать въ 24 часа значило не только бросить на произволъ судьбы партійныя и домашнія дѣла, но и совершенно дезорганизовать то важное служебное дѣло, которое было мнѣ поручено большевистскимъ правительствомъ. Работа была сложная, помощника у меня не было, нужно было найти совершенно новаго человѣка и ввести его въ дѣло. Это требовало времени. Въ заместители мнѣ схватили перваго попавшагося молодого врача, очень мало пригоднаго для этой работы, и членъ коллегіи, какъ и прочее мое непосредственное начальство, просили

меня начать сдавать ему дѣла, разсчитывая, что хоть недѣлю на это можно будетъ выхлопотать. Въ военно-санитарномъ управленіи согласились, въ виду хлопотъ члена коллегіи и въ ожиданіи отвѣта Семашки, не настаивать на буквальномъ исполненіи приказа.

Вѣсть о моемъ переводѣ на Уралъ быстро разнеслась по городу. Всѣмъ было очевидно, что не «польза службы» продиктовала этотъ переводъ, а что это — замаскированная ссылка. Многіе, даже изъ знакомыхъ большевиковъ, не хотѣли вѣрить, что возможна такая дикая расправа, и что возможно, въ интересахъ мести, разстраивать съ трудомъ налаживавшееся важное дѣло медицинскаго снабженія. У одной большевички даже стояли слезы въ глазахъ, когда она говорила со мною о недостойномъ поведеніи Семашко. Нашъ Ц. К. протестовалъ противъ расправы, какъ явно направленной къ дезорганизаціи нашей партіи. Въ дѣло вмѣшались и нѣкоторые большевики, требуя отмѣны ссылки и оставленія меня, хотя бы на другомъ мѣстѣ, въ Москвѣ. Ничто не помогало, и очень скоро выяснилось, почему. Дѣло, начатое г. Семашкой, перешло въ Политическое Бюро Ц. К-та Р. К. П. Уязвленное мелкое самолюбіе комиссара Здравоохраненія переплелось съ высоко-государственными соображениями «пятерки», диктаторски управляющей Россіей. Здѣсь съ радостью ухватились за случай расправиться со мною «за англійскую делегацію». Что такова именно была истинная

причина расправы, видно изъ того, что расправа
эта коснулась исключительно меня. А между
тѣмъ, почти одновременно со мною всѣ члены
нашей партіи, занимавшіе болѣе или менѣе от-
вѣтственныя должности въ правительственныхъ
учрежденіяхъ, подали въ президіумъ В. Ц. И. К.
и распространили коллективное заявленіе, въ
которомъ протестовали противъ гнусныхъ оффи-
ціальныхъ инсинуацій и говорили, что сами не
бросаютъ порученныхъ имъ дѣлъ изъ нежела-
нія въ конецъ дезорганизовать и безъ того раз-
строенное хозяйство республики, но констати-
руютъ, что, если большевики не уволятъ ихъ съ
занимаемыхъ ими постовъ, то тѣмъ самымъ
распишутся въ полной лживости своихъ обви-
неній и отвратительнѣйшемъ лицемѣріи. Эту
публичную пощечину большевистское прави-
тельство проглотило молча...

Между тѣмъ я мирно занимался сдачей дѣлъ моему предполагаемому замѣстителю и подготовкой его къ предстоящей ему дѣятельности. Прошло 4—5 дней. Членъ коллегіи все не удосуживался (а, можетъ быть, и не хотѣлъ) переговорить съ Семашкой объ оффиціальной отсрочкѣ моего отъѣзда. Вдругъ, 10-го или 11-го іюня, точно не помню, часа въ 3 дня мнѣ позвонили все тѣ же доброжелатели изъ Военно-Санитарнаго Управленія и сообщили, что въ Управленіи получилась свирѣпѣйшая бумага отъ Семашки, который, узнавъ, что я еще не уѣхалъ, сдѣлалъ Управленію строжайшій выговоръ и потребовалъ,

чтобы меня сегодня же подъ конвоемъ доставили на вокзалъ и отправили въ Екатеринбургъ. Меня предупреждали, что черезъ полчаса прибудетъ ко мнѣ человѣкъ со всѣми нужными бумагами, который посадитъ меня въ вагонъ и не покинетъ до отхода поѣзда — въ 6 часовъ вечера. Сообщенiе это взорвало меня. Я схватилъ трубку и позвонилъ секретарю В. Ц. И. К. Енукидзе. Не особенно выбирая выраженiя, я сказалъ ему, что такому дикому самодурству никогда не подчинюсь, а доведу дѣло до самаго крупнаго скандала. Смущенный Енукидзе старался успокоить меня: ему самому, видно, было неловко за своихъ «министровъ». Онъ обѣщалъ все уладить.

Тѣмъ временемъ прибылъ человѣкъ въ военной формѣ съ бумагами и желѣзнодорожнымъ билетомъ. Я объяснилъ ему положенiе и попросилъ его подождать. И, дѣйствительно, черезъ полчаса изъ Военно-Санитарнаго Управленiя позвонили, что получилась новая телефонограмма отъ Семашки, отмѣняющая его утреннюю бумагу. Конвойный ушелъ, а на слѣдующiй день я «свободно» садился въ поѣздъ, идущiй въ Екатеринбургъ.

II.

ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ

Ѣхалъ я очень удобно. Кое кто изъ «сильныхъ мира сего» позаботился доставить мнѣ мѣсто въ международномъ спальномъ вагонѣ. Спутниками моими въ купэ были 2 «спеца», командированные В. С. Н. Х. для «налаживанія» уральскихъ и сибирскихъ каменоугольныхъ копей, и актеръ изъ Челябинска, возвращавшійся изъ Москвы со съѣзда сценическихъ дѣятелей.

У актера въ петлицѣ пиджака были вдѣты какіе то красные значки, миніатюрные портреты Маркса, Ленина, Троцкаго. Онъ безъ устали декламировалъ о своихъ сценическихъ успѣхахъ, съ одной стороны, о прелестяхъ коммунизма, покровительствующаго искусству и заботящагося объ актерахъ, съ другой. Видно было, что это — одинъ изъ Несчастливцевыхъ, много намытарившійся на своемъ вѣку, исколесившій всю Россію и нынѣ успокоившійся въ лонѣ Челябинскаго «агит-просвѣта» и мѣстнаго «парткома». Въ промежуткахъ между хвастовствомъ своими успѣхами и хвалами большевизму онъ

съ одинаковымъ увлеченіемъ разсказывалъ, какой славный домикъ у него въ Челябинскѣ, какая хорошая корова, какой прекрасный огородъ, и какъ вездѣ и всюду, въ особенности въ РТЧК (районная транспортная, т. е. желѣзнодорожная, Ч. К.), онъ свой человѣкъ, могущій оказать протекцію и помочь устроиться пришельцу, который соблазнится сравнительной дешевизной припасовъ въ Челябинскѣ и захочетъ тамъ осѣсть.

«Спецы» были другого типа люди. Оба они большевистскаго режима явно не одобряли. Но одинъ былъ сдержанъ, другой-же, болѣе нервный и, судя по отдѣльнымъ его словамъ, огорченный вынужденной разлукой не то съ невѣстой, не то съ женой, то и дѣло ввязывался въ споръ съ актеромъ. Споръ былъ довольно безтолковый. Актеръ въ коммунизмѣ, соціализмѣ, революціи, рабочемъ движеніи и прочихъ высокихъ матеріяхъ, о которыхъ говорилъ съ пафосомъ, понималъ весьма мало и то и дѣло сбивался съ возвышеннѣйшихъ всемірно-историческихъ разсужденій къ умиленію передъ тѣмъ пайкомъ, который онъ теперь получаетъ, и тѣмъ почетомъ, которымъ пользуется «даже въ Р. Т. Ч. К.». «Спецъ» также въ политикѣ звѣздъ съ неба не хваталъ, и «критика» его сводилась преимущественно къ нудному и злобному перечисленію всѣхъ претерпѣнныхъ имъ обывательскихъ обидъ и огорченій. Но за спорами время проходило отлично, и, попикировавшись часъ-другой, спорщики раскрывали свои саквояжи,

вынимали кое какую снѣдь и начинали закусывать, мирно угощая другъ друга бѣлыми булочками, масломъ и другими деликатесами, какіе у кого оказались. Разъ какъ то въ споръ со «спецомъ» ввязался зашедшій изъ сосѣдняго купэ молодой человѣкъ въ высокихъ сапогахъ, брюкахъ-галиффе, френчѣ, шишакѣ съ огромной красной звѣздой и прочихъ аттрибутахъ военнаго званія, — какъ выяснилось впослѣдствіи, какой то изъ чиновъ желѣзнодорожно-чекистскаго вѣдомства. Этотъ оказался политически окончательно безграмотнымъ, и споръ принялъ совершенно комически - безтолковый характеръ: спорщики не слушали другъ друга, говорили о разныхъ вещахъ, перескакивали съ предмета на предметъ. Наконецъ, молодой воинъ, отчаявшійся побѣдить своего соперника въ словесномъ турнирѣ, возопилъ: «да, Вы скажите мнѣ, кто Вы: меньшевикъ или с.-р.?» — «Я — безпартійный». — «Такъ давно бы и сказали, я и разговаривать бы съ Вами не сталъ. Какъ спорить съ меньшевиками и с.-р-ами, я знаю: насъ этому обучали. А то — безпартійный! Тутъ не знаешь, съ какой стороны и подступиться!» — И, махнувъ рукою, бравый полемистъ вышелъ изъ нашего купэ.

На станціяхъ толпились мужики, бабы, ребята съ хлѣбомъ, молокомъ, масломъ, творогомъ, жаренымъ мясомъ, птицей. Временами люди съ винтовками ловили ихъ, арестовывали, продавцы разбѣгались, но затѣмъ осторожно протиски-

вались снова къ вагонамъ, держа товаръ подъ полой, или уходили за уголъ станціоннаго зданія, на другую сторону полотна и т. д. и подманивали туда покупателей. Были тяжелыя сцены: оборванный мальчикъ съ нѣсколькими кусками жареной баранины, жалобно вопившій: отпустите, дяденька! — когда непреклонный милицейскій или продотрядчикъ, ужъ не знаю, кто, тащилъ его въ кутузку; блѣдный, растерявшійся желѣзнодорожный рабочій, котораго поймали на мѣстѣ «преступленія» съ двумя бидонами коноплянoго масла, и т. д. Но, въ общемъ, все сходило благополучно: вооруженные люди, стоявшіе на стражe тогдашней «экономической политики», и торговцы, эту «политику» нарушавшіе, какъ то мирно «улаживали» свои дѣла и уживались другъ съ другомъ. А въ нѣкоторыхъ городахъ, напр., Вяткѣ, у самаго вокзала былъ раскинутъ обширный базаръ съ порядочнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ.

Купить что-либо на станціи у мужиковъ и бабъ за деньги было трудно. Требовали въ обмѣнъ на продукты мануфактуру, мыло, соль, спички и табакъ. Особенно великъ былъ спросъ на табакъ — махорку. Мужики брали иногда даже въ уплату за свои товары насквозь прокуренныя старыя трубки, чтобы, искрошивъ ихъ, пустить въ ходъ, уже какъ курево! Забѣгая впередъ, отмѣчу, что, когда я черезъ два съ половиною мѣсяца на обратномъ пути, руководясь опытомъ перваго путешествія, запасся для «товаро-

обмѣна» махоркой, я былъ жестоко обманутъ: махорку не брали ни почемъ. Мужики насмѣшливо заявляли, что теперь въ табакѣ не нуждаются: засѣяли и собрали свою собственную махорку. Бросались также въ глаза безчисленныя крохотныя полоски льна, яркимъ зеленымъ пятномъ врѣзывавшіяся въ пожелтѣвшія уже поля. Маленькая иллюстрація къ тому, какъ на неподходящую ей «экономическую политику» деревня отвѣчала возвращеніемъ отъ товарнаго хозяйства къ натуральному...

Пріѣхали мы въ Екатеринбургъ въ четвертомъ часу дня. Мнѣ сказали, что для полученія комнаты въ гостиницѣ надо обратиться въ жилищный отдѣлъ мѣстнаго совѣта. Отправился туда и послѣ часового ожиданія, провѣрки моей служебной командировки, разговоровъ дежурной барышни по телефону съ различными гостинницами, носившими громкія названія «Грандъ-Отель», «Пале Рояль» и пр. (оффиціальныя названія — «1-е совѣтское общежитіе», 2-е и т. д. не употреблялись въ самихъ совѣтскихъ учрежденіяхъ), получилъ ордеръ на «Пале Рояль». Поѣхалъ въ «отель» и, оставивъ вещи въ конторѣ, пошелъ съ конторщикомъ осматривать отводимое мнѣ помѣщеніе. Лѣстницы, коррйдоры, которыми мы шли, — все это было грязно, заплевано, забросано окурками и заставляло не ожидать ничего хорошаго. Но, когда меня ввели въ отведенный мнѣ «номеръ», я ахнулъ: въ комнатѣ средняго размѣра стояло пять топчановъ,

на нихъ валялись шинели, вещевые мѣшки и прочій скарбъ, — они были явно уже кѣмъ то заняты. Я съ недоумѣніемъ обратился къ своему провожатому: гдѣ же мнѣ тутъ помѣститься? А вотъ пока здѣсь, указалъ онъ на крохотную, согнутую полукругомъ «козетку», вся обивка которой была содрана и изъ которой торчали грязная мочала, пружины, обрывки веревокъ, и пояснилъ: тутъ пять делегатовъ еще помѣщаются, на красноармейскій съѣздъ пріѣхали, но съѣздъ скоро кончится...

Оставаться тутъ явно не было возможности, тѣмъ болѣе, что и не особенно зоркими глазами можно было замѣтить клоповъ и вшей, въ изобиліи ползавшихъ по топчанамъ и шинелямъ. Что дѣлать? Наша партійная организація въ Екатеринбургѣ, — я зналъ это еще до отъѣзда изъ Москвы, — была по случаю выборовъ въ мѣстный совѣтъ арестована въ полномъ составѣ, и вмѣстѣ съ нею арестованъ и членъ нашего Ц. К. т. Далинъ, по служебнымъ дѣламъ (а заодно и съ партійными порученіями) пріѣхавшій на двѣ недѣли въ Екатеринбургъ. Никакими «посторонними» адресами я, въ виду скоропалительности своего отъѣзда, не запасся, да и поопасался бы обременить своей «крамольной» особой посторонних людей въ провинціальномъ городѣ, гдѣ все на виду и на счету, и гдѣ у мѣстной Ч. К. своя рука владыка. Куда дѣться? Я твердо рѣшилъ провести ночь на стулѣ въ конторѣ или хотя бы на улицѣ, но ни въ коемъ случаѣ

не ложиться на отведенное мнѣ «по ордеру» ложе.

Къ счастью, я вспомнилъ, что въ Екатеринбургѣ находится Н. Н. Сухановъ, тогда еще товарищъ по партіи, котораго Троцкій, увлекавшійся очереднымъ «спасительнымъ» средствомъ — «трудовыми арміями», привезъ въ своемъ поѣздѣ и уговорилъ войти, въ качествѣ представителя Народнаго Комиссаріата Земледѣлія, въ мѣстный Совтрударм — Совѣтъ Трудовой Арміи Пріуральскаго Округа (о немъ — послѣ). Я бросился разыскивать его. Пошелъ въ Совтрударм. Тамъ служебная работа уже закончилась, и меня направили въ Атамановскіе номера, значительно болѣе опрятные, чѣмъ мой несчастный «Пале-Рояль», но отведенные исключительно для проживанія пріѣзжихъ и мѣстныхъ нотаблей, не имѣющихъ собственной квартиры. Но и въ номерахъ Суханова не оказалось: онъ переѣхалъ со своей семьей на дачу въ Шарташъ, верстахъ въ 7 отъ города. По счастью я нашелъ въ гостинницѣ молодого человѣка М., пріятеля Суханова, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхавшаго въ Екатеринбургъ и вмѣстѣ съ нимъ застрявшаго въ Совтрудармѣ, а теперь проклинавшаго судьбу, занесшую его въ эту дыру и въ это никчемное, безплодное учрежденіе. М. былъ настолько милъ, что не только указалъ мнѣ мѣсто жительство Суханова, но и согласился проводить меня къ нему. Мы взяли за очень дорогую по тогдашнимъ временамъ цѣну лихача, каковыхъ оказа-

лось въ Екатеринбургѣ нѣсколько, и покатили чудесной лѣсной дорогой къ Шарташскому озеру.

Къ 7 часамъ вечера я добрался до Суханова, изумленно выпучившаго глаза при видѣ меня: съ трудомъ объяснилъ я ему, какимъ вѣтромъ занесло меня на Уралъ. Гостепріимная семья сейчасъ же устроила меня у себя, и временно я обосновался на дачѣ. Тутъ же оказался и Да- линъ, выпущенный недавно на свободу и хлопо- тавшій по разнымъ инстанціямъ объ освобожде- ніи другихъ арестованныхъ товарищей: всѣ они, одинъ за другимъ, дѣйствительно вышли вско- рѣ на волю.

Прошло нѣсколько дней, пока я вошелъ въ свою новую «службу» и съ величайшимъ тру- домъ нашелъ въ городѣ крохотную комнатушку. И въ Екатеринбургѣ свирѣпствовалъ, разумѣется, квартирный «кризисъ». Причиною его были на- личность большого количества войскъ и обиліе широко расположившихся казенныхъ учрежде- ній, а отнюдь не умноженіе мѣстнаго населенія или процвѣтаніе промышленности и торговли.

Гранильная фабрика въ городѣ совсѣмъ сто- яла. Бывшій монетный дворъ былъ занятъ ка- кимъ-то другимъ производствомъ при самомъ ограниченномъ количествѣ рабочихъ. Громад- ный Верхне-Исетскій заводъ почти совершенно бездѣйствовалъ. Крохотная починочная меди- ко-инструментальная мастерская въ зданіи Гра- нильной фабрики; двѣ мастерскихъ каучуко-

выхъ штемпелей; пара портняжныхъ мастерскихъ — вотъ, кажется, почти все, что функціонировало. «Національзировано» (кромѣ каучуковыхъ штемпелей и нѣсколькихъ портныхъ) было все вплоть до парикмахерскихъ и столовыхъ. «Свободная торговля» производилась на базарѣ, куда крестьяне привозили коекакіе продукты, и на толкучкѣ, гдѣ торговали и хлѣбомъ, и пирогами, и кусочками сахару, и спичками, и табакомъ, и всякою новою, а больше подержанною рухлядью — сапогами, рубахами, гимнастерками и т. д. Торговцами на толкучкѣ являлись зачастую солдаты, сбывавшіе полученный въ пайкѣ сахаръ или махорку, чтобы купить хлѣба. Цѣны при мнѣ на все непрерывно росли, но въ то время какъ въ Екатеринбургѣ мука стоила 3 — 4000 рублей пудъ, въ уѣздномъ городѣ той же Екатеринбургской губерніи Курганѣ цѣна ей стояла всего 300 рублей за пудъ. То же и съ масломъ, и другими продуктами. Но привозить было нельзя — мѣшали заградительные отряды.

За тѣ 2½ мѣсяца, что я пробылъ въ Екатеринбургѣ, раза три на базарѣ и толкучкѣ производилась «облава»: громадная площадь внезапно оцѣплялась войсками; начинался шумъ, крикъ, крестьяне быстро складывали свои продукты въ телѣги и, нахлестывая лошадей, пытались удирать; публика — торговцы и покупатели — въ паникѣ разбѣгалась. Попавшихся въ оцѣпленный кругъ сортировали, выпуская по одиночкѣ:

3*

имѣющихъ нужный ассортиментъ документовъ отпускали, неимѣющихъ — отправляли въ милицію для удостовѣренія личности, вылавливали дезертировъ, трудовыхъ и военныхъ, какихъ всегда оказывалась масса, «нормированные» продукты отбирали, а тѣхъ, у кого оные оказывались, — главнымъ образомъ, женщинъ — отправляли на нѣсколько дней на «принудительныя работы», какъ «паразитическіе» элементы. На этой почвѣ, между прочимъ, постоянно обострялось недовольство рабочихъ, жены которыхъ нерѣдко подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ забирались прямо съ базара на работу. Послѣ «облавы» два-три дня на базарѣ и толкучкѣ было тихо, а тамъ понемногу все входило въ колею, и только цѣны дѣлали внезапный скачекъ въ гору.

Коренное населеніе города сильно уменьшилось за годы гражданской войны: кто былъ перебитъ, кто уходилъ съ бѣлыми, кто съ красными при переходѣ города изъ рукъ въ руки. То и дѣло, обращаясь къ кому-нибудь на улицѣ за указаніемъ, какъ пройти туда-то, получалъ въ отвѣтъ: да я самъ не здѣшній, самъ недавно пріѣхалъ. Найти же даже правительственныя учрежденія было трудно и старожилу, такъ какъ почти всѣ улицы были переименованы, и доски съ старыми названіями сняты. Названы были окраинныя улицы по именамъ погибшихъ міровыхъ знаменитостей соціализма — Розы Люксембургъ. Карла Либкнехта и др. и мѣстныхъ

дѣятелей гражданской войны — Якова Вайнера, рабочаго Ивана Загвозкина, матроса Хохрякова и т. д., главныя же двѣ улицы города, какъ водится, были посвящены прижизненному чествованію Ленина и Троцкаго. Ихъ же именами, какъ именами Дзержинскаго и др. были окрещены клубы и пр.

По обилію военнаго элемента и сравнительной немногочисленности гражданскаго городъ имѣлъ видъ настоящаго военнаго лагеря. Множество лучшихъ домовъ въ самомъ центрѣ города было отведено подъ постой красноармейцевъ и подъ различныя военныя учрежденія. Съ утра до вечера по всѣмъ направленіямъ маршировали отдѣльныя части и слышались солдатскія пѣсни:

Смѣло мы въ бой пойдемъ
За власть совѣтовъ
И съ радостью умремъ
Мы за все это!..

Ложась поздно ночью спать и просыпаясь рано утромъ, непремѣнно слышалъ, какъ откуда то издалека доносилась эта пѣсня. Однажды довелось наблюдать курьезъ: навстрѣчу мнѣ двигалась какая то большая колонна, распѣвавшая все эти же совѣтско-патріотическія слова. Когда колонна подошла ближе, я увидѣлъ, что это — человѣкъ 100 — 150 дезертировъ, окруженныхъ конвоемъ и по приказу командира изъявляющихъ свою готовность умереть «за все это». Такъ умѣла казенщина опошлить все, въ чемъ когда

то сказывался порывъ наивнаго, но, несомнѣнно, искренняго энтузіазма...

Въ центрѣ же города помѣщалась и чрезвычайка, или, вѣрнѣе двѣ чрезвычайки: какъ городъ военный, Екатеринбургъ кромѣ обычной губернской — Губчека — имѣлъ еще Особый Отдѣлъ В. Ч. К., правда, объединенные личной уніей подъ главенствомъ нѣкоего Тунгузкова, человѣка крайне грубаго и жестокаго, но имѣющіе каждый свой штатъ и свои помѣщенія. Особый Отдѣлъ вѣдалъ, главнымъ образомъ, арміей и искорененіемъ бывшаго колчаковскаго офицерства; губчека — прочими гражданами. Губчека занимала уже нѣсколько домовъ, но передъ моимъ отъѣздомъ говорили, что она требуетъ очищенія еще 2 — 3 сосѣднихъ зданій, такъ какъ ей де тѣсно. Заключенные въ обѣихъ Ч. К. содержались въ подвалахъ. Окна подвала Губчека выходили на улицу, и лѣтомъ, когда окна были открыты, можно было заглянуть вглубь этого ужаснаго помѣщенія, гдѣ въ невѣроятной тѣснотѣ и грязи сидѣли заключенные съ блѣдными, измученными голодомъ лицами, покрытые всевозможными паразитами. Одинъ изъ знакомыхъ мѣстныхъ коммунистовъ разсказывалъ мнѣ, — передаю лишь то, что отъ него слыхалъ, — что разстрѣлы производятся тутъ же на дворѣ подъ окнами заключенныхъ. Онъ же утверждалъ, будто для операціи разстрѣла мобилизуются по очереди всѣ члены мѣстной коммунистической организаціи. Я не рѣшился

спросить его, доходила-ли очередь до него самого...

За время моего пребыванія Ч. К. инсценировала какъ то, въ агитаціонно-устрашительныхъ цѣляхъ, гласное разбирательство дѣла о какихъ то крупныхъ хищеніяхъ. Разбиралось дѣло въ городскомъ театрѣ, вмѣщающемъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Судились инженеры, завѣдующіе складами и т. д. Несчастные были приговорены къ разстрѣлу. Какая публика собралась на этотъ процессъ и какъ вела себя, сказать не могу, ибо пойти на это зрѣлище, о которомъ возвѣщалось громадными афишами, у меня духу не хватило...

Ко времени моего пріѣзда городъ имѣлъ пр украшенный видъ: красовались разноцвѣтные плакаты, высились въ рядѣ мѣстъ на спѣхъ воздвигнутыя тріумфальныя арки — изъ дерева, покрытаго размалеваннымъ холстомъ. Это былъ слѣдъ недавняго визита Троцкаго, и, когда я уѣзжалъ, украшенія, полинявшія отъ дождей и потрепанныя вѣтромъ, все еще оставались на своихъ мѣстахъ. Забавны были двѣ арки. Одна — на улицѣ Ленина — была украшена наверху по четыремъ угламъ портретами. Съ одной стороны — Ленинъ и Троцкій, съ другой — главы «Интернаціонала»: перваго Карлъ Марксъ и третьяго... Григорій Зиновьевъ, а по срединѣ между ними, на фронтонѣ, — кучи ядеръ, винтовки, пулеметы и жерла пушекъ! Бѣдный Марксъ! Довелось ему пострадать и на другой

аркѣ, воздвигнутой у выѣзда съ площади Народной Мести, — площади, гдѣ стоитъ надъ обрывомъ домъ купца Ипатьева, въ которомъ были убиты Николай II и его семья, а теперь помѣщался коммунистическій клубъ. Наверху этой арки была картина: красноармейцы взбираются на скалу, на вершинѣ которой стоитъ Карлъ Марксъ... въ красной рубахѣ на выпускъ, шароварахъ и сапогахъ «бутылками», съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ, на которомъ написано: Красный Уралъ.

Въ городѣ были воздвигнуты многочисленные памятники и статуи: голова Маркса на мраморномъ цоколѣ (площадь Народной Мести), памятникъ коммунѣ, жертвамъ борьбы съ Колчакомъ, Уральскій рабочій и т. д. Большинство этихъ памятниковъ принадлежало рѣзцу довольно извѣстнаго скульптора Ерзи, изъ крестьянъ -мордвинъ, котораго хорошо знала парижская эмигрантская колонія въ 1910 — 12 годахъ и который какъ то получилъ даже въ Римѣ премію. Несмотря на это, большинство скульптурныхъ произведеній, украшавшихъ Екатеринбургъ, было крайне неудачно, особенно — памятникъ жертвамъ борьбы съ Колчакомъ, гдѣ на громадномъ глобусѣ, обитомъ желѣзными листами, возлежала обнаженная женская фигура, повернувшаяся спиною къ тутъ же расположенному небольшому кладбищу съ могилами этихъ жертвъ. Болѣе удачна была совершенно обнаженная фигура человѣка, пытливо всматривающагося вдаль,

поставленная передъ соборомъ. Но и эту фигуру портило то, что она была поставлена на несоотвѣтствующій ей, чрезмѣрно маленькій цоколь, съ котораго былъ снятъ бюстъ Екатерины II. Кромѣ того, фигура возбуждала негодованіе религіозныхъ людей: голый мужикъ передъ соборомъ, да еще задомъ къ нему!

Ко времени моего пріѣзда Ерзи уже не было въ Екатеринбургѣ: его выжили болѣе «лѣвые» художническіе элементы,которые и взяли въ свои руки дѣло украшенія города. Украшеніе это заключалось, главнымъ образомъ, въ саженныхъ холщевыхъ плакатахъ-картинахъ, ярко размалеванныхъ, кричащихъ, преслѣдующихъ опредѣленныя агитаціонныя цѣли и во множествѣ облѣплявшихъ стѣны зданій или разставленныхъ по улицамъ. Были плакаты постоянные, напр., внушавшіе прохожему увѣренность, что «крестьянинъ дастъ рабочему хлѣбъ, рабочій дастъ крестьянину товары», прославлявшіе Красную Армію (красноармеецъ, наступившій ногою на истекающаго кровью толстаго генерала въ эполетахъ и орденахъ) и т. д. Были плакаты и временные — по случаю «недѣли помощи крестьянину», постройки Казанско-Екатеринбургской ж. д. и т. д. Все это было лубочно, наивно, но пестротой своей нѣсколько скрашивало унылый видъ города, гдѣ чуть не $^9/_{10}$ населенія было одѣто въ опостылѣвшее «хаки», и, главное, вокругъ всего этого, видимо, кормилось порядочно народу.

А жилось въ городѣ изъ рукъ вонъ скучно. Партійная работа наша была сведена до минимума, сначала арестомъ всего мѣстнаго комитета, затѣмъ, по выходѣ членовъ его изъ тюрьмы, невозможными полицейскими условіями и широко разлившейся апатіей рабочихъ. При отсутствіи малѣйшихъ проблесковъ свободы печати, слова, собраній, союзовъ; при невозможности собираться двумъ десяткамъ человѣкъ безъ того, чтобы объ этомъ тотчасъ же не узнала ЧК; при постоянной слѣжкѣ за членами комитета и за мной (приставленные ко мнѣ шпики сидѣли обычно на камушкѣ противъ моихъ оконъ и иногда имѣли глупость разспрашивать обо мнѣ обитателей сосѣднихъ домовъ, которые и передавали мнѣ объ этомъ); — при всѣхъ такихъ условіяхъ организація имѣла возможность сколько нибудь широко развертывать работу только въ особо-праздничныхъ случаяхъ, какъ напр. выборы въ совѣтъ, платясь за это каждый разъ очереднымъ арестомъ своихъ членовъ. Профессіональные союзы не представляли собою и подобія той организаціи, которая извѣстна подъ этимъ именемъ въ Европѣ и Америкѣ. Они занимали обширный домъ — бывшій окружный судъ, громко названный Дворцомъ Труда, но по существу являлись унылыми и тихими канцеляріями, куда рабочіе заглядывали едва-ли не только, чтобы судиться за «труддезертирство», «лодырничество» и т. п., преступленія въ «товарищескомъ дисциплинарномъ судѣ», приговаривавшемъ ихъ либо къ при-

нудительнымъ работамъ, либо къ болѣе или менѣе длительному заключенію.

Книгъ нельзя было доставать никакихъ и нигдѣ. Библіотекъ не было; книжные магазины блистали пустыми полками, да и продажа изъ нихъ производилась только по особымъ ордерамъ для учрежденій. Мѣстная газета, «Уральскій Рабочій», представляла собою самый жалкій, политически безграмотный листокъ. При такомъ полномъ отсутствіи умственной пищи, лакомствомъ казались даже московскія «Извѣстія» и «Правда», которыя мнѣ посчастливилось регулярно доставать, благодаря высокому служебному положенію Суханова, а ужъ о книгахъ, которыя удавалось изрѣдка получать изъ Москвы, нечего и говорить.

Сношенія съ Москвой были единственнымъ источникомъ, поддерживавшимъ умственную жизнь. Но сношенія эти удалось наладить не сразу, и приходилось ждать «окказій», такъ какъ на почту никакъ нельзя было положиться: даже заказныя письма пропадали сплошь и рядомъ. Секретъ этихъ пропажъ разсказала нашимъ товарищамъ, сидѣвшимъ въ тюрьмѣ, одна дѣвица, служившая въ «черномъ кабинетѣ» ЧК. Молодой человѣкъ, ухаживавшій за этой особой, хотѣлъ получить отъ своихъ родныхъ изъ Омска сапоги. Зная, что письма задерживаются отправкой съ почты въ черный кабинетъ и иногда пропадаютъ тамъ, онъ вручилъ письмо для отправки непосредственно своей любезной. Дѣвица не удержа-

лась, чтобы не разсказать объ этомъ своимъ подругамъ. Въ результатѣ — и она, и ея поклонникъ очутились въ тюрьмѣ. По словамъ этой дѣвицы, перлюстрація производилась такъ. Всѣ письма (приходящія и уходящія) направлялись съ почты въ черный кабинетъ и распредѣлялись пачками въ нѣсколько сотъ штукъ по сотрудникамъ и сотрудницамъ — большею частью, самой зеленой молодежи. Согласно инструкціи сотрудникъ долженъ былъ выбрать изъ пачки для просмотра 1) конверты, надписанные очень хорошимъ почеркомъ (предполагаемая переписка «бѣлогвардейцев»), 2) конверты, надписанные очень плохимъ почеркомъ и безграмотно (предполагаемая переписка красноармейцевъ съ деревней) и, наконецъ, 3) извѣстное количество конвертовъ на удачу — кромѣ, конечно, адресовъ, просмотръ которыхъ былъ обязателенъ. О просмотрѣнныхъ письмахъ и найденной въ нихъ «крамолѣ» (тоже по особой инструкціи) сотрудникъ долженъ былъ представлять письменный докладъ по начальству, которое и распоряжалось окончательно, какія письма задержать, съ какихъ снять копіи, по какимъ возбудить «дѣло» и т. п. Желая сократить свою работу, юные сотрудники часто по-просту извѣстную часть переданныхъ имъ писемъ уничтожали, благо никто не считалъ. По неизрѣченной провинціальной наивности на просмотрѣнные конверты накладывали кромѣ круглаго почтоваго штемпеля еще овальный. И, дѣйствительно, просматривая по-

лучаемыя мною письма, я всегда находилъ на конвертахъ этотъ овальный штемпель, дата котораго зачастую оказывалось на 2—3 дня позднѣе даты обычнаго почтоваго штемпеля.

Высшимъ органомъ власти въ Екатеринбургѣ формально считался Совтрудармъ — Совѣтъ трудовой арміи. Послѣ того какъ — третья, если не ошибаюсь, — армія, расположенная на Уралѣ, была переведена на «трудовое»-положеніе, проектировалось все управленіе Пріуральскимъ краемъ построить на ея основѣ. Таковы были, по крайней мѣрѣ, планы Троцкаго, полагавшаго, что въ «трудовыхъ арміяхъ» онъ нашелъ новое и вѣрнѣйшее средство «спасти Совѣтскую Россію». Превращеніе арміи въ «трудовыя» дѣлалось съ большой помпой, въ газеты летѣли телеграммы, печатались торжественныя резолюціи, хвалебныя передовицы и даже ежедневныя сводки работъ, произведенныхъ этими арміями. Увы, и это очередное увлеченіе лопнуло, какъ мыльный пузырь! Кто теперь помнитъ и говоритъ о трудовыхъ арміяхъ, хотя на бумагѣ они существуютъ, кажется, и до сихъ поръ? Когда наша партія критиковала «трудо-армейскую» утопію, предсказывала, что изъ этой затѣи ничего не выйдетъ, кромѣ новаго чудовищнаго расточенія народныхъ силъ и мучительства, — эта критика ея служила для большевистскихъ оффиціозовъ новымъ доказательствомъ нашего «соціалъ-предательства» и «измѣны». Однако, никакіе дутые отчеты чиновниковъ, желавшихъ порадовать на-

чальство докладами о дутыхъ мнимыхъ успѣхахъ, не могли измѣнить того грустнаго факта, что съ самаго начала производительность трудовыхъ армій была ничтожна, а стоимость ихъ содержанія громадна; что мужики изъ дальнихъ губерній, загнанные въ качествѣ труд-армейцевъ на Уралъ, никакъ не могли понять, почему теперь, когда война съ Колчакомъ кончилась, они должны рубить лѣсъ, косить траву и т. д. здѣсь, на чужбинѣ, подъ военную команду, а не могутъ дѣлать этого свободно у себя дома, и потому разбѣгались массами, а мѣстные мужики, въ свою очередь, обозленные хозяйничаньемъ у нихъ пришельцевъ, то и дѣло поджигали наваленные труд-армейцами штабеля лѣса или копны сѣна. Весь «трудармейскій» планъ оказался праздной бюрократической затѣей.

Это выяснилось уже къ тому времени, когда я прибылъ въ Екатеринбургъ, и объ этомъ открыто говорили въ Совтрудармѣ. Но — коммунистическому народу надо было сохранить вѣру, и потому публично и въ печати «все обстояло благополучно» и продолжалась шумная кампанія. Продолжалась и попытка сдѣлать Совѣтъ Трудовой Арміи чѣмъ то вродѣ областного правительства Урала. Но, такъ какъ вся постройка была воздвигнута на гниломъ фундаментѣ, то Совтрудармъ не только не превращался во властное учрежденіе, а со дня на день хирѣлъ. Дѣйствительная же власть въ области сосредоточивалась въ рукахъ Областного бюро Ц. К. Р.

К. П., а на мѣстѣ — въ рукахъ мѣстнаго комитета коммунистической партіи.

Построенъ былъ Совтрудармъ такимъ образомъ, что въ составъ его входили назначенные изъ центра представители различныхъ комиссаріатовъ. Въ качествѣ представителя Комиссаріата Земледѣлія былъ членомъ Совтрударма и Н. Сухановъ. Но незадолго до моего пріѣзда, въ виду ареста нашей мѣстной партійной организаціи и обыска, произведеннаго лично у него, члена «высшаго правительственнаго установленія», чрезвычайкой, этому установленію якобы подчиненной, онъ послалъ Троцкому заявленіе объ отставкѣ, въ составъ Совтрударма больше не входилъ и исполнялъ лишь обязанности представителя Комиссаріата Земледѣлія въ ожиданіи все затягивавшейся присылки ему преемника.

Помѣщался Совтрудармъ въ очень большомъ домѣ, надъ крыльцомъ котораго висѣлъ портретъ Ленина... съ неугасимой лампадой передъ нимъ въ видѣ горѣвшей днемъ и ночью электрической лампочки. Ближе ни съ кѣмъ изъ членовъ Совтрударма, какъ и вообще ни съ кѣмъ изъ мѣстныхъ большевиковъ и чиновниковъ, мнѣ сходиться не приходилось: я былъ слишкомъ замѣтной «крамольной» фигурой въ городѣ, гдѣ все на виду, чтобы на болѣе близкое знакомство со мною могли рискнуть лица, занимавшія оффиціальное положеніе. И я провелъ слишкомъ мало времени въ Екатеринбургѣ, чтобы, присмат-

риваясь издалека, составить себѣ опредѣленное представленіе о мѣстномъ правящемъ персоналѣ.

Пора, однако, разсказать о моей «службѣ». Явившись въ Военно-Санитарное Управленіе, я узналъ, что имѣется телеграмма Семашки объ оставленіи меня въ самомъ Екатеринбургѣ. Это было, при данныхъ условіяхъ, пріятною неожиданностью. Начальникомъ Управленія оказался коммунистъ, молодой еще д-ръ А., человѣкъ необычайно трудолюбивый и аскетически настроенный, но сухой и невѣроятный формалистъ. Самъ онъ корпѣлъ надъ «дѣлами» съ утра до поздней ночи, но «дѣла» то эти по ближайшемъ разсмотрѣніи оказались безплоднымъ ворошеніемъ неисчерпаемой бумажной груды, приводившей въ движеніе грузную канцелярскую машину, но, увы, не дававшей никакихъ реальныхъ результатовъ, такъ какъ во всемъ была нехватка: не было медикаментовъ и инструментовъ, не было достаточно пищи, бѣлья, платья для больныхъ, не было строительныхъ матеріаловъ для ремонта лечебныхъ зданій и т. д. и т. д. И чѣмъ меньше было презрѣнной «матеріи», тѣмъ необъятнѣе становилась «переписка» по поводу нея и количество возникающихъ канцелярскихъ «дѣлъ», въ которыя съ наслажденіемъ погружался А., слѣдя за строгимъ соблюденіемъ всякихъ формъ, росписаній, раскладокъ, сроковъ и пр. Помощникомъ А. былъ д-ръ Г., изъ старыхъ врачей, на зубокъ знавшій всѣ

приказы, циркуляры, инструкціи и пр., томившійся въ опостылѣвшей ему работѣ, но боявшійся хоть чѣмъ нибудь проявить свою самостоятельность передъ лицомъ тщательно надзиравшихъ за нимъ коммунистовъ.

Сразу возникъ вопросъ, куда меня дѣть, такъ какъ отъ чисто врачебной дѣятельности, которою я уже нѣсколько лѣтъ вовсе не занимался, я отказался. Д-ръ А., старавшійся, надо отдать ему справедливость, устроить меня получше, предложилъ мнѣ работу въ санитарно-просвѣтительномъ отдѣлѣ — читать лекціи красноармейцамъ. Мнѣ это не очень улыбалось, такъ какъ я полагалъ, что трудно будетъ говорить о вопросахъ санитаріи въ современной Россіи, не касаясь общихъ экономическихъ и соціальныхъ условій, а слѣдовательно... Категорически отказался я отъ этой работы послѣ разговора съ помощникомъ А. по политической части. Самъ А., какъ коммунистъ, считался одновременно и политическимъ комиссаромъ, политкомомъ, при Военно-Санит. Управленіи, но у него для этой области былъ помощникъ, помполиткомъ, на обязанности котораго лежалъ политическій надзоръ надъ всѣмъ канцелярскимъ и врачебнымъ персоналомъ, подчиненнымъ Управленію; у этого же помощника въ свою очередь былъ помощникъ, котораго я въ шутку называлъ «помпомполиткомъ»; оба были изъ аптекарскихъ учениковъ. Такъ вотъ, послѣ разговора съ однимъ изъ юныхъ фармацевтовъ, дели-

катно внушавшимъ мнѣ, въ какомъ «духѣ» долженъ я читать лекціи, я счелъ за благо рѣшительно отказаться отъ «санитарнаго просвѣщенія».

Тогда меня назначили помощникомъ завѣдующаго врачебнымъ отдѣломъ. Завѣдующимъ, моимъ непосредственнымъ начальникомъ, былъ молодой — лѣтъ 28 — врачъ Л., коммунистъ. Коммунизмъ его былъ довольно своеобразный. Изъ его разсказовъ я узналъ, что онъ — врачъ «военнаго времени», т. е. ускореннаго выпуска. Попалъ сразу съ университетской скамьи на фронтъ. Послѣ революціи ему очень не понравились «всякіе армейскіе комитеты», какъ онъ выражался, во все совавшіе свой носъ и нарушавшіе субординацію и дисциплину. Наоборотъ, большевики ему очень нравились тѣмъ, что «всѣ эти комитеты» разогнали, всякую «демократію» прекратили и ввели строгую дисциплину. А у нихъ въ полку дисциплина и чинопочитаніе всегда сохранялись. И Л. разсказывалъ мнѣ фантастическую исторію, какъ, перейдя послѣ октябрьскаго переворота 1917 года на сторону большевиковъ, полкъ рѣшилъ покинуть фронтъ, но сдѣлалъ это «организованно» и «дисциплинированно»: дѣйствовали подъ командой офицеровъ, которые, несмотря на большевистскіе приказы, сохранили погоны; захватывали цѣлые составы поѣздовъ и двигались черезъ всю Россію, кое гдѣ пробивая путь силой, устраивая цѣлыя сраженія съ другими какими то ча-

стями, которыя тоже называли себя большевистскими, тоже куда то двигались и перехватывали другъ у друга вагоны и паровозы. Кто съ кѣмъ сражался, Л. и самъ точно не зналъ, но въ результатѣ полкъ очутился въ мѣстѣ формированія, и всѣ постепенно разошлись по домамъ.

Въ рабочемъ или просто революціонномъ движеніи Л. никогда не только не участвовалъ, но даже нисколько не интересовался имъ. Съ трогательною наивностью онъ иногда осторожно разспрашивалъ меня: а кто такой былъ Жоресъ? Чѣмъ знаменитъ Бебель? И т. д. Коммунистомъ онъ сталъ исключительно потому, что это удобно въ служебномъ и житейскомъ отношеніяхъ, да еще восхищала его у большевиковъ строгость и отсутствіе всякаго «слюнтяйства» и «гуманничанья». Впрочемъ, разъ онъ попробовалъ «идейно» обосновать свой коммунизмъ и указалъ, что вотъ, когда онъ, человѣкъ холостой, жилъ одинъ, то питался плохо, а теперь устроился съ другими товарищами «коммуной», и оказалось очень удобно: горячіе обѣды и пр.

О томъ, кто такой я и меньшевики вообще, онъ ничего не зналъ; слыхалъ только смутно, что «предатели». Вообще, кромѣ политическаго невѣжества, меня поражала въ этомъ отпрыскѣ эпохи третье-думской реакціи и «военнаго времени» крайняя неинтеллигентность вообще, полное отсутствіе умственныхъ интересовъ. А это былъ, вѣдь, врачъ, да еще вдобавокъ — сынъ профессора!

4*

Въ житейскомъ отношенiи Л. оказался парнемъ добродушнымъ и покладистымъ. «Работали» мы съ нимъ безъ тренiй. Правда, и «работа»-же это была! Во всѣ лечебныя заведенiя посылались безчисленные бланки и анкеты, которые тучей возвращались по заполненiи обратно къ намъ, подшивались и затѣмъ безслѣдно тонули въ пучинахъ канцелярскихъ шкафовъ, или же подсчитывались, сводились въ таблицы и пр. и посылались въ Главное Военно-Санитарное Управленiе. Тамъ они либо тоже безшумно «подшивались къ дѣламъ», которыхъ никто не читаетъ, или же служили основанiемъ для запросовъ намъ, нашихъ запросовъ «на мѣста», отвѣтовъ «съ мѣстъ» и т. д. — порочный канцелярскiй кругъ безъ всякаго намека на какое нибудь реальное дѣло. Иногда эта монотонная «работа» перемежалась составленiемъ всякихъ «проектовъ» по приказанiю «начальства: то проектовъ приказовъ по Военно-Санитарному Управленiю, то проектовъ «сѣти банно-пропускныхъ пунктовъ» и т. п. Собирались комиссiи, составляли идеальный проектъ сѣти бань, прачешныхъ и т. п. идеальнѣйшаго типа, составляли смѣты и пр., хорошо зная, что нѣтъ ни малѣйшей возможности ни построить нужныхъ зданiй, ни оборудовать ихъ, ни снабдить мыломъ, бѣльемъ и пр. Но канцелярская машина вертѣлась, служебнаго времени не хватало, назначались сверхурочныя работы, «дѣло кипѣло», и начальство было довольно.

Я, признаться, никакъ не могъ войти во вкусъ этого толченія воды въ ступѣ. Обязанности завѣдующаго отдѣломъ и мои, какъ его помощника, сводились къ «руководству» всѣмъ этимъ бумажнымъ коловращеніемъ и писанію вышеупомянутыхъ «проектовъ». Какъ на «писателя», у котораго предполагается «легкое перо« (что высоко цѣнится въ совѣтскихъ канцеляріяхъ), на меня особенно охотно возлагали составленіе проектовъ. Но за всѣмъ тѣмъ, преодолѣвая невыносимую скуку отъ этого организованнаго бездѣлья, я никакъ не могъ потратить больше часа въ день на самое добросовѣстное исполненіе возложенныхъ на меня «дѣлъ»: ихъ спокойно можно было возложить на любого деревенскаго писаря. Тратить же свои силы на «инціативу», т. е. на созданіе новыхъ вороховъ чисто бумажныхъ «дѣлъ», у меня не было ни малѣйшей охоты. Будь у меня достаточно книгъ и газетъ, можно было бы плодотворно употреблять служебные часы на чтеніе. Но матеріалъ для чтенія былъ крайне скуденъ, и мнѣ не оставалось ничего другого, какъ стараться приходить возможно позже и уходить возможно раньше. Но и при этомъ начальство мое удивлялось, какъ быстро я «освоился съ дѣломъ»: столь важной и трудной казалась ему бездна канцелярской премудрости!

Мое «манкированіе» службой не осталось, однако, безъ «возмездія». «Политическая часть» въ лицѣ упомянутаго мною «помполиткома»

тщательно слѣдила за соблюденіемъ «трудовой дисциплины», т. е. за тѣмъ, чтобы всѣ являлись на службу и уходили съ нея въ точно назначенное время. Для этого ежедневно выставлялись листы, на которыхъ служащіе должны были собственноручно расписываться; листы эти черезъ 5 минутъ послѣ назначеннаго срока отбирались и шли къ начальству. Cслужащіе, желавшіе начальству угодить, являлись даже раньше срока. Они же, въ качествѣ добровольцевъ, усердно ходили по субботамъ послѣ службы на устраиваемые коммунистами «субботники», т. е. шли куда нибудь за городъ или на вокзалъ ворочать бревна или разгружать вагоны. На непосѣщавшихъ «субботники», — а къ числу ихъ принадлежалъ и я, — «помпомполитком» смотрѣлъ косо.

Этотъ «помпом», нѣкій М., былъ юнецъ съ лошадиною физіономіею и таковою же глупостью. Когда я только пріѣхалъ, онъ добродушно обратился ко мнѣ: «Бросили бы Вы, т. Данъ, вашъ меньшевизмъ, да поступили бы къ намъ въ ячейку: лекціи бы намъ читали!» и былъ очень огорченъ, когда я отклонилъ предложенную мнѣ честь. М. тщательно слѣдилъ «за настроеніемъ», имѣлъ своихъ наушниковъ, во все совалъ свой носъ. Онъ же рѣшилъ принять радикальныя мѣры для упроченія «трудовой дисциплины». Придя однажды — по обыкновенію, съ сильнымъ запозданіемъ — на службу, я увидѣлъ на стѣнѣ громадный картонъ, раздѣлен-

ный на двѣ части. На одной красными чернилами было написано: «Слава честнымъ труженикамъ!» и подъ этою надписью слѣдовали фамиліи особо усердныхъ чиновниковъ; на другой — черными буквами: «Позоръ лѣнтяямъ и лодырямъ!» и дальше на первомъ мѣстѣ моя фамилія. Внизу картона — подпись М. Я искренне расхохотался этому неожиданному производству меня въ «лѣнтяи» на 49-мъ году жизни! Разумѣется, я ни въ чемъ поведенія своего не измѣнилъ, М. ни о чемъ со мною не заговаривалъ, но «красная и черная доски» висѣли до самаго моего отъѣзда, покрывая меня «позоромъ».

Въ началѣ августа по военному вѣдомству былъ отданъ приказъ, чтобы въ опредѣленный день всѣ безъ исключенія служащіе военныхъ учрежденій, кромѣ больныхъ по докторскимъ свидѣтельствамъ, приняли участіе въ заготовкѣ дровъ. На каждаго было назначено по 1 кубической сажени. Заготовка должна была производиться по субботамъ послѣ обѣда и воскресеньямъ, верстахъ въ 10 — 12 отъ города.

Въ первую назначенную субботу площадь передъ станціей Екатеринбургъ II была заполнена подходившими со всѣхъ сторонъ отрядами отдѣльныхъ учрежденій. Всего собралось до 3000 человѣкъ. На спинахъ люди несли котомки со съѣстными припасами. Постепенно одинъ эшелонъ за другимъ садился въ подаваемые товарные поѣзда. Дошла очередь и до насъ. Мы погрузились и поѣхали. Выйдя изъ вагоновъ

посреди лѣса, построились въ колонну и пошли пѣшкомъ версты за 2. Поляна, на которой расположились въ живописномъ безпорядкѣ мужчины и женщины, старики и молодежь, напоминала таборъ: дымились костры, пыхтѣли кипятилки, ржали лошади, привязанныя къ телѣгамъ. На опушкѣ лѣса гремѣлъ военный оркестръ. Было оживленно и даже весело. Хуже стало, когда началась работа.

Вызывали на работу по учрежденіямъ, раздѣляя всѣхъ на группы по 6 человѣкъ. Каждой группѣ вручалось нѣсколько топоровъ и одна пила. Лѣсники отводили ей участокъ, на которомъ надо было поставить кубъ трехаршинныхъ дровъ. Участки всѣ были рядомъ другъ съ другомъ. Надо было свалить деревья, и притомъ такъ, чтобы они падали въ опредѣленную сторону, обрубить сучья, распилить, дрова сложить въ правильный кубъ, и сучья собрать въ кучу. Для непривычныхъ людей — работа крайне трудная, а здѣсь были, вѣдь, не только мужчины, никогда не державшіе топора въ рукахъ, но и сотни женщинъ и дѣвушекъ — машинистокъ, канцеляристокъ и т. д. Рукавицъ было очень мало, и черезъ часъ руки начинали покрываться ссадинами и волдырями. Ночевать надо было тутъ же на мѣстѣ, чтобы продолжать работу въ воскресенье, а ночи были уже холодныя. Не обошлось и безъ несчастныхъ случаевъ: одну дѣвушку неладно упавшимъ деревомъ убило на смерть, одному служащему переломило бед-

ро, мелкихъ пораненій была масса, и для оказанія помощи былъ устроенъ перевязочный пунктъ.

Мнѣ на помощь пришли партійные товарищи, такъ что у меня была своя группа, взявшаяся общими силами поставить приходящійся на мою долю кубъ. Пока дошла до насъ очередь, сталъ уже седьмой часъ, и мы въ сумеркахъ приступили къ работѣ. Къ счастью среди моихъ товарищей были люди, которыхъ суровая совѣтская жизнь уже не разъ заставляла собственноручно заготавливать в лѣсу дрова для своихъ семей, такъ что у нихъ былъ уже нѣкоторый опытъ. Мы работали до 4 часовъ утра съ короткими перерывами для чаепитія. Затѣмъ разложили костеръ и, улегшись вокругъ него, часа 2 поспали, а тамъ снова работали до 12 часовъ дня. За это время намъ удалось поставить полкуба. Рѣшивъ отложить вторую половину на другую субботу, взяли у лѣсника билетъ съ отмѣткой произведенныхъ нами работъ и пешкомъ отправились по домамъ — въ Екетеринбургъ.

Однако этой второй половины намъ такъ и не пришлось отработать, ибо прозябанію моему въ Екатеринбургѣ неожиданно наступилъ конецъ.

Я зналъ, что на двадцатыя числа августа нашъ Ц. К. созываетъ партійную конференцію. Созывалась конференція совершенно легально, и извѣстія о ней печатались даже въ совѣтскихъ газетахъ. Формально наша партія и вообще существовала и дѣйствовала легально. У насъ не было печати; мѣстныя организаціи то и дѣло

громились чрезвычайками; обыски и аресты членовъ партіи не прекращались. Но въ то же время въ Москвѣ у Ц. К. было оффиціальное помѣщеніе съ клубомъ при немъ, въ которомъ собирались члены мѣстной московской организаціи, иногда въ количествѣ до 200 человѣкъ и болѣе. Иногда чрезвычайка дѣлала налетъ и на это помѣщеніе, опечатывала его, забирала бумаги, арестовывала собравшихся. Но наша партія не сдавала своихъ позицій. Мы печатали, когда нужно и можно было, при содѣйствіи рабочихъ-печатниковъ листки и воззванія за подписью Ц. К., игнорируя всѣ большевистскіе запреты, выступали отъ имени партіи на съѣздахъ, собраніяхъ, митингахъ и всѣми возможными способами отстаивали свое право на открытую дѣятельность. И — по крайней мѣрѣ, въ центрѣ, въ Москвѣ — Ч. К. не въ силахъ была справиться съ нами, такъ какъ значительная часть самихъ большевиковъ, особенно большевиковъ-рабочихъ, въ глубинѣ души чувствовала, что въ лицѣ нашей партіи преслѣдуются наиболѣе сознательные, революціонно настроенные рабочіе, и что эти преслѣдованія — неизгладимый позоръ для коммунистической партіи, претендующей на названіе рабочей. Въ результатѣ арестованные черезъ 2 — 3 мѣсяца освобождались (такъ было, напр., въ мартѣ — іюнѣ 1919 г., когда я, въ числѣ прочихъ товарищей , былъ впервые арестованъ большевиками), помѣщеніе распечатывалось, и жизнь ор-

ганизаціи снова начинала идти своимъ чередомъ. Скажу кстати, что не было, кажется, ни одного крупнаго провала членовъ нашей партіи въ Москвѣ, о которомъ заранѣе не сообщили бы т. Мартову или мнѣ по телефону неизвѣстные доброжелатели, — и это несмотря на то, что Ч. К. не разъ грозилась «поймать и разстрѣлять этихъ мерзавцевъ», телефонные разговоры которыхъ съ нами не оставались для нея секретомъ: наши телефоны находились подъ непрерывнымъ наблюденіемъ, разговоры записывались и представлялись въ Ч. К., которая иногда не стѣснялась предъявлять эти записи при допросахъ. Но мы приняли за правило обмѣниваться по телефону мнѣніями такъ свободно, какъ будто никакія чужія уши насъ не слушали, — не называя, конечно, тѣхъ именъ, адресовъ и спеціально конспиративныхъ подробностей, доводить которыхъ до свѣдѣнія Ч. К. не желали...

Итакъ, августовская конференція готовилась совершенно открыто, и въ перепискѣ съ Москвою мы условились, что Ц. К. приметъ мѣры, чтобы попытаться дать возможность и мнѣ принять въ ней участіе. Какъ то днемъ — вскорѣ послѣ рубки лѣса — Сухановъ принесъ мнѣ телеграмму отъ Мартова съ сообщеніемъ, что мнѣ разрѣшено ѣхать въ Москву на конференцію и что объ этомъ послана телеграмма моему начальству. До конференціи осталось очень немного дней, а поѣздка требовала трехъ сутокъ. Меж-

ду тѣмъ на службѣ мнѣ ничего не говорили о полученіи телеграммы, и я сталъ безпокоиться, что опоздаю. Рѣшилъ справиться.

Начальникъ Управленія А. былъ въ это время въ отъѣздѣ — въ Москвѣ. Замѣнялъ его по административной части д-ръ Г., а по политической — пресловутый «пом-пом» М. На мой вопросъ о телеграммѣ оба сказали мнѣ, что ничего нѣтъ. Прошло еще 2 дня, и тутъ одинъ изъ служащихъ открылъ мнѣ секретъ, что на самомъ дѣлѣ телеграмма была, но что М. отправилъ по поводу нея почтой какой то запросъ въ Москву. Положеніе мое было довольно затруднительно: сказать, что я знаю о телеграммѣ, значило выдать съ головою моего освѣдомителя; молчать — значило навѣрное опоздать, т. к. отвѣтъ на почтовый запросъ могъ придти самое раннее черезъ 8 — 10 дней, а конференція должна была уже открыться дня черезъ 3 — 4.

Пришлось прибѣгнуть къ хитрости. Я пришелъ къ М. и заявилъ ему, будто въ Совтрудармѣ мнѣ сказали, что у нихъ имѣется сообщеніе о рѣшеніи высшей московской власти вызвать меня въ Москву, о чемъ де и послано распоряженіе въ Военно-Санитарное Управленіе, и что члены Совтрударма удивляются, почему это распоряженіе не приводится въ исполненіе. М. перепугался и признался мнѣ, что, дѣйствительно, была телеграмма отъ Семашко о предоставленіи мнѣ немедленно двухнедѣльнаго отпуска для поѣздки въ Москву. Но, такъ какъ, по

военному времени (шла война съ Польшей) отпуски военно-служащимъ запрещены, то онъ отправилъ въ Москву письменный запросъ, какъ слѣдуетъ телеграмму понимать, и до полученія отвѣта ничего сдѣлать не можетъ. На мое требованіе написать въ такомъ случаѣ не «отпускъ», а «командировку», онъ отвѣтилъ отказомъ.

Мы съ Сухановымъ побѣжали тогда разыскивать М-ва, коммуниста, бывшаго Московскаго рабочаго, исполнявшаго въ данный моментъ обязанности предсѣдателя Совтрударма. Было уже 3½ часа, до окончанія служебнаго дня оставалось всего полчаса. М-въ, которому мы разсказали все дѣло и объяснили причины, не позволяющія мнѣ медлить съ отъѣздомъ, возмутился явнымъ саботажемъ «помпома». Онъ сейчасъ же послалъ записку командующему войсками округа, отъ котораго безъ пяти минутъ четыре получилось въ Военно-Санитарномъ Управленіи распоряженіе: 1) выдать мнѣ обязательно сегодня же командировку въ Москву «по дѣлу, извѣстному Совнаркому», и 2) посадить «помпома» на семь сутокъ подъ арестъ за явную волокиту и неисполненіе распоряженій начальства.

Что думалъ бѣдный «помпом» насчетъ этого неожиданнаго финала его попытки ущемить «крамольника», я не знаю, но въ 7 часовъ вечера мнѣ были вручены всѣ необходимыя бумаги. Выѣхать удалось, однако, лишь на слѣдующій день вечеромъ, такъ какъ въ этотъ день въ поѣздѣ не оказалось мѣста.

По пріѣздѣ въ Москву, я узналъ, что своей волокитой «помпом» оказалъ мнѣ услугу. Еще до начала перваго засѣданія конференціи делегаты, собравшіеся въ помѣщеніи нашего партійнаго клуба, были арестованы. Спаслись только тѣ, которые не успѣли придти, или которыхъ предупредили члены нашего Союза Молодежи, немедленно разставившіе пикеты по всѣмъ окрестнымъ улицамъ и на этой работѣ также отдавшіе 2 — 3 жертвы въ руки Ч. К. Всѣ арестованные были, правда, недѣли черезъ 3 — 4 выпущены. Но не опоздай я благодаря «помпому», въ моей тюремной біографіи могла бы прибавиться лишняя страничка...

Что означало такое противорѣчивое поведеніе большевиковъ, я и по сейчасъ не знаю. Была-ли это сознательная провокація, въ частности по отношенію ко мнѣ, получившему возможность пріѣхать «на конференцію» по постановленію самого Ц. К. коммунистической партіи? Или же Ч. К. еще разъ хотѣла показать, что у нея — своя рука владыка, и никто ей не указъ? Повторяю, я этого не знаю. Но конференція не состоялась. Жизнь московской организаціи была на нѣсколько недѣль парализована. А въ то же время Мартовъ получилъ разрѣшеніе на выѣздъ заграницу, куда Ц. К. спѣшилъ отправить его для участія въ съѣздѣ германской независимой соціалистической партіи въ Галле, гдѣ долженъ былъ рѣшаться вопросъ объ отношеніи къ коммунизму и III Интернаціоналу...

III.

НА ФРОНТЪ!

Въ Москвѣ я застрялъ недѣли на три. Велись разговоры о возвращеніи меня въ Москву. Объ этомъ ходатайствовало мое прежнее начальство по Наркомздраву. Этого требовалъ нашъ Ц. К. Но ничто не помогало. Семашко далъ мнѣ высочайшую аудіенцію. Изложивъ свою горькую обиду на то, что я такъ рѣзко отвергъ его заботы объ участи моей семьи, онъ заявилъ, что оставить меня въ Москвѣ никакъ не можетъ; увѣрялъ даже, что это для моего блага, намекалъ, что Ч. К. непремѣнно арестуетъ меня. Онъ соглашался, однако, на Уралъ меня не возвращать, предоставляя мнѣ выбрать любое мѣсто службы кромѣ Москвы.

Выборъ, однако, былъ не великъ. Ѣхать въ одинъ изъ крупныхъ городовъ Юга — Кіевъ, Харьковъ или Ростовъ на Дону — нельзя было, такъ какъ отдаленность отъ Москвы сильно затруднила бы мои сношенія с Ц. К-омъ. Любой же городъ центральной Россіи во всѣхъ отноше-

ніяхъ оказался бы ничуть не лучше Екатеринбурга: то же вынужденное бездѣлье, та же мертвечина, та же удушающая атмосфера произвола мелких провинціальныхъ диктаторовъ...

Подумавъ нѣсколько, я рѣшилъ проситься на русско-польскій фронтъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, будетъ новая среда и новыя впечатлѣнія, которыя нѣсколько скрасятъ убогую сѣрость провинціальной жизни. Хотѣлось также присмотрѣться къ Красной Арміи. Я зналъ, разумѣется, что большевистская атмосфера террора, наушничества, доносовъ не дастъ мнѣ возможности ближе сойтись съ красноармейцами и говорить съ ними «по душамъ», что придется ограничиться ролью «сторонняго наблюдателя», но все таки...

Со стороны Семашко препятствій не встрѣтилось, и, по выполненіи всѣхъ нужныхъ формальностей, я покатилъ въ Минскъ, гдѣ находился въ то время штабъ фронта. Въ карманѣ у меня было письмо начальника Главнаго Военно-Санитарнаго Управленія къ начальнику Военно-Санитарнаго Управленія Западнаго фронта съ просьбой дать мнѣ назначеніе административнаго характера. Насчетъ ѣзды мнѣ опять посчастливилось. По знакомству я попалъ въ одинъ изъ «собственныхъ» вагоновъ, какіе въ громадномъ количествѣ имѣлись въ распоряженіи различныхъ вѣдомствъ. Вагонъ былъ четвертаго класса, но чистый. Въ немъ была печка, на которой проводники кипятили воду и

даже готовили обѣдъ. Народу было всего человѣкъ 12, и ѣхать было очень удобно.

Въ Минскъ я прибылъ въ послѣднихъ числахъ сентября. Послѣ разгрома подъ Варшавой Красная Армія отхлынула далеко назадъ, и съ перваго же дня я услышалъ разговоры о возможной въ близкомъ будущемъ эвакуаціи Минска.

По внѣшнему виду Минскъ весьма отличался отъ Екатеринбурга. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но, несмотря на близость фронта и изобиліе военныхъ учрежденій, Минскъ имѣлъ гораздо менѣе «военный» видъ и не былъ окрашенъ въ сплошной цвѣтъ «хаки». Чувствовалось, что здѣсь имѣется прочное, осѣдлое населеніе, которое и вчера жило своею жизнью, живетъ ею сегодня, и будетъ жить завтра, а не поглощается почти безъ остатка бюрократически-милитаристской волной. Улицы были оживлены. Открыто много лавокъ — и опять таки странность: въ то время, какъ магазины платья, обуви, металлическихъ издѣлій и т. д. уже опечатаны и «національзованы», открыты и свободно торгуютъ именно лавки съ съѣстными припасами, вездѣ въ совѣтской Россіи первыми падавшія жертвами «коммунизма»: повидимому, именно близость фронта и нежеланіе раздражать красноармейцевъ сыграли свою роль въ этомъ «попустительствѣ». И самый подборъ товаровъ въ этихъ лавкахъ поражалъ совѣтскаго обывателя прочей Россіи: масло, колбаса, мясо,

бѣлый хлѣбъ и булки, сахаръ, пирожныя и даже швейцарскій шоколадъ! Все это стоило очень дорого, но на все это находились покупатели, и въ числѣ ихъ видную роль играли красноармейцы, у многихъ изъ которыхъ, не знаю откуда, было много денегъ. Мнѣ говорили, что многіе красноармейцы получаютъ массу денегъ изъ деревни, гдѣ скопились цѣлыя груды совѣтскихъ бумажекъ. Цѣна на эти бумажки сильно колебалась. Дѣйствительной денежной единицей былъ въ то время в Минскѣ «царскій» рубль. Но, такъ какъ биржа, хоть и нелегальная, функціонировала какимъ то образомъ совершенно регулярно, то ежедневно къ полудню курсъ «царскихъ» денегъ былъ точно извѣстенъ, и соотвѣтственно переоцѣнивались и товары.

Достать в Минскѣ квартиру или хотя бы комнату было очень трудно. Все было забито фронтовыми учрежденіями и их безчисленными служащими. Но кромѣ того значительная часть окраинъ Минска съ фабриками и заводами была разрушена и, какъ мнѣ говорили, нарочно подожжена при ихъ уходѣ поляками, которые мѣшали тушить пожаръ. Однако, мнѣ и въ этомъ отношеніи повезло, благодаря привезеннымъ изъ Москвы рекомендаціямъ и помощи партійныхъ товарищей: на слѣдующій же день по пріѣздѣ у меня была великолѣпная комната.

Товарищей в Минскѣ оказалось довольно много. Здѣсь были, съ одной стороны, минчане, преимущественно изъ мѣстной группы Бун-

да (с.-д.), съ другой стороны, смоленскіе соціал-демократы, мобилизованные по случаю войны съ Польшей в партійном порядкѣ и работавшіе въ различныхъ фронтовыхъ учрежденіяхъ.

Дѣла мѣстной организаціи обстояли довольно плохо. Еврейскіе рабочіе—главный контингентъ мѣстнаго пролетаріата — въ массѣ своей увлекались коммунизмомъ. Для того были, сколько я могъ убѣдиться изъ наблюденій и разговоровъ, достаточныя объективныя основанія. Положеніе рабочихъ домашней промышленности и мелкаго ремесла, — а таковыми было большинство еврейскихъ рабочихъ, — на первыхъ порахъ большевистскаго режима не ухудшалось, а скорѣе даже нѣсколько улучшалось: объ ухудшеніи вообще трудно говорить тамъ, гдѣ уровень существованія стоялъ на самой низкой ступени, гдѣ царила потогонная система, и гдѣ техническая и экономическая отсталость соединялись съ національнымъ безправіемъ, чтобы придавить къ землѣ голову еврейскаго пролетаріата. Большевизмъ освобождалъ раба домашней промышленности и ремесла, превращая его въ рабочаго, работающаго непосредственно на казну. Онъ освобождалъ его также отъ національной приниженности и непосредственно поднималъ его соціальное положеніе, открывая бойкимъ, интеллигентнымъ, имѣющимъ за собою вѣковую городскую культуру еврейскимъ рабочимъ доступъ ко всевозможнымъ административнымъ должностямъ. Развернуть всѣ свои отрицательныя стороны

5*

большевизмъ въ Бѣлоруссіи не успѣлъ. Его губительное вліяніе на хозяйство сказывалось въ непрерывномъ ростѣ цѣнъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ армію вливались въ населеніе крупныя денежныя средства. Буржуазія, у которой конфисковывали предпріятія, и крестьяне, подвергавшіеся реквизиціямъ хлѣба и скота, конечно, уже стонали подъ игомъ коммунистической политики: его чувствовали и немногочисленные рабочіе крупной промышленности, остановившейся почти совсѣмъ. Но для массы еврейскихъ рабочихъ-ремесленниковъ розы большевизма пока бросались въ глаза сильнѣе, чѣмъ шипы его. Немудрено, что въ этой массѣ коммунизмъ пользовался еще широкими симпатіями, и что при расколѣ Бунда огромное большинство организованныхъ рабочихъ пошло за его коммунистическою частью.

Правда, кое какіе признаки похмелья уже замѣчались. Видный дѣятель коммунистическаго Бунда съ горечью разсказывалъ мнѣ, какъ при первомъ же боѣ былъ почти уничтоженъ коммунистическій еврейскій баталіонъ, составленный по партійной мобилизаціи изъ цвѣта организованныхъ еврейскихъ рабочихъ. Мой собесѣдникъ думалъ, что въ этомъ истребленіи была не безъ вины и «политика», внушившая военному командованію мысль возложить на необстрѣлянный и неопытный баталіонъ задачу, явно ему непосильную и обрекавшую его на гибель. Члены коммунистическаго Бунда (Вайнштейнъ, Э. Фрумкина) входили въ составъ бѣлорусскаго

правительства. Это не мѣшало оффиціальной прессѣ травить коммунистическій Бундъ такъ же, какъ газеты Совѣтской Россіи травятъ социал-демократовъ, за то, что онъ желаетъ сохранить особую организацію и тѣмъ обнаруживаетъ свою буржуазную и предательскую природу. Ежедневно печатались письма «прозрѣвшихъ», которые покидали ряды Бунда и заявляли о своемъ переходѣ въ партію большевиковъ. Бундисты чувствовали, что почва ускользаетъ изъ подъ ихъ ногъ, и что недалекъ часъ, когда организація ихъ будетъ уничтожена. Какъ извѣстно, это вскорѣ и случилось. По рѣшенію Коминтерна Бундъ былъ распущенъ, и члены его вошли въ Росс. Ком. Партію. А еще черезъ нѣкоторое время, по случаю партійной «чистки», множество бундистовъ было изъ Р. К. П. исключено, какъ «бывшіе меньшевики». Другіе были сняты съ мѣстъ, гдѣ долголѣтняя дѣятельность связывала ихъ съ мѣстнымъ пролетаріатомъ, и, напр., тотъ же Вайнштейнъ, одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе заслуженныхъ дѣятелей Бунда, состоитъ въ настоящее время предсѣдателемъ Исполкома... Башкирской республики.

Смоленскіе товарищи (человѣкъ 10) работали, какъ я уже сказалъ, во фронтовыхъ учрежденіяхъ, занимая нерѣдко весьма отвѣтственныя должности. Начальство ихъ работой весьма дорожило, но у нихъ самихъ настроеніе было тяжелое. Смоленская организація, какъ и вся наша партія, охотно мобилизовала своихъ членовъ,

когда Польша начала войну съ Совѣтской Россіей съ явно аггрессивными цѣлями, по совершенно очевидному подстрекательству имперіалистовъ Антанты. Но, когда большевики воспользовались своими первыми военными успѣхами, чтобы, въ свою очередь, перейти въ наступленіе; когда былъ провозглашенъ походъ на Варшаву и образованіе вывезеннаго изъ Москвы «ревкома» съ цѣлью «совѣтизаціи» Польши; когда большевистская пресса начала заговаривать о Рейнѣ, на которомъ, дескать, будетъ дана послѣдняя и рѣшительная битва международному капитализму; когда, словомъ, обнаружилась явная тенденція «нести народамъ Запада коммунизмъ» на штыкахъ Красной Арміи, — тогда, разумѣется, настроеніе членовъ нашей партіи существенно измѣнилось. Поддерживать такую «внѣшную политику» и такую войну мы никоимъ образомъ не желали, о чемъ и заявили открыто въ резолюціи Ц. К-та.

Мобилизованные члены Смоленской организаціи раздѣляли общепартійное настроеніе, и немедленно же по пріѣздѣ моемъ въ Минскъ нѣкоторыми изъ нихъ былъ возбужденъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, произвести партійную демобилизацію. По тщательномъ обсужденіи вопросъ этотъ былъ рѣшенъ отрицательно: варшавскій походъ былъ ликвидированъ, Красная Армія непрерывно отступала, а, съ другой стороны, съ юга, въ лицѣ Врангеля, снова шелъ натискъ

дворянско-генеральской реакціи. При такихъ условіяхъ демобилизація была съ точки зрѣнія нашей партіи политически непріемлема.

Я лично считалъ тогда и считаю теперь, что пораженіе большевиковъ подъ Варшавой было чѣмъ то неизмѣримо большимъ, чѣмъ простая военная неудача. Съ моей точки зрѣнія это пораженіе было неопровержимымъ свидѣтельствомъ иллюзорности самой затѣи сдѣлать Красную, по существу своему мужицкую, Армію орудіемъ для насажденія коммунизма въ соціально-экономически болѣе передовыхъ странахъ. Армія эта была, есть и будетъ непобѣдима, когда рѣчь идетъ объ оборонѣ, о защитѣ крестьянскихъ революціонныхъ завоеваній отъ покушеній домашней ли реакціи, иностраннаго ли имперіализма. За защиту захваченной земли отъ возможнаго возвращенія барина мужикъ-красноармеецъ будетъ драться съ величайшимъ героизмомъ и величайшимъ энтузіазмомъ. Онъ пойдетъ съ голыми руками противъ пушекъ, танковъ и своимъ революціоннымъ пыломъ будетъ заражать и разлагать самые великолѣпныя и дисциплинированныя войска, какъ это мы видѣли и съ нѣмцами, и съ англичанами, и съ французами одинаково. Красноармейца можно еще съ грѣхомъ пополамъ употреблять и для войнъ «колоніальнаго» типа, гдѣ онъ сталкивается съ «инородческимъ» населеніемъ совершенно иной, до-капиталистической культуры, гдѣ нельзя ожидать сильнаго сопротивленія и

гдѣ манитъ легкая и богатая добыча: Хива, Бухара и отчасти Грузія тому примѣромъ. Но идея большевистскаго коммунизма до такой степени чужда и даже враждебна всему духовному складу мужика-красноармейца, что ни заразиться ею самъ, ни заразить другихъ онъ не можетъ. Война за преобразованіе капиталистическаго общества въ коммунистическое его увлечь не можетъ, — и тутъ граница большевистскихъ «красноармейскихъ» возможностей. Тутъ, въ болѣе широкой перспективѣ, и граница возможностей русской революціи вообще. Только какъ «мужицкая» революція, хотя и протекающая подъ сильнымъ идейно-политическимъ вліяніемъ пролетаріата, а не какъ революція непосредственно соціалистическая, можетъ она стимулировать міровой соціально-революціонный процессъ.

Наступленіе на Варшаву и слѣпому должно было воочію показать это. Армія, только что бившая на голову поляковъ, вездѣ, гдѣ они пытались наступать на Россію, начала терпѣть пораженіе за пораженіемъ, лишь только ей была поставлена другая задача — сдѣлать Польшу «красной» с перспективой «коммунизировать» затѣмъ Германію и т. д. Польское населеніе, не только крестьянское и мѣщанское, но и рабочее, населеніе болѣе высокой культуры, нисколько не подвергалось идейному воздѣйствію обрушившейся на него болѣе отсталой стихіи: оно массами снималось съ мѣстъ при подходѣ Красной Арміи и отступало вмѣстѣ съ польскими

войсками. А эти войска не только не разлагались подъ вліяніемъ красноармейцевъ, но, наоборотъ, сама Красная Армія, утратившая интересъ и вѣру въ плодотворность того дѣла, ради котораго ведется война, стала разлагаться. И этому процессу разложенія содѣйствовала, разумѣется, плохая постановка матеріальной части — тоже выраженіе несоотвѣтствія хозяйственной основы отсталой и истощенной страны тѣмъ грандіознымъ задачамъ соціальнаго переустройства всего міра, которыя этой странѣ ставились большевиками.

Въ результатѣ — чѣмъ дальше Красная Армія подвигалась къ Варшавѣ, тѣмъ болѣе она освобождалась отъ всякихъ обозовъ и, несмотря на существованіе спеціальнаго продовольственнаго фронтоваго органа (Опродкомзап), фактически жила лишь реквизиціями у мѣстнаго населенія, вносившими громадное озлобленіе и раздраженіе; и тѣмъ болѣе таяли ея полки, потому что солдаты стали разбѣгаться. Дезертирство достигло колоссальныхъ размѣровъ. Какъ то уже позже, въ Смоленскѣ, конвоиръ красноармеецъ въ разговорѣ съ препровождавшимися по этапу товарищами, арестованными въ Могилевѣ, такъ опредѣлялъ юмористически, что такое «трехмилліонная Красная Армія»: милліонъ бѣжитъ, милліонъ сидитъ, милліонъ ловитъ и водитъ. Несмотря на угрозы суровыми карами, смѣнявшіяся «недѣлями дезертировъ», когда добровольно вернувшимся обѣщалось полное

прощеніе, бѣгство изъ рядовъ арміи не прекращалось, и только въ упомянутыя «недѣли» бѣглецы возвращались, чтобы получить обмундированіе и затѣмъ снова исчезнуть.

Походъ на Варшаву неопровержимо доказалъ невозможность наступательной «коммунистической» войны для Красной Арміи и въ этомъ смыслѣ отмѣтилъ собою настоящій поворотный пунктъ во внѣшней политикѣ большевиковъ. Правда, эта неудачная попытка стоила Россіи — Рижскаго мира! А черезъ самый короткій срокъ та же Красная Армія, безсильная въ наступленіи на Польшу, показала чудеса беззавѣтной храбрости и непобѣдимости въ войнѣ съ Врангелемъ, этимъ послѣдышемъ царско-дворянской реакціи! Что можетъ быть ярче этой исторической иллюстраціи? И чѣмъ можетъ быть болѣе разительно подчеркнуто, что истиннымъ побѣдителемъ во всѣхъ гражданскихъ войнахъ большевистскаго періода былъ русскій мужикъ, и только онъ?

Возвращаюсь, однако, къ прерванному разсказу.

Явился я къ своему военно-санитарному начальству. Начальствомъ оказался бывшій бундистъ, а нынѣ большевикъ, д-ръ Л., человѣкъ довольно ограниченный и, насколько я могъ судить, бывшій совершенно не въ силахъ справиться съ порученнымъ ему дѣломъ — управленія военно-санитарной частью цѣлаго фронта, да еще въ такихъ трудныхъ условіяхъ, какія

создавались невѣроятной разрухой снабженія и транспорта. Онъ усиленно старался соблюдать «дисциплину» и чинопочитаніе, цѣплялся за мелочи, но охватить все дѣло въ цѣломъ не могъ. И еще не могъ, какъ я лично на своемъ дальнѣйшемъ служебномъ опытѣ убѣдился, говорить выше-стоящимъ всю правду въ глаза. Меня всегда странно поражала эта способность къ быстрому бюрократическому перерожденію съ его «все обстоитъ благополучно» у людей, которые вчера еще были товарищами по нелегальной работѣ и казались безконечно далекими отъ всякихъ бюрократическихъ замашекъ. Но эта закваска, видно, въ крови у россійскаго человѣка. . . . .

Л. принялъ меня очень любезно и, освѣдомившись о моемъ желаніи остаться въ самомъ Минскѣ, назначилъ меня въ резервъ Военно-Санитарнаго Управленія съ прикомандированіемъ къ эвакуаціонному отдѣлу. Но приступить сейчасъ же къ работѣ мнѣ не пришлось. Дня два начальникъ эвакуаціоннаго отдѣла не могъ сообразить, какую именно работу поручить мнѣ. а тамъ вопросъ объ эвакуаціи, находившійся раньше въ области слуховъ, принялъ вполнѣ реальныя очертанія. Появились смутныя вѣсти, что поляки надвигаются на Минскъ, обыватели начали волноваться и таинственно шушукаться на улицахъ, и, наконецъ, было оффиціально объявлено, что фронтовыя учрежденія покидаютъ Минскъ. Перебираться рѣшено было въ

Смоленскъ. Всѣ занялись спѣшной разборкой и укладкой «дѣлъ». Въ Смоленскъ поскакали квартирьеры для подысканія помѣщеній. Спѣшка была отчаянная, такъ какъ опасались, что поляки перерѣжутъ желѣзную дорогу у Борисова.

Моему начальству по эвакуаціонному отдѣлу было, конечно, не до того, чтобы вводить новаго человѣка въ дѣло. Дѣлать въ Минскѣ мнѣ было рѣшительно нечего. Рисковать попасть въ плѣнъ къ полякамъ, если путь на Смоленскъ и въ самомъ дѣлѣ будетъ отрѣзанъ, у меня не было ни малѣйшей охоты. Я рѣшилъ ѣхать сейчасъ же, не дожидаясь, пока соберется и тронется наше управленіе. Мнѣ охотно выдали командировочное свидѣтельство и предоставили затѣмъ своимъ собственнымъ силамъ.

Суматоха въ городѣ была уже въ полномъ разгарѣ. Изъ мѣстнаго населенія не уѣзжалъ почти никто. Но за то всѣ военныя и часть гражданскихъ учрежденій тронулись сразу. По направленію къ вокзалу двигались толпы красноармейцевъ. Непрерывной вереницей грохотали легковые экипажи, телеги, грузовики, до верху нагруженные всякимъ скарбомъ: канцелярскіе столы и стулья, топчаны, связки «дѣлъ» въ папкахъ, кипы, тюки и бочки съ разными товарами, а вмѣстѣ съ этимъ — роскошная мягкая мебель, портьеры, картины, громадныя зеркала, піанино и рояли! Было видно, что многіе, эвакуируясь, увозятъ «на память» обстановку тѣхъ

«буржуйскихъ» квартиръ, гдѣ размѣщались. На этой почвѣ произошелъ даже непріятный инцидентъ съ однимъ изъ смоленскихъ товарищей, д-ромъ Г. Онъ, вмѣстѣ съ другими служащими Военно-Санитарнаго Управленія, жилъ въ квартирѣ покинувшаго Минскъ вмѣстѣ съ польскими войсками члена окружнаго суда Петрусевича. П. работалъ раньше въ русскомъ рабочемъ движеніи и даже, въ качествѣ участника 1-го съѣзда соціалдемократической партіи, былъ однимъ изъ ея основателей. Хотя онъ впослѣдствіи отъ партійной дѣятельности и отошелъ, но все же всегда оказывалъ мѣстнымъ соціалдемократамъ всякія услуги. Квартира его была обставлена со вкусомъ, въ ней было много картинъ, статуэтокъ, вазъ и т. п. Кое кто изъ незваныхъ обитателей квартиры Петрусевича прихватилъ часть этихъ сокровищъ и мебели съ собою въ Смоленскъ. Г-у было крайне непріятно, что П., вернувшись и узнавъ, кто именно въ его квартирѣ жилъ, можетъ счесть его участникомъ ограбленія. Поэтому онъ рѣшилъ оставить въ квартирѣ письмо П-у съ выраженіемъ сожалѣнія о произведенномъ разгромѣ и завѣреніемъ, что онъ ни въ какой степени къ нему не причастенъ. Впоследствіи, когда предполагавшееся занятіе Минска поляками не состоялось и туда была отправлена особая комиссія отъ Чрезвычайки, письмо это было найдено, и Г. арестованъ. Отдѣлался онъ впрочемъ довольно благополучно, отсидѣвъ пару недѣль: у Ч. К.,

видимо, не было никакой охоты ворошить «щекотливое» дѣло.

На вокзалѣ творилось столпотвореніе вавилонское: крикъ, гамъ, руготня, давка, плачъ дѣтей. Стояло нѣсколько десятковъ составовъ почти исключительно изъ товарныхъ вагоновъ и платформъ, частью еще безъ паровозовъ. Было трудно разобрать, какой составъ подъ какое учрежденіе предназначается, и никто толкомъ не зналъ, когда тронется въ путь. Было морозно, особенно по ночамъ, но почти всѣмъ пришлось размѣститься въ нетопленыхъ товарныхъ вагонахъ и на открытыхъ платформахъ посреди наваленныхъ тюковъ и мебели. А ѣхать надо было 2, 3, а то и 4 дня. Нѣкоторые провели даже цѣлую недѣлю въ пути: все зависѣло отъ того, удастся ли скоро проскочить разъѣздъ въ Борисовѣ и получить во время паровозъ.

Нѣкоторые изъ «бывшихъ меньшевиковъ», перешедшіе къ большевикамъ и занимавшіе весьма видные посты во фронтовомъ мірѣ, доставили мнѣ мѣсто въ вагонѣ 1-го класса — одномъ изъ «спеціальныхъ» вагоновъ, приписанныхъ къ опредѣленному учрежденію. Въ довершеніе счастья вагонъ этотъ прицѣплялся къ послѣднему скорому поѣзду, отходившему изъ Минска, и хотя «скорость» эта стала уже весьма относительной, все же я провелъ въ пути всего двое сутокъ.

Въ вагонѣ ѣхали кромѣ меня исключительно служащіе учрежденія — владѣльца вагона — съ

семьями. Пассажировъ было сравнительно немного, такъ что каждый имѣлъ спальное мѣсто. Но, признаюсь, никогда эти матеріальныя удобства не ложились такою тяжестью на душу, какъ тутъ, въ этой суматохѣ, гдѣ солдаты, старики, женщины, дѣти, раненые тѣснились въ теплушкахъ и на платформахъ, мерзли и — громко проклинали немногихъ счастливцевъ, устроившихся въ классныхъ вагонахъ.

Такихъ вагоновъ в нашемъ поѣздѣ было немного: штуки 3—4, изъ нихъ одинъ — международнаго общества с надписью «для делегатовъ III Интернаціонала». Какіе тутъ были делегаты, я не знаю, но въ роскошномъ вагонѣ помѣщалось всего нѣсколько человѣкъ. По несчастной случайности, однако, наибольшее негодованіе толпы, особенно красноармейцевъ, вызывалъ именно тотъ вагонъ, въ который судьба впихнула меня.

Дѣло было въ слѣдующемъ. Завѣдующій транспортомъ учрежденія, которому принадлежалъ вагонъ, человѣкъ, какъ я узналъ, крайне работящій и безкорыстный, отправлялъ въ этомъ вагонѣ свою семью, въ числѣ которой былъ годовалый больной ребенокъ. Было извѣстно, что достать въ пути молока будетъ невозможно, а состояніе ребенка было тяжелое. И вотъ, отцу его пришла въ голову злосчастная мысль отправить вмѣстѣ съ семьей молочную козу. Сказано — сдѣлано, и козу помѣстили въ одномъ изъ тамбуровъ вагона. Пока поѣздъ двигался, все

было ничего. Но стоило вагону остановиться, какъ проклятое животное становилось передними лапами на подоконникъ, показывало всему честному народу свою морду и начинало громко блеять! Что тутъ дѣлалось, не поддается описанію. Красноармейцы выходили изъ себя, грозили кулаками, кричали, что это — безобразіе: коза ѣдетъ въ первомъ классѣ въ то время, какъ раненые валяются на крышахъ вагоновъ, и т. д. Иногда казалось, что толпа разобьетъ вагонъ, и тогда другие пассажиры, многіе изъ которыхъ везли цѣлые вагоны, набитые всякимъ добромъ, начинали кричать, что надо козу выбросить, мать ребенка волновалась. Хотѣлось выскочить изъ вагона, и я дождаться не могъ, когда, наконецъ, кончится это кошмарное путешествіе съ неудобной четвероногой спутницей.

Въ Смоленскъ прибыли рано утромъ. Здѣсь — та же суматоха и неразбериха, какъ въ Минскѣ, только въ обратномъ порядкѣ. Какъ тамъ на вокзалъ, такъ тутъ съ вокзала мчатся экипажи, фуры, грузовики, гудятъ автомобили, и въ воздухѣ виситъ сочная ругань. Для небольшого, живописно раскиданнаго по холмамъ города это — настоящее Батыево нашествіе. Куда размѣстить эту ораву людей и учрежденій, каждое изъ которыхъ хочетъ расположиться со всѣми удобствами, ссылаясь на свою важность для интересовъ фронта? Въ помѣщеніи жилищной «тройки», на которую возложено расквартированіе, такая тѣснота и духота, что можно

упасть въ обморокъ. Кричатъ требующіе квартиръ, кричатъ, а иногда и плачутъ уплотняемые и выселяемые. Все дѣлается обязательно «въ 24 часа», цѣлыя семьи оказываются выброшенными на улицу съ правомъ захватить лишь самое ограниченное количество мебели или втиснутыми въ одну комнату. «Тройкѣ» некогда входить въ подробный разборъ отдѣльныхъ случаевъ, она выдаетъ ордера направо и налѣво, — и въ результатѣ мужчины оказываются вселенными въ комнаты, занятыя женщинами, а машинистки и канцеляристки предназначаются для «уплотненія» комнаты какого нибудь почтеннаго смоленскаго обывателя. Бѣгутъ съ жалобами, получаютъ въ отвѣтъ окрики и, подъ конецъ, все-таки какъ то устраиваются, «утрясаются», хотя множество низшихъ или менѣе безцеремонныхъ служащихъ все же вынуждено ночевать въ канцеляріяхъ, гдѣ работаютъ.

Мнѣ лично предложилъ помѣщеніе одинъ изъ партійныхъ товарищей, смоленскій старожилъ. Помѣщеніе было не корыстное: безъ окна, лишь съ застекленной наверху перегородкой, отдѣлявшей мой уголъ отъ передней, къ тому же проходное. Но и это помѣщеніе приходилось руками и зубами отстаивать отъ покушенія различныхъ квартирьеровъ и прочихъ претендентовъ, обращаясь за покровительствомъ чуть не къ самому высшему начальству.

Подъ военно-санитарное управленіе былъ отведенъ домъ, занимавшійся раньше курсами

«красныхъ командировъ». И вотъ характерная подробность: всѣ стѣны были испещрены монархическими и антисемитскими надписями! По моему положенію человѣка, явно «неблагонадежнаго», мнѣ трудно было сходиться ближе не только съ рядовыми красноармейцами, но и съ командньмъ составомъ. Но, поскольку въ учрежденіяхъ, на улицѣ, въ вагонѣ приходилось сталкиваться съ красноармейскимъ офицерствомъ, я получилъ вполнѣ опредѣленное впечатленіе, что по характеру разговоровъ, кругу интересовъ, хвастливому молодечеству и пр. оно не далеко ушло отъ офицерства добраго стараго времени, и невольно приходило на умъ, что это — готовый штабъ будущаго бонапартизма. Разъ пришлось даже услышать изъ устъ одного такого молодчика мнѣніе, что «совсѣмъ бы Троцкій хорошъ въ диктаторы, да жаль — жидъ!»

Наступленіе поляковъ на Минскъ задержалось, эвакуація приняла менѣе лихорадочный характеръ, и наше управленіе лишь дней черезъ 10 появилось въ Смоленскѣ. Я все это время бездѣльничалъ, осматривалъ городъ, знакомился съ мѣстной партійной группой. Несмотря на постоянныя репрессіи, группа имѣла прочные корни среди рабочихъ города, имѣла представителей въ Совѣтѣ и собственное скромное помѣщеніе для собраній. Съ помѣщенія этого передъ самымъ моимъ пріѣздомъ были сняты печати, наложенные чрезвычайкой при послѣднемъ налетѣ. Съ возвращеніемъ мобилизованныхъ смо-

лянъ изъ Минска жизнь группы нѣсколько ожилась: устраивались собранія членовъ, на которыхъ я читалъ доклады о положеніи дѣлъ въ партіи, о русско-польской войнѣ и т. д., но публичныя выступленія — за исключеніемъ рѣчей въ Совѣтѣ, собиравшемся крайне рѣдко, — были невозможны.

Вскорѣ послѣ переѣзда фронтовыхъ учрежденій въ Смоленскъ военныя дѣйствія прекратились, было заключено перемиріе и начались переговоры, закончившіеся Рижскимъ миромъ. Минскъ такъ и не былъ занятъ поляками, но управленіе фронтомъ осталось въ Смоленскѣ. Вниманіе эвакуаціоннаго отдѣла, въ которомъ я работалъ, было поглощено, главнымъ образомъ, вопросомъ о вывозѣ и размѣщеніи больныхъ сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ. Такихъ больныхъ было десятки тысячъ, и некуда было ихъ дѣть. Были города, гдѣ тифозные валялись сотнями и тысячами на полу, почти безъ всякаго ухода и призора. Были случаи, когда по-просту «госпитализировались» казармы, такъ какъ обитатели ихъ были почти сплошь больны, а госпиталей для размѣщенія ихъ не хватало, какъ не хватало и транспортныхъ средствъ для вывоза. Телеграммы и доклады, летѣвшіе въ центръ, мало улучшали дѣло, такъ какъ нехватка была во всемъ. Но все же работа носила нѣсколько менѣе бумажный характеръ, чѣмъ въ Екатеринбургѣ.

Въ началѣ октября было объявлено разрѣшеніе давать служащимъ двухнедѣльные от-

6*

пуски для поѣздки на родину за теплымъ платьемъ. Я воспользовался этимъ, чтобы съѣздить въ Москву, гдѣ и пробылъ около 3 недѣль. Здѣсь опять поднялись разговоры о моемъ обратномъ переводѣ въ Москву. Семашко объявилъ мнѣ, что въ «принципѣ» онъ противъ этого перевода ничего больше не имѣетъ, что вотъ надо только «покончить съ Врангелемъ», и что во всяком случаѣ не позже, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, я буду въ Москвѣ. Съ этимъ я и вернулся въ Смоленскъ.

Здѣсь меня ждалъ сюрпризъ. Оказалось, въ самую ночь моего отъѣзда въ Москву ко мнѣ, какъ и почти ко всѣмъ смоленскимъ соціалдемократамъ, нагрянула Чрезвычайка и производила тщательный обыскъ. Арестованъ никто не былъ. Чрезвычайники сожалѣли, что не застали меня; одинъ изъ нихъ увѣрялъ, будто онъ мой «старый знакомый» по партійнымъ съѣздамъ. Разговорившись съ хозяевами, они выражали увѣренность, что я «не спроста» переселился въ Смоленскъ, а, вѣроятно съ цѣлью... организовать бѣлорусское правительство на предметъ сверженія большевиковъ и союза съ Польшей!

Обыскъ никакихъ послѣдствій не имѣлъ, и жизнь моя потянулась своимъ скучнымъ чередомъ въ ожиданіи возвращенія въ Москву, какъ вдругъ мое пребываніе въ Смоленскѣ оборвалось такъ же внезапно, какъ и въ Екатеринбургѣ.

Товарищъ, вернувшійся изъ служебной поѣздки въ Москву, сообщилъ мнѣ, что Ц. К. на-

шей партіи получилъ отъ президіума В. Ц. И. К. предложеніе послать свою делегацію на предстоящій VIII Всероссійскій съѣздъ Совѣтовъ. Въ составъ этой делегаціи Ц. К. избралъ меня, и секретаріатъ президіума обязался послать въ Смоленскъ телеграмму съ требованіемъ немедленно дать мнѣ командировку въ Москву.

Извѣстіе это было неожиданнымъ для меня. Правда, годъ тому назадъ, мы уже получили такое же предложеніе послать делегацію на VII съѣздъ и воспользовались имъ, причемъ Мартовъ и я выступали на съѣздѣ съ рѣчами и съ оглашеніемъ платформы нашей партіи. Но то было время Деникинскаго наступленія, когда большевики были сильно напуганы. А кромѣ того, если моя рѣчь на этомъ VII съѣздѣ, подтверждавшая нашу готовность поддержать большевиковъ въ борьбѣ съ Деникинымъ, была въ общемъ по вкусу коммунистамъ (въ отчетѣ оффиціальныхъ «Извѣстій» было даже нарочито отмѣчено: «въ числѣ апплодирующихъ Ленинъ и Троцкій»), то оглашеніе платформы нашей партіи, сдѣланное въ рѣчи Мартова, вызвало съ ихъ стороны выраженіе шумнаго неудовольствія. Съ тѣхъ поръ прошелъ годъ, полный самыхъ злобныхъ репрессій по адресу нашей партіи. Миръ съ Польшей былъ уже заключенъ, Врангель разгромленъ. При такихъ обстоятельствахъ повторное приглашеніе насъ на съѣздъ представлялось мало вѣроятнымъ. Но, разъ оно имѣло мѣсто, Ц. К. рѣшилъ воспользоваться не частымъ

въ Совѣтской Россіи случаемъ огласить точку зрѣнія соціалдемократіи съ всероссійской трибуны.

Терять времени было нельзя. До съѣзда оставалось всего 2-3 дня. Надо было успѣть выработать проекты резолюцій по каждому пункту порядка дня — конечно, безъ всякой надежды провести ихъ черезъ съѣздъ, но съ тѣмъ, чтобы они въ видѣ оффиціальныхъ документовъ были приложены къ протоколамъ съѣзда и могли послужить матеріаломъ для соціалдемократической агитаціи. Ради этого нужно было отправиться въ Москву немедленно, не дожидаясь телеграммы, которая, шествуя по различнымъ канцелярскимъ инстанціямъ, могла дойти до Смоленска лишь наканунѣ самаго съѣзда. Я отправился поэтому въ тотъ же вечеръ къ Л. и изложилъ ему всѣ обстоятельства дѣла, прося его дать мнѣ командировку сейчасъ же, не дожидаясь оффиціальной телеграммы изъ Москвы. Л. согласился, и на слѣдующій же день я покидалъ Смоленскъ, захвативъ съ собою и всѣ вещи, такъ какъ на основаніи предыдущихъ разговоровъ съ Семашкой, былъ увѣренъ, что возвращаться не придется. Это было въ двадцатыхъ числахъ декабря 1920 г.

IV.

НА СЪѢЗДѢ СОВѢТОВЪ

Пріѣхавъ въ Москву, я, по служебнымъ дѣламъ, явился къ Семашко и получилъ отъ него формальное завѣреніе, что теперь препятствій къ моему возвращенію въ Москву нѣтъ. Вопросъ о томъ, какое назначеніе дать мнѣ въ Москвѣ, былъ отложенъ до окончанія съѣзда. Мое старое начальство по отдѣлу медицинскаго снабженія Н. Ком. Здравохраненія было увѣрено, что я вернусь въ подотдѣлъ хирургіи, дѣла котораго находились уже въ порядочномъ разстройствѣ.

Пришлось сейчасъ же съ головою уйти въ партійную работу, ибо времени до открытія съѣзда оставалось немного. Кромѣ работы въ Ц. К. по подготовкѣ къ съѣзду, была работа и въ мѣстной партійной организаціи: помѣщеніе наше было открыто, въ немъ собиралось до 150 человѣкъ.

Съѣздъ представлялъ собою обычное зрѣлище громаднаго митинга, притомъ митинга, заранѣе тщательно подобраннаго. Была небольшая — человѣкъ въ 250 — фракція безпартійныхъ, а затѣмъ все сплошь коммунисты. Комму-

нисты въ партерѣ, гдѣ сидѣли члены съѣзда, коммунисты — въ ложахъ и на галлереѣ, гдѣ размѣстились члены московскаго совѣта, московскихъ фабрично-заводскихъ комитетовъ и правленій профессіональныхъ союзовъ. Огромный залъ Большого театра былъ набитъ биткомъ. Одна «директорская» ложа была предоставлена «дипломатамъ», но кромѣ представителей Азербейджанской республики тамъ, кажется, никого не было. «Царская» ложа противъ сцены была занята III Интернаціоналомъ, а на самой сценѣ расположился Центральный Исполнительный Комитетъ. Здѣсь же были отведены мѣста намъ и другимъ однороднымъ делегаціямъ — с. д. Бунда, с. р-ой группы «Народъ» и т. д.

Обычна же была и картина окрестностей театра, гдѣ собрался съѣздъ: военный кордонъ, широкимъ кольцомъ окружавшій площадь и пропускавшій лишь счастливыхъ обладателей узаконенныхъ билетовъ, безконечное число контрольныхъ инстанцій при всѣхъ входахъ и выходахъ и т. д. На крышѣ одного изъ прилегающихъ домовъ по вечерамъ вспыхивали свѣтовые плакаты съ коммунистическими изреченіями и лозунгами и съ прославленіемъ иностранныхъ коммунистовъ. Теперь и англичанинъ Робертъ Вильямсъ, и итальянецъ Серрати давно уже попали въ число «соціалъ-предателей»; тогда еще на всю Москву свѣтилось: «Да здравствуетъ Робертъ Вильямсъ!» «Да здравствуетъ Серапио!» — такъ перекрестили почтеннаго итальянскаго со-

ціалиста не совсемъ твердые въ интернаціональной грамотѣ исполнители плаката: впрочемъ, черезъ нѣсколько дней ошибка была исправлена!

Въ залѣ засѣданій и въ кулуарахъ было разумѣется, шумно. Но дыханія жизни не чувствовалось на съѣздѣ. Какъ и весь совѣтскій аппаратъ — отъ мѣстныхъ совѣтовъ до В. Ц. И. К. — такъ и совѣтскіе съѣзды давно были убиты тѣмъ, что все существенное всегда рѣшалось на засѣданіяхъ большевистской фракціи, которой было всегда заранѣе обезпечено большинство. По мѣрѣ насильственнаго вытѣсненія изъ совѣтовъ всѣхъ другихъ фракцій, по мѣрѣ того, какъ во всѣхъ якобы выборныхъ и представительныхъ собраніяхъ большевистской фракціи стала противостоять только ничтожная, неорганизованная и запуганная кучка безпартійныхъ, — отъ всей совѣтской машины начало нести мертвечиной, и всѣ засѣданія, собранія и пр. начали превращаться въ простой и скучный парадъ по заранѣе разработанной программѣ. Эти парады еще кое какъ удавались, пока горѣлъ энтузіазмъ или были на лицо простыя, элементарныя задачи — вродѣ борьбы съ Деникинымъ, — сплачивавшія большевиковъ страхомъ передъ общею опасностью и необходимостью напрячь всѣ силы для ея устраненія. Теперь, послѣ заключенія мира съ Польшей и побѣды надъ Врангелемъ эта психическая скрѣпа ослабла, а прежняго энтузіазма, прежней вѣры въ свое дѣло давно уже и въ поминѣ не было. Чув-

ствовался надломъ, и онъ выражался и во-внѣ тѣмъ, что впервые прорвались наружу разногласія, раздиравшія большевистскую партію изнутри. Эти разногласія просачивались и въ печать, доступную всѣмъ: подъ видомъ споровъ о роли и значеніи профессіональныхъ союзовъ, о бюрократизмѣ, о партійныхъ верхахъ и низахъ намѣчалось острое расхожденіе въ вопросахъ экономической и общей политики, вызванное разочарованіемъ въ результатахъ прежней дѣятельности и искусственно вгоняемое въ рамки внутрипартійныхъ дебатовъ. Намъ попадалась кое какая литература по этимъ вопросамъ, предназначенная «только для членовъ Р. К. П.» Тамъ вопросы ставились рѣзче, чѣмъ въ газетахъ. Еще болѣе остро обсуждались они во фракціонныхъ засѣданіяхъ, и всѣ усилія Ленина были направлены къ тому, чтобы создать и провести нѣкую «среднюю» линію, которая дѣлаетъ словесныя уступочки и въ одну сторону, и въ другую, а на дѣлѣ стремится оставить все по старому, кое какъ сгладить острые углы и отвлечь вниманіе партіи отъ тѣхъ вопросовъ, которые настойчиво стучатся въ дверь.

Положеніе — для парадовъ весьма мало благопріятное. И до начала съѣзда, и въ ходѣ его большевистскимъ лидерамъ приходилось тратить и силы, и время на закулисную работу примиренія непримиримыхъ противорѣчій. Поэтому самое начало съѣзда откладывалось со дня на день; затѣмъ шли долгіе, иногда по двое

сутокъ, перерывы засѣданій; пренія по докладамъ, прочитаннымъ въ засѣданіи съѣзда, переносились въ коммунистическую фракцію; во фракціи-же былъ прочитанъ содокладъ по докладу Зиновьева о борьбѣ съ бюрократизмомъ и «рабочей демократіи» — случай, вѣроятно, небывалый въ лѣтописи какихъ угодно представительныхъ учрежденій!.

На долю рѣдкихъ и непродолжительныхъ оффиціальныхъ засѣданій съѣзда оставались почти исключительно никого не увлекавшіе доклады о томъ, что «все обстоитъ благополучно», и голосованіе, вѣрнѣе — прокатыванье заготовленныхъ во фракціи Р. К. П. и навязанныхъ ей Ц. К-тмъ резолюцій, съ которыми по существу было несогласно громадное большинство делегатовъ, проводившихъ ихъ своими голосами! Читалъ Ленинъ о томъ, как все хорошо во внѣшнемъ и внутреннемъ положеніи республики, и какъ удачно идетъ продовольственная разверстка; читали Троцкій и Емшановъ о великолѣпномъ дѣйствіи пресловутаго приказа № 1042 о починкѣ паровозовъ и вагоновъ; читалъ Рыковъ объ успѣхахъ государственнаго плановаго хозяйства; разсказывалъ Зиновьевъ умилительныя вещи о томъ, какъ рабочіе приходятъ въ профессіональные союзы со всѣми своими нуждами — и за выдачей пособія, и за полученіемъ ордера на обувь, и даже за гробомъ для умершей матери! А публика, пріѣхавшая съ мѣстъ и хорошо по опыту своему знавшая и о провалѣ

продразверстки, и о дутости всѣхъ оптимистическихъ цифръ Троцкаго и Рыкова, и о фальши тѣхъ идиллическихъ картинокъ, какія рисовалъ петербургскій градоначальникъ, — эта публика слушала оффиціальную канитель по обязанности, по обязанности голосовала за резолюцію и по обязанности встрѣчала и провожала апплодисментами своихъ «вождей».

Эта послѣдняя черта поразила меня, даже по сравненію съ прошлогоднимъ съѣздомъ, какъ показатель измѣнившагося положенія и измѣнившагося настроенія. Не только Троцкаго, но и Ленина аудиторія встрѣчала отнюдь не съ тѣмъ неподдѣльнымъ и наивнымъ энтузіазмомъ, какой можно было наблюдать прежде. Въ воздухѣ чувствовался явный холодокъ. И чтобы создать видимость «овацій», Ленинъ прибѣгъ къ театральному трюку, на который, признаюсь, я не считалъ его способнымъ. Онъ стоялъ за кулисами, а на эстраду вошелъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оркестръ грянулъ «Интернаціоналъ», и вся четырехтысячная толпа поднялась съ мѣстъ. И было неизвѣстно, относится ли это вставаніе и послѣдующія рукоплесканія къ гимну или къ личности вождя. Если я ошибаюсь, и этотъ эффектный выходъ былъ сдѣланъ ненарочно, то онъ во всякомъ случаѣ для Ленина пришелся очень кстати...

Въ залѣ засѣданій царила звѣрская скука. Безъ преувеличенія можно сказать, что единственными моментами, когда аудиторія оживля-

часъ и слушала со вниманіемъ и интересомъ, были тѣ, когда говорила оппозиція. Отъ нашей делегаціи говорили Далинъ — по докладу объ экономической политикѣ и я — по докладу Ленина. Несмотря на то, что по регламенту въ моемъ распоряженіи было всего 10 минутъ, мнѣ по требованію самой аудиторіи время было продлено 4 раза, такъ что я въ общей сложности говорилъ цѣлый часъ. Передавали, что нѣкоторые большевики были разочарованы недостаточною рѣзкостью тона моей рѣчи: «развѣ такъ ругаются у насъ на фракціи»?

Само собою разумѣется, что внесенная мною отъ имени нашей делегаціи резолюція собрала всего какой нибудь десятокъ голосовъ. Но на слѣдующій день меня ждалъ сюрпризъ: на улицѣ подошли ко мнѣ 2 незнакомыхъ делегата съѣзда — рабочій и крестьянинъ — и, отведя меня въ сторону, сказали мнѣ: «Вы не сердитесь, т. Данъ, что мы Васъ не поддержали; мы всѣ, безпартійные, согласны съ Вами и многіе даже изъ коммунистовъ говорили намъ, что хотѣли бы голосовать за Вашу резолюцію; но мы боимся преслѣдованій, когда вернемся къ себѣ; но за то будьте спокойны: вернувшись, мы на мѣстахъ все разскажемъ о съѣздѣ и постараемся возможно шире передать и все то, что Вы говорили, такъ что безъ пользы это не пропадетъ». Признаюсь, эти и подобныя же заявленія, которыя приходилось слышать и отъ нѣкоторыхъ другихъ делегатовъ, доставили мнѣ большое удовлетвореніе и

нѣсколько скрасили выполненіе поистинѣ тяжелой партійной обязанности— выступать на большевистскихъ съѣздахъ, гдѣ такъ нагло попираются самыя элементарныя права инакомыслящихъ, гдѣ все такъ цинично-безсовѣстно приноровлено къ подавленію свободы слова и сужденій. Выступленія въ Ц. И. К. 4-го созыва и на различныхъ совѣтскихъ, профессіональныхъ и проч. съѣздахъ и собраніяхъ большевистской эпохи навсегда останутся въ моей памяти, какъ акты партійной дѣятельности, требовавшіе наибольшаго напряженія воли и наибольшаго моральнаго мужества. Это пойметъ тотъ, кто знаетъ, что значитъ выступать передъ подобранной, спеціально науськанной противъ васъ аудиторіей, имѣющей заранѣе готовое рѣшеніе, выступать, зная, что въ вашемъ распоряженіи всего нѣсколько минутъ, послѣ которыхъ васъ 2—3—4 оратора будутъ поливать помоями, бросать въ васъ самыя неожиданныя клеветы, и что вы не можете разсчитывать не только на возможность вамъ или вашимъ единомышленникамъ возразить и опровергнуть ложь, но хотя бы на защиту предсѣдателемъ вашей личности или на помѣщеніе вашего «письма въ редакцію». Надо отдать справедливость большевикамъ: въ цинизмѣ своихъ пріемовъ по зажиманію рта противникамъ они побили міровой рекордъ. И если мнѣ все же удалось произнести на VIII съѣздѣ часовую рѣчь, то это уже свидѣтельствовало о томъ, что «неладно въ царствѣ датскомъ».

Съѣздъ явно умиралъ отъ худосочія. Засѣданія назначались все рѣже. Голосованіе резолюцій откладывалось, — пока не закончится закулисная стряпня. Надо было чѣмъ нибудь занять и подбодрить съѣздъ, и было придумано непредусмотрѣнное развлеченіе: инсценирована была новѣйшая большевистская пьеса подъ названіемъ «Электрофикація». Много было у большевиковъ чудесныхъ рецептовъ для немедленнаго осуществленія коммунизма: были субботники, комитеты бѣдноты, трударміи, была продразверстка, былъ приказъ № 1042, намѣчались «посѣвкомы» (посѣвные комитеты). Каждый разъ торжественно объявлялось, что найдено, наконецъ, самое дѣйствительное средство для уврачеванія всѣхъ бѣдъ. Рисовались грандіозныя перспективы очереднаго «великаго почина»; составлялись сводки; летѣли телеграммы о блестящихъ успѣхахъ — ровно до тѣхъ поръ, пока всѣмъ не становилось ясно, что «починъ» оказался лишь очереднымъ мыльнымъ пузыремъ. Тогда пускался въ ходъ новый «лозунгъ» — ровно съ тѣмъ же самымъ успѣхомъ.

Такъ и теперь. Всѣ предыдущіе козыри были явно биты. Былъ придуманъ новый: электрофикація. Надо лишь покрыть Россію цѣлою сѣтью мощныхъ электрическихъ станцій, использующихъ водяную силу, и тогда — нечего бояться нехватки угля и нефти: фабрики и заводы, электрическіе плуги и молотилки, электрическіе поѣзда — все придетъ въ движеніе, и Россія пре-

вратится, наконецъ, въ цвѣтущій коммунистическій садъ! «Коммунизмъ — это совѣтскій строй плюсъ электрофикація», провозгласилъ Ленинъ, и нашлось достаточное число дураковъ, которые вѣрили или дѣлали видъ, что вѣрятъ этой галиматьѣ. Что сама электрофикація требуетъ матеріальныхъ, техническихъ, соціальныхъ и культурныхъ предпосылокъ, какихъ въ современной Россіи и въ поминѣ нѣтъ, — надъ этимъ, разумѣется, не задумывались. На бумагѣ все было высчитано и расписано гладко. Делегатамъ роздали толстенный томъ докладовъ. Притащили громадную карту Россіи съ натыканными въ ней разноцвѣтными электрическими лампочками, изображавшими будущія «районныя станціи». Г. Кржижановскій, главный режиссеръ этой «Мистеріи-Буффъ», два битыхъ часа втолковывалъ слушателямъ все величіе будущаго электрическаго благополучія, а въ это время разноцвѣтныя лампочки вспыхивали на картѣ, какъ праздничная иллюминація въ честь грядущаго торжества.

Увы, фантастическая пьеса не произвела того впечатлѣнія, на которое разсчитывали ее авторы. Электрофикація немедленно же была перекрещена въ электрофикцію и пошла съ такимъ прозвищемъ гулять по матушкѣ Россіи. А затѣмъ . . . кто еще помнитъ теперь знаменитое Ленинское: «плюсъ электрофикація»?

Съѣздъ кончился. Полное безплодіе его вскрылось уже менѣе, черезъ 3 мѣсяца, когда

внезапно была провозглашена «новая экономическая политика» и тѣмъ самымъ засвидѣтельствована лживость всѣхъ оффиціальныхъ увѣреній о благополучіи, которыми такъ усердно кормили делегатовъ съѣзда. Но для меня лично съѣздъ имѣлъ весьма существенное значеніе, такъ какъ мое выступленіе на немъ повлекло за собою опредѣленныя послѣдствія.

Уже черезъ нѣсколько дней послѣ окончанія съѣзда Семашко заявилъ мнѣ, что къ обратному переводу моему въ Москву, казалось, уже рѣшенному, встрѣчаются препятствія. По его словамъ, онъ лично готовъ былъ бы перевести меня въ любую минуту, но ему не разрѣшаетъ сдѣлать этого Ц. К. коммунистической партіи. Нашъ Ц. К. обратился по этому поводу съ запросомъ къ Крестинскому, который былъ тогда секретаремъ большевистскаго Ц. К. Крестинскій клялся, что Ц. К. тутъ не причемъ, что весь вопросъ предоставленъ всецѣло усмотрѣнію Семашко. Семашко, въ свою очередь, пожималъ плечами и божился, что дѣло отъ него не зависитъ. Эта канитель продолжалась недѣли двѣ. Крестинскій неоднократно увѣрялъ, что онъ звонилъ или будетъ звонить Семашко, но остерегался написать соотвѣтственную бумажку. А Семашко заявлялъ, что ни о чемъ Крестинскій съ нимъ по телефону не говорилъ. Оба дѣлали удивленные глаза и ссылались на какое-то «недоразумѣніе».

Какіе нравы вообще господствовали въ отношеніяхъ между народными комиссарами и по-

литической «пятеркой» большевистскаго Ц. К-та, хорошо иллюстрировалъ курьезный разговоръ, который мнѣ довелось имѣть съ однимъ изъ господъ министровъ, возмущавшихся расправою со мною. Когда я разсказалъ ему о комедіи отсылокъ отъ Понтія къ Пилату и обратно, онъ сказалъ мнѣ, что справится, въ чемъ дѣло, и будетъ даже говорить съ «самимъ» Ленинымъ. Черезъ нѣсколько дней онъ сконфуженно сообщилъ мнѣ, что изъ разговоровъ ничего не вышло, и что меня въ Москвѣ не оставятъ. Я поинтересовался узнать, чѣмъ же мотивируется эта безконечная ссылка: ужъ не рѣчью ли моею на съѣздѣ? На это мой собесѣдникъ, мило улыбаясь, отвѣтилъ: «да развѣ намъ такія вещи говорятъ? Насъ, съ нашимъ ограниченнымъ разумомъ, считаютъ неспособными понять высокія государственныя соображенія. Все рѣшается наверху, на Олимпѣ, а намъ сообщается безъ объясненія причинъ къ руководству и исполненію». Я едва удержался отъ вопроса, какъ же люди, сколько нибудь уважающіе себя, могутъ при такихъ условіяхъ не только сохранять свои «министерскіе» посты, но еще цѣпляться за нихъ когтями и зубами....

Отъ мысли добиться перевода въ Москву пришлось отказаться и искать себѣ новаго пристанища. Возвращаться въ Смоленскъ не имѣло смысла, такъ какъ фронтовыя учрежденія свертывались и сокращали штаты. Къ тому же хотѣлось быть ближе къ Москвѣ, чтобы имѣть возможность интенсивнѣе участвовать въ работѣ

нашего Ц. К-та. Кромѣ Мартова заграницу уѣхалъ Абрамовичъ и собирался ѣхать Далинъ. Силъ оставалось немного.

Семашко предложилъ мнѣ выбирать любое мѣсто кромѣ Москвы. Я сказалъ, что хочу взять санитарный поѣздъ, разсчитывая на возможность возвращаться послѣ каждаго рейса въ Москву и здѣсь проводить недѣлю—двѣ. Однако на составленномъ проектѣ приказа о моемъ назначеніи Семашко положилъ резолюцію: дать любой свободный санитарный поѣздъ, но только не московской приписки. Послѣ этого, понятно, поѣзда потеряли для меня всякій интересъ, и я отъ назначенія отказался. Надо было выбирать осѣдлое мѣсто. Пошатавшись по провинціи, я не имѣлъ охоты снова зарываться въ нее и, послѣ долгихъ размышленій и совѣщанія съ друзьями, рѣшилъ остановиться на Петроградѣ.

Я хорошо зналъ всѣ неудобства пребыванія въ этой сатрапіи Зиновьева — самаго отвратительнаго и безчестнаго изъ большевиковъ; зналъ и грозящую мнѣ тамъ опасность скораго ареста. Но выбора не было. И въ провинціи мнѣ въ моемъ положеніи приходилось всегда учитывать возможность ареста. Перейти же на «нелегальное положеніе» я не могъ по двумъ причинамъ: вопервыхъ, это шло бы въ разрѣзъ съ интересами нашей партіи, которая всю тактику свою приспособила къ борьбѣ за открытое существованіе вопреки всему большевистскому террору. Къ тому-же, благодаря всей моей предшествующей дея-

7*

тельности, я слишкомъ хорошо извѣстенъ лично самому широкому кругу большевиковъ и — агентовъ Ч. К., такъ что мнѣ пришлось бы очень ужъ строго «законспирироваться»; а при современныхъ русскихъ жилищныхъ, транспортныхъ, почтовыхъ и т. д. условіяхъ, это значило бы все равно свести свою партійную работу къ самому ничтожному минимуму. Но противъ перехода на нелегальное положеніе говорило и другое соображеніе. Я числился на военной службѣ. Скрыться значило дезертировать. Я не считалъ возможнымъ дать такой козырь въ руки большевистской демагогіи и ставить себя въ положеніе, при которомъ меня могли бы законопатить въ тюрьму на самомъ строгомъ формальномъ основаніи, какъ уголовнаго преступника. Пришлось поэтому остановиться на Петроградѣ, идя на рискъ скораго ареста. Впрочемъ, одинъ старый большевикъ увѣрялъ меня, что опасаться въ Петроградѣ ареста не приходится: «Зиновьевъ, вѣдь, теперь демократъ», иронически намекнулъ онъ на патетическія тирады «Гришки Интерплута», какъ звали его евреи сѣверо-западнаго края, противъ бюрократизма на послѣднемъ совѣтскомъ съѣздѣ.

Послѣ 5-недѣльнаго пребыванія въ Москвѣ я снова садился 1 февраля въ вагонъ, чтобы ѣхать въ Петроградъ.

V.

ПЕТРОГРАДЪ

Второй разъ послѣ большевистскаго переворота я въѣзжалъ въ свой родной городъ, и та же грусть охватывала меня. Пустынныя улицы: когда я былъ въ Петроградѣ осенью 1919 года, многія изъ нихъ были покрыты травою. Рѣдкіе прохожіе и еще болѣе рѣдкіе экипажи. Угрюмые, насупившіеся, облѣзлые дома съ яркими пятнами сохранившихся почти въ неприкосновенности — въ отличіе отъ Москвы — вывѣсокъ. Создавалось впечатлѣніе какого то города въ летаргіи, зачарованнаго Китежа, который ждетъ часа пробужденія. Ударитъ этотъ часъ, и раскроются заколоченныя двери и окна магазиновъ, наполнятся товаромъ всѣ эти безчисленныя мелочныя торговли, булочныя, колоніальныя, платяныя, обувныя и иныя лавки, запестрѣетъ несмѣтной толпой Невскій: старый Петербургъ сразу оживетъ и придетъ въ движеніе. А пока какой то особой щемящей тоской отзываются въ сердцѣ несравненныя красоты этихъ площадей, набережныхъ, дворцовъ и мо-

стовъ. Никогда такъ остро не ощущалъ я своеобразную строгую прелесть Петербурга, какъ именно теперь, когда въ великомъ городѣ еле теплилась жизнь, и вниманіе, не отвлекаемое сутолокой обыденщины, невольно приковывалось къ его величественному облику.

У вокзала множество ручныхъ санокъ, владѣльцы которыхъ наперебой предлагаютъ свезти багажъ. Рѣдкіе трамваи ходятъ лишь до 6 часовъ дня. Извозчиковъ нѣтъ и въ поминѣ: конные экипажи, какъ и автомобили составляютъ привиллегію правящаго класса. На улицахъ можно нерѣдко увидѣть, какъ мужъ везетъ больную жену или сынъ старуху мать на ручныхъ саночкахъ: другого средства передвиженія нѣтъ. Всѣ магазины безъ исключенія закрыты. Но уличная торговля, несмотря на всѣ запреты и облавы, отвоевываетъ позиціи шагъ за шагомъ. На Сѣнной торговцы и покупатели движутся густой толпой. Тутъ можно достать «все», т. е. и хлѣбъ, и мясо, и масло, и сахаръ, и папиросы, и мануфактуру. Все пыльное, грязное, захватанное. А тутъ же рядомъ — пустующія прекрасныя помѣщенія бывшаго рынка, съ растасканными на дрова дверями и прилавками, превращенныя толпою въ отхожее мѣсто. На углу Невскаго и Лиговки тоже толпится народъ: здѣсь торгуютъ мелочью — лепешками, папиросами, подозрительными конфектами и шоколадомъ, и тутъ же массами шныряютъ проститутки, все больше дѣвочки-подростки. Въ цѣляхъ искорененія тор-

говли мудрыя власти при мнѣ отдали распоряженіе ломать и сносить многочисленныя рыночныя помѣщенія, построенныя городомъ по различнымъ районамъ. За «работу» принялись усердно. Рядъ рынковъ сравняли съ землей. И это за какой нибудь мѣсяцъ до объявленія свободной торговли!

По пріѣздѣ пришлось сейчасъ же заняться своими служебными дѣлами. Въ военно-санитарномъ управленіи долго ломали себѣ голову, какое мнѣ дать назначеніе. Наконецъ, придумали для меня службу очень удобную: меня назначили врачемъ при 7-мъ Рождественскомъ спортъ-клубѣ. Учрежденіе это входило въ систему допризывнаго обученія молодежи. Предполагались занятія гимнастикой, военнымъ строемъ, лыжнымъ спортомъ и т. п. На самомъ дѣлѣ клубъ еле функціонировалъ. Мои обязанности исчерпывались краткимъ посѣщеніемъ клуба раза 3 въ недѣлю и общимъ надзоромъ за дѣятельностью фельдшера, назначеннаго для оказанія помощи въ случаѣ ушибовъ или легкихъ пораненій во время гимнастики. Долженъ я былъ также изслѣдовать тѣхъ юношей, которые заявляли себя больными и неспособными къ спортивнымъ упражненіямъ. Какъ разъ въ то время, какъ я принялъ должность, составлялась по всѣмъ спортъ-клубамъ сводная «коммунистическая» рота изъ мальчиковъ, входившихъ въ коммунистическій союзъ молодежи, и мнѣ пришлось осматривать ихъ.

Мѣстомъ я былъ, въ общемъ, доволенъ, такъ какъ оно отнимало у меня очень мало времени и избавляло отъ необходимости безплодно торчать въ канцеляріи.

Экономическое и продовольственное положеніе Петрограда было въ это время отчаянное. Въ ноябрѣ-декабрѣ согласно «хозяйственной программѣ» было пущено въ ходъ много фабрикъ и заводовъ. Было «отпущено» топливо и сырье, но не прошло и 2 мѣсяцевъ, какъ, по обыкновенію, оказалось, что въ «программѣ» вышла «ошибочка», «отпущенное» топливо и сырье значились за другимъ стало останавливаться. Никакія только на бумагѣ. Одно промышленное заведеніе «топливныя недѣли» дѣлу не помогали: онѣ только озлобляли рабочихъ, которыхъ гнали за десятки верстъ въ лѣсъ безъ теплой одежды, безъ хлѣба, безъ топоровъ и пилъ, безъ всякой надежды вывезти и то немногое, что рубилось.

Продовольственное положеніе также ухудшалось со дня на день. Хлѣбъ (по ½—1 фунту) и изрѣдка немного сахарнаго песку — вотъ все, что выдавалось по карточкамъ. Да и то хлѣбъ выдавался далеко не каждый день, и какой хлѣбъ! Достать же что либо на вольномъ рынкѣ было невозможно: не всѣ могли ходить на Сѣнную, да и сколько «товару» было на ней въ сущности! Заградительные отряды свирѣпствовали, и бывало, что даже у спекулянтовъ ни за какія деньги ничего нельзя было достать. Особенно же плохо обстояло дѣло съ хлѣбомъ.

Рабочіе голодали. Голодали и красноармейцы. Мнѣ приходилось ходить на службу мимо казармъ. И каждый разъ на сосѣднихъ улицахъ разъ десять меня останавливали красноармейцы, буквально вымаливая «корочку хлѣбца» или предлагая въ обмѣнъ на хлѣбъ пару-другую кусочковъ сахара изъ скуднаго пайка.

На фабрикахъ и заводахъ началось глухое волненіе. Рабочіе собирались для обсужденія положенія, и всѣ требованія ихъ вертѣлись вокругъ вопроса о снятіи заградительныхъ отрядовъ и разрѣшеніи свободной торговли съѣстными припасами. Коммунистовъ, выступавшихъ на фабрикахъ и заводахъ, не хотѣли слушать. На улицахъ ихъ высаживали изъ автомобилей. Нѣкоторымъ грозили избіеніемъ. Къ двадцатымъ числамъ февраля движеніе приняло форму всеобщей забастовки. Большевистская пресса тщательно старалась сначала замалчивать движеніе, потомъ скрыть его дѣйствительные размѣры и его характеръ. Вмѣсто того, чтобы называть забастовку забастовкою, изобрѣтались какіе то новые термины: «волынка», «буза» и т. п. Газеты печатали резолюціи протеста противъ движенія, исходившія отъ «красныхъ курсантовъ». Увѣряли, что вся «волынка» основана на недоразумѣніи; что все, чего желаютъ рабочіе, — это увеличенія числа районныхъ лавокъ, чтобы не надо было подолгу стоять въ хвостахъ; что только меньшевики навязываютъ рабочимъ, обманывая ихъ, свои лозунги.

Однако, эта казенная ложь остановить движенія не могла, и оно — особенно на Васильевскомъ островѣ — начало выходить на улицу: собирались громадныя толпы рабочихъ въ перемежку съ матросами стоявшихъ на Невѣ военныхъ судовъ (въ томъ числѣ знаменитой «Авроры», которая въ октябрьскіе дни 1917 года обстрѣливала Зимній Дворецъ) и красноармейцами. Случайные ораторы произносили рѣчи, толпа шла къ работавшимъ еще заводамъ, чтобы снимать рабочихъ. Наряду съ требованіемъ свободной торговли начали постепенно выдвигаться и другіе лозунги: уничтоженія коммунистическихъ ячеекъ («комячеекъ») на фабрикахъ и заводахъ, которыя играли чисто полицейскую роль и получили отъ рабочихъ кличку «комищеекъ»; свободы слова; свободы выборовъ въ совѣты и т. д. Движеніе носило такой массовый характеръ, что отозвалось во всемъ городѣ. На Невскомъ, какъ въ былые дни революціи, начали собираться небольшія кучки, въ которыхъ съ небывалою дотолѣ смѣлостью громко критиковали большевистскій режимъ. Экспансивные люди увѣряли даже, что въ воздухѣ повѣяло «февралемъ 1917 года».

Большевики отвѣтили на движеніе репрессіями. На коммунистическій союзъ молодежи была возложена грязная задача сыска: молодежь должна была выслѣживать рабочія собранія по квартирамъ и приводить агентовъ Ч. К. для ареста. Далеко не всѣ члены союза согласи-

лись выполнять эту позорную роль. Даже большевистскія газеты вынуждены были признать, что союзъ молодежи оказался «не на высотѣ задачи», и что многіе юные коммунисты принимали самое дѣятельное участіе въ анти-большевистскихъ демонстраціяхъ. Мнѣ лично пришлось потомъ встрѣтить въ Домѣ Предварительнаго Заключенія 15 лѣтняго мальчика-коммуниста, арестованнаго за то, что, вмѣсто выслѣживанія рабочихъ собраній, онъ, наоборотъ, предупреждалъ рабочихъ о предстоящемъ нашествіи чекистовъ.

Движеніе, однако, все разросталось, и было рѣшено пустить противъ него въ ходъ военную силу. Но разсчитывать на красноармейцевъ власти не могли. Настроеніе воинскихъ частей было таково, что ихъ предпочли держать на запорѣ въ казармахъ. Болѣе того. Изъ источника, въ правильности сообщеній котораго я не имѣю основанія сомнѣваться, мнѣ разсказали, что во многихъ полкахъ у красноармейцевъ была отобрана обувь подъ предлогомъ ея осмотра для обмѣна на новую, чтобы предотвратить возможность самовольнаго выхода войскъ изъ казармъ.

Въ ходъ противъ рабочихъ были пущены исключительно курсы красныхъ командировъ — эти большевистскіе юнкера. Изъ окна я наблюдалъ, какъ двигались по Невскому на Васильевскій островъ пѣшія и конныя юнкерскія части съ артиллеріей при угрюмомъ молчаніи публики. Сами курсанты тоже были невеселы. Зрѣлище было

на рѣдкость гнусное. Черезъ нѣсколько часовъ, подходя къ зданію Сената, гдѣ помѣщается историко-революціонный архивъ, въ которомъ я работалъ, я услышалъ доносившіеся съ Васильевскаго Острова выстрѣлы. Вскорѣ появились люди, кричавшіе, что на островѣ разстрѣливаютъ рабочихъ, что много убитыхъ и раненыхъ. Къ счастью, это извѣстіе не подтвердилось. И юнкера отказались стрѣлять въ толпу: всѣ выстрѣлы были сдѣланы въ воздухъ. Это, разумѣется, еще подбодрило рабочихъ; митинги и уличныя демонстраціи перекинулись и въ другіе районы.

Большевикамъ ничего не оставалось, какъ пойти на уступки. Въ спѣшно созванномъ засѣданіи Петроградскаго Совѣта было постановлено временно снять заградительные отряды вокругъ Петрограда и разрѣшить рабочимъ и ихъ семьямъ поѣздки въ деревню за продовольствіемъ. Одновременно были произведены по фабрикамъ и заводамъ экстренныя выдачи мяса, обуви, мануфактуры.

Эти уступки и льготы разрядили нѣсколько атмосферу. Движеніе пошло на убыль. Большевики воспользовались этимъ, чтобы произвести массовые аресты «зачинщиковъ» по указанію «комищеекъ»: не менѣе 500 рабочихъ было брошено въ эти дни въ тюрьмы! Одновременно была разгромлена и наша организація. Организація наша существовала въ Петербургѣ въ крайне тяжелыхъ условіяхъ. Аресты производились си-

стематически по старымъ спискамъ членовъ, захваченнымъ при одномъ изъ налетовъ. Благодаря этому въ число арестуемыхъ попадали люди, давно отошедшіе отъ партіи и даже отъ всякой политической дѣятельности вообще. И, наоборотъ, товарищи, вошедшіе въ составъ петроградской организаціи послѣ провала списковъ, оставались нетронутыми. Это обстоятельство много помогало сохраненію организаціи и въ самыя трудныя времена. А подлинное самоотверженіе нѣсколькихъ старыхъ партійныхъ работниковъ, немедленно по выходѣ изъ тюрьмы снова и снова бравшихся за работу и отмѣривавшихъ по десятку и болѣе верстъ пѣшкомъ, чтобы побывать на небольшомъ рабочемъ собраніи, дѣлало остальное: жизнь организаціи не замирала. Участіе же въ центральной организаціи нѣкоторыхъ испытанныхъ рабочихъ, имѣвшихъ широкія связи въ массахъ, позволяло иногда добиваться довольно крупныхъ успѣховъ.

Когда я пріѣхалъ въ Петроградъ, большинство видныхъ членов организаціи недавно лишь вышло изъ тюрьмы — въ концѣ декабря и началѣ января. Приходилось почти все налаживать сначала. На засѣданіяхъ комитета, собиравшагося — совсѣмъ какъ въ доброе старое время! — конспиративно, на частныхъ квартирахъ, было рѣшено по возможности воздерживаться временно отъ агитаціонныхъ выступленій на фабрично-заводскихъ собраніяхъ и т. п., такъ

какъ по петроградскимъ нравамъ почти каждое такое выступленіе влекло за собою немедленный арестъ оратора. Мы рѣшили попытаться сначала кружковой работой нѣсколько закрѣпить имѣющіяся разбросанныя связи и создать такимъ образомъ прочные опорные пункты на фабрикахъ и заводахъ. Если бы это удалось, и отдѣльные аресты не дѣйствовали бы такъ разрушительно, какъ это бывало до сихъ поръ.

Обстоятельства оказались, однако, сильнѣе нашихъ благихъ намѣреній. Мы не могли не откликнуться на начавшіяся массовыя волненія и вынуждены были уклониться отъ намѣченной линіи организаціонной работы.

Къ самимъ волненіямъ организація относилась съ самаго начала довольно скептически и не ждала отъ нихъ большихъ результатовъ. Было очевидно, что забастовка сама по себѣ весьма мало страшна для большевиковъ, разъ фабрики и заводы все равно закрываются изъ за отсутствія топлива и сырья. Она представляла непосредственную опасность лишь тѣмъ, что разлагала совѣтскій аппаратъ и, въ особенности, красную армію и, при условіи присоединенія красноармейцевъ къ рабочимъ, могла перейти въ попытку вооруженнаго сверженія большевистской власти въ Петроградѣ. Были оптимисты — главнымъ образомъ изъ числа бывшихъ соціалдемократовъ, отошедшихъ отъ партіи и называвшихъ себя «плехановцами» или группой «Единство», — которые увѣряли, что рабочее

движеніе сознательно и опредѣленно идетъ подъ знаменемъ Учредительнаго Собранія. Эти оптимисты, вмѣстѣ съ обывателями, полагали, что возсоздается положеніе, аналогичное днямъ февральской революціи, и что рабочій классъ увлечетъ за собою и всѣ другія силы, враждебныя большевистскому режиму, диктуя имъ свою политическую волю. Поэтому они готовы были раздувать движеніе вплоть до превращенія его въ открытое уличное столкновеніе съ властью и не останавливались передъ завязываніемъ сношеній на этой почвѣ съ довольно подозрительными элементами антибольшевистскаго лагеря.

Въ нашей организаціи подобнымъ настроеніямъ, разумѣется, не могло быть мѣста. Мы очень хорошо видѣли все громадное отличіе даннаго массоваго движенія отъ движеній начала 1917 года. Передъ нами были рабочія массы, распыленныя, дезорганизованныя, измученныя четырьмя годами страданій и лишеній, пережившія жестокое крушеніе своихъ иллюзій, утратившія вѣру въ свои силы и не ставившія себѣ вообще ясныхъ политическихъ цѣлей; массы, мысль которыхъ не шла дальше непосредственнаго удовлетворенія элементарныхъ потребностей въ пищѣ и теплѣ, которыя были опутаны полицейскою сѣтью «комячеекъ» и у которыхъ не было старой партійной организаціи, могущей явиться объединительницей и руководительницей всего массоваго движенія. Послѣдующія событія показали, какъ правильно оцѣнили

мы положенія, и какимъ фантастическимъ иллюзіямъ предавались оптимисты: кронштадтское движеніе не было ни въ какомъ видѣ поддержано петербургскими рабочими именно потому, что упомянутыя выше уступки совѣта и экстренныя выдачи предметовъ продовольствія, одежды и обуви возбудили у нихъ надежду на улучшеніе матеріальнаго положенія, толкнувшаго ихъ на забастовку. Характерная черточка, рисующая настроеніе массъ, проскользнула въ разсказѣ одного изъ членовъ группы «Единство», съ которымъ я встрѣтился случайно въ частномъ домѣ. Онъ съ восторгомъ разсказывалъ о своемъ свиданіи съ рабочимъ кружкомъ, который стоялъ на платформѣ Учредительнаго Собранія, увѣрялъ, что движеніе не остановится, пока не свалитъ большевиковъ, и требовалъ присылки ораторовъ на уличныя рабочія собранія: «только не присылайте евреевъ», просилъ кружокъ! Оказывалось, что движеніе, способное будто-бы и явно контръ-революціонныя силы увлечь за собою на путь борьбы за демократію, само подвергалось опасности подпасть подъ вліяніе реакціонной антисемитской демагогіи!

Думать, что при такихъ условіяхъ стихійное рабочее движеніе можетъ сыграть роль политическаго руководителя всѣхъ другихъ антибольшевистскихъ силъ, значило предаваться величайшимъ иллюзіямъ. Приходилось опасаться обратнаго: какъ бы бурный порывъ рабочихъ массъ, доведенныхъ до отчаянія голодомъ и хо-

лодомъ, не былъ политически использованъ силами контръ-революціи. Переходъ движенія въ открытое возстаніе съ нашей точки зрѣнія также не сулилъ никакихъ отрадныхъ перспективъ. Присоединеніе красноармейцевъ къ рабочимъ могло бы опрокинуть совѣтскую власть въ Петроградѣ. Но при данныхъ условіяхъ, въ городѣ, лишенномъ запасовъ продовольствія и топлива, побѣдившее стихійное массовое движеніе неизбѣжно вылилось бы въ разгромы складовъ и частныхъ квартиръ и въ концѣ концовъ было бы затоплено въ крови, лишь укрѣпивъ ту привиллегированную военщину, на долю которой выпала бы честь спасенія города отъ «анархіи». Я не останавливаюсь на дальнѣйшихъ деталяхъ нашей оцѣнки тогдашняго положенія. Во всякомъ случаѣ въ нашей организаціи было постановлено движенія ни въ коемъ случаѣ не раздувать, рекомендовать рабочимъ удовлетвориться частичными уступками, но въ тоже время использовать событія, чтобы разъяснить массамъ связь между ихъ теперешними бѣдствіями и общею политикою большевизма, особенно подчеркивая необходимость отказа отъ системы огульной націонализаціи, необходимость примиренія съ мелко-собственническимъ крестьянствомъ и ликвидаціи партійной диктатуры. Свободные выборы въ совѣты (а вовсе не «совѣты безъ коммунистовъ», какъ потомъ подсовывали намъ большевики), какъ первый шагъ къ замѣнѣ диктатуры господствомъ демократіи,

— таковъ былъ очередной политическій лозунгъ. Въ этомъ духѣ выступали наши ораторы на заводахъ, и въ этомъ же духѣ былъ написанъ мною листокъ «Къ голодающимъ и зябнущимъ петербургскимъ рабочимъ» и составлена резолюція для проведенія на собраніяхъ.

Организація наша работала лихорадочно. Двое изъ товарищей (Казуковъ и Каменский) немедленно же послѣ успѣшнаго выступленія на фабрикахъ были арестованы. Это предвѣщало близкій общій провалъ, но не уменьшило энергіи оставшихся. При содѣйствіи рабочихъ печатниковъ намъ удалось напечатать 1000 экземпляровъ прокламаціи и кромѣ того 500 экземпляровъ составленной нами газеты-однодневки, пріуроченной къ заранѣе назначенной на начало марта «недѣлѣ профессіональнаго движенія». И газету, и прокламаціи удалось успѣшно распространить. Въ тотъ же день была арестована еще цѣлая группа товарищей. Я понялъ, что и мой арестъ — лишь вопросъ дней. Но скрываться я и теперь не намѣревался. Наоборотъ, я воспользовался послѣдними днями, остававшимися въ моемъ распоряженіи, чтобы по возможности обезпечить продолженіе работы. Свободные вечера я старался проводить въ театрѣ, куда могъ попадать свободно благодаря кое какимъ знакомствамъ: дѣло въ томъ, что въ это время билеты въ государственные театры въ Петербургѣ не продавались свободно, а распространялись исключительно черезъ учрежденія,

такъ что попасть въ театръ было не такъ то легко.

Спектакли въ это время, вслѣдствіе введенія въ Петроградѣ военнаго положенія, кончались рано: въ девять часовъ. 26 февраля въ десятомъ часу вечера я возвращался изъ Маріинскаго театра, гдѣ слушалъ Шаляпина въ «Псковитянкѣ». У меня было вполнѣ опредѣленное предчувствіе, что въ эту ночь меня арестуютъ. На минуту мелькнула мысль зайти по дорогѣ къ знакомымъ и справиться по телефону, все ли дома благополучно, а, можетъ быть, и заночевать у нихъ. Но зачѣмъ? Днемъ раньше или днемъ позже, — не все ли равно? Я махнулъ рукой и пошелъ домой.

Дверь мнѣ отворилъ молодой человѣкъ въ красноармейской формѣ: меня ждали! Оказалось, агенты Ч. К. явились въ 4 часа дня, черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего ухода. Узнавъ, что я ушелъ въ театръ, они пытались узнать, въ какой именно, но, не получивъ отвѣта, оставили красноармейца дожидаться меня съ наказомъ — немедленно по моемъ возвращеніи позвонить въ Ч. К. Я поблагодарилъ судьбу, позволившую мнѣ въ послѣдній разъ насладиться пѣніемъ Шаляпина, и сталъ ждать незваныхъ гостей.

Скоро они явились: двое господъ въ фуражкахъ съ инженерскими значками (я замѣтилъ, что петербургскіе чекисты любятъ почему то украшать свои фуражки именно этимъ значкомъ). Обыскъ былъ ими произведенъ еще въ

мое отсутствіе. Сборы мои были недолги, и около 11 часовъ вечера мы сѣли въ автомобиль, ожидавшій на сосѣдней улицѣ, и покатили на Гороховую. По дорогѣ спутники мои, титуловавшіе меня «товарищемъ Даномъ», выражали мнѣ чувства любви и уваженія и весьма гуманно разсуждали о тяжеломъ положеніи голодающихъ рабочихъ и крестьянъ, о происходившей забастовкѣ и т. д. На улицахъ не было въ буквальномъ смыслѣ слова ни души: военное положеніе вступило въ свои права. И было странно и жутко мчаться въ одинокомъ автомобилѣ по совершенно вымершему и темному городу: изъ за недостатка электрической энергіи освѣщеніе улицъ и домовъ прекращалось въ 10 час. вечера

Подъѣхали къ Ч. К. Старое, знакомое зданіе градоначальства, гдѣ въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка помѣщалась царская охранка! Сюда входилъ я ровно 25 лѣтъ тому назадъ, молодой соціалдемократъ, членъ «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», впервые арестованный за энергичную дѣятельность нашего «Союза» во время знаменитой забастовки ткачей, открывшей эру массоваго рабочаго движенія подъ знаменемъ соціалдемократіи! Это была, можно сказать, заря того революціоннаго движенія, которое низвергло царскій тронъ и вознесло къ власти большевиковъ. И вотъ теперь, четверть вѣка спустя, — тоже рабочая забастовка, и тоже сотни пролетаріевъ идутъ въ тюрьму, и я опять съ ними, а преслѣдуютъ, ар-

ствуютъ, допрашиваютъ насъ большевики, наши тогдашніе товарищи и братья по «Союзу», въ числѣ основателей и виднѣйшихъ дѣятелей котораго были одинаково и Мартовъ, и Ленинъ, и нынѣшніе столпы коммунизма, и вожди теперешнихъ меньшевиковъ! Какая фантасмагорія! И сколько думъ тѣснится въ головѣ, пока проходишь въ знакомый подъѣздъ и поднимаешься по лѣстницѣ!

Въ пріемной насъ встрѣчаютъ два старыхъ надзирателя. Кромѣ меня тутъ же сидятъ только что привезенные два рабочихъ-пекаря и пожилая фабричная работница. Изъ краткаго разговора съ ними выясняется, что всѣ они — люди совершенно сѣрые, ни въ какой организаціи не состоятъ. Пекаря видимо напуганы обстановкой и пытаются объяснить мнѣ, что они ни въ чемъ не виноваты, что бастовать они не хотѣли, что ихъ сняли рабочіе какого то завода: они какъ будто ищутъ у меня защиты, и я уже заранѣе вижу, какъ унижена и оплевана будетъ душа этихъ простыхъ, темныхъ пролетаріевъ, когда слѣдователь-чекистъ будетъ кричать на нихъ на допросѣ и грозить имъ всевозможными карами, добиваясь «чистосердечнаго признанія» и «раскаянія»! Женщина держится гораздо болѣе бодро и заявляетъ, что арестъ ее не страшитъ: «все равно дохнемъ съ голоду»! Ее скоро уводятъ въ сосѣднюю комнату, и приступаютъ къ нашему «личному обыску». Каждаго раздѣваютъ до-нага. Выворачиваютъ всѣ карманы,

щательно ощупываютъ каждый шовъ, стучатъ ю подошвамъ и каблукамъ сапогъ: орудуютъ іастера своего дѣла! Часы, кошельки, бумажники, перочинные ножи, всякій клочокъ бумажки — откладываются въ сторону. Послѣ обыска іасъ безконечными лѣстницами и извилистыми орридорами ведутъ въ фотографію и снимаютъ ри свѣтѣ электричества. Затѣмъ рабочихъ уда то уводятъ, а меня въ сопровожденіи чекита отправляютъ въ комнату президіума Ч. К.

Здѣсь я застаю довольно большое общество. За столомъ, куда меня сажаютъ, сидитъ молодой іеловѣкъ лѣтъ 28, съ мелкими чертами лица, съ изіономіей приказчика изъ небольшой галантеейной лавки. Скоро я узнаю, что это — «товаищъ Чистяковъ», слѣдователь по дѣламъ соціалистовъ. Впослѣдствіи мнѣ говорили, будто то — бывшій парикмахерскій подмастерье съ Іетербургской стороны. Онъ же самъ утвержалъ, что онъ бывшій студентъ, былъ соціалистомъ-революціонеромъ, будто бы живалъ и во Франціи, и въ Испаніи. Былъ онъ не прочь вести съ заключенными «умные» разговоры и принимать романтическія позы: какъ то заявилъ даже, что его дѣятельность въ Ч. К. не удовлетворяетъ, что ему хочется «тряхнуть стариной», что онъ остался въ душѣ с.-р-омъ-террористомъ и подумываетъ, не махнуть-ли опять заграницу, чтобы... убить Клемансо, какъ главу Антантовскаго имперіализма! Вообще же разговог его обличалъ въ немъ человѣка, крайне неиг тел

лигентнаго, политически безграмотнаго, безмѣрно лживаго и хвастливаго.

За другимъ столомъ сидѣли двое: одинъ — плотный, съ грубымъ, простецкимъ лицомъ, — какъ выяснилось изъ его словъ, матросъ, будто бы участникъ іюльскаго возстанія 1917 года; другой — маленькій, вертлявый человѣкъ, носившій фамилію Степановъ — явный псевдонимъ, такъ какъ человѣкъ, несомнѣнно, былъ евреемъ. Матросъ, между прочимъ, увѣрялъ, что во время іюльскаго возстанія было убито на его глазахъ множество матросовъ, что онъ самъ хоронилъ ихъ и т. д. Я тутъ же уличилъ его во лжи, напомнивъ, что даже въ большевистскихъ газетахъ того времени никогда не сообщалось ни объ одномъ убитомъ изъ среды матросовъ, которые, напротивъ, сами безъ всякого повода перестрѣляли и ранили въ тѣ памятные дни немало народу. Но парень, видимо, такъ сжился со своей легендой, нужной ему для обличенія «кровожадности» меньшевиковъ, что упорно продолжалъ твердить свое.

Кромѣ перечисленныхъ уже лицъ на диванчикѣ сидѣло двое мало замѣтныхъ людей интеллигентскаго вида, а потомъ пришелъ и самъ предсѣдатель Ч. К. — рабочій Комаровъ, высокій, хорошо упитанный брюнетъ, съ наглымъ, самоувѣреннымъ лицомъ, одѣтый по военному съ кобурой на поясѣ.

Разговоръ велъ преимущественно Чистяковъ. Онъ началъ съ того, что Ч. К. лишь два

дня тому назадъ узнала о моемъ пріѣздѣ, но уже успѣла освѣдомиться и о мѣстѣ моей службы, и о моей квартирѣ. Показывая на лежащіе передъ нимъ нашъ листокъ и номеръ рабочей газеты, Ч. спросилъ: вѣдь, это, конечно, Вы писали и листокъ, и передовую газеты? Я отвѣтилъ, что совершенно безразлично, кто писалъ; я — членъ Ц. К-та и принимаю на себя полную отвѣтственность за всѣ дѣйствія нашей петербургской организаціи въ связи съ забастовкой, въ томъ числѣ и за прокламацію и газету. Послѣ нѣсколькихъ неинтересныхъ замѣчаній относительно моего стараго письма къ петербургскимъ товарищамъ, перехваченнаго при какомъ то обыскѣ, и т. п., разговоръ перешелъ на текущія событія, и кромѣ Ч. въ немъ приняли оживленное участіе Комаровъ, Степановъ и матросъ. Чекисты, по обыкновенію, считали стачку плодомъ подстрекательства меньшевиковъ и объявляли ее актомъ явной контръ-революціи, которую нужно подавлять силой, а требованіе свободной продажи хлѣба — измѣной дѣлу соціализма и лакействомъ передъ буржуазіей. Много было сказано трафаретныхъ словъ объ Антантѣ и бѣлогвардейцахъ, которые стоятъ за всѣмъ движеніемъ и обманываютъ рабочихъ. Я отвѣчалъ, что меньшевики не только не подстрекали къ стачкѣ, а, какъ видно изъ взятой у одного товарища при обыскѣ резолюціи, писанной моей рукой, наоборотъ, пытались убѣдить рабочихъ въ опасности такого оружія, какъ политическ...

стачка, въ тѣхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ, въ которыхъ находится Россія: мы указывали рабочимъ, что не вспышками забастовокъ, а только систематической, упорной борьбой за право организаціи и свободныхъ выборовъ могутъ они добиться того, чтобы на мѣсто партійной диктатуры встала воля трудящихся. Я сказалъ также, что всѣ эти росказни объ Антантѣ и бѣлогвардейцахъ — вздоръ, что дѣйствительная причина рабочихъ волненій на почвѣ хозяйственной разрухи — въ корнѣ неправильная экономическая политика большевиковъ и, въ особенности, ихъ политика по отношенію къ крестьянству, ведущая къ голоду и разоренію. Во всякомъ случаѣ, говорилъ я, разъ всеобщая забастовка — совершившійся фактъ, всякое правительство, именующее себя рабочимъ, обязано стремиться придти къ соглашенію съ бастующими. Попытка же подавить рабочее движеніе военною силою, да притомъ еще силою привилегированныхъ воинскихъ частей, есть прямое предательство, прямая подготовка своими собственными руками бонапартистскаго переворота.

Я зналъ, конечно, что разсчитывать «переубѣдить» чекистовъ было бы наивностью. Но Комаровъ былъ членомъ петроградскаго исполкома, и мнѣ хотѣлось, чтобы черезъ него мои слова дошли до властителей Петербурга: я считалъ долгомъ своей политической совѣсти сказать, въ эту критическую минуту открыто то, что я думаю. Чекисты, разумѣется, стояли на своемъ:

они настаивали, что рабочіе просто введены въ обманъ и, когда поймутъ это, вернутся на фабрики и заводы, такъ что никакихъ уступокъ и компромиссовъ не нужно. Я же былъ убѣжденъ, что, если не послѣдуетъ уступокъ, то дѣло непремѣнно кончится разстрѣломъ рабочихъ, и тогда весь дальнѣйшій ходъ событій будетъ зависѣть отъ военщины, а она не постѣсняется, конечно, вмѣстѣ съ меньшевиками засадитъ въ тюрьму и тѣхъ большевиковъ, которые посмѣютъ выразить недовольство ея дѣйствиями. Посмотримъ, что будетъ черезъ 2—3 дня, если Исполкомъ не пойдетъ навстрѣчу требованіямъ рабочихъ, сказалъ я.

Да развѣ это вообще рабочіе бастуютъ? — воскликнулъ Комаровъ. Настоящихъ рабочихъ въ Петербургѣ нѣтъ: они ушли на фронтъ, на продовольственную работу и т. д. А это все — сволочь, шкурники, лавочники, затесавшіеся во время войны на фабрики, чтобы укрыться отъ воинской повинности. Вотъ сегодня пріѣзжала въ Петроградъ делегація отъ Кронштадтскихъ матросовъ; она посѣтила нѣсколько фабрикъ, разспросила рабочихъ объ ихъ требованіяхъ и категорически заявила имъ, что, если они не перестанутъ бунтовать, то кронштадтцы съ ними расправятся!

Я посмѣялся надъ этимъ «кронштадтскимъ» коммунизмомъ, который объявляетъ пролетаріатъ сволочью, а соціализмъ разсчитываетъ утвердить съ помощью матросовъ. Но, вѣдь, вы это

только теперь ругаете петербургскихъ рабочихъ, прибавилъ я: вчера еще ваши газеты превозносили «красный Питеръ» до небесъ. какъ самый передовой отрядъ коммунизма. Сегодня вы осыпаете похвалами матросовъ, но это, вѣдь, тоже до поры до времени: посмотримъ, какъ вы будете ругать ихъ, если и они забунтуютъ! Я былъ безконечно далекъ отъ мысли, что кронштадтскіе матросы дѣйствительно находятся наканунѣ бунта. Наоборотъ, я былъ убѣжденъ, что, вслѣдствіе созданнаго для нихъ послѣ октября 1917 года привилегированнаго положенія, вѣрность ихъ совѣтской власти непоколебима: у нашей организаціи никакихъ связей съ Кронштадтомъ не было. Но неожиданно для меня мои слова оказались пророческими, и уже черезъ нѣсколько дней большевистскія газеты писали о возставшихъ матросахъ, какъ о «Жоржикахъ» (сутенерахъ) и «клёшникахъ» (бездѣльникахъ — отъ брюкъ клёшъ, съ раструбомъ внизу, излюбленныхъ франтоватыми моряками). Для чекистовъ же эти мои слова о кронштадтскихъ матросахъ въ связи съ прежде сказанными о двухъ-трехъ дняхъ, въ теченіе которыхъ развернутся событія, если власть не пойдетъ на уступки, послужили основаніемъ для созданія легенды, что «Данъ зналъ о готовящемся возстаніи» или, еще проще, что «Данъ готовилъ кронштадтское возстаніе»!

Разговоръ въ президіумѣ Ч. К. затянулся до двухъ часовъ ночи. Послѣ этого меня повели

въ одну изъ общихъ камеръ чекистской тюрьмы. Здѣсь же оказались и тѣ два пекаря, которыхъ я уже видѣлъ въ пріемной. Насъ встрѣтилъ старшій надзиратель въ обычной тюремной формѣ, съ шашкой черезъ плечо. Онъ набросился на насъ съ руганью, какъ на забастовщиковъ и контръ-революціонеровъ. Черезъ каждые два-три слова рѣчь его была пересыпана трехэтажными ругательствами по адресу меньшевиковъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Меня это взорвало, и я строго спросилъ его: Вы — коммунистъ? — Да, коммунистъ. — Какъ же Вамъ не стыдно такъ гнусно ругаться? Вѣдь, въ вашихъ газетахъ говорилось даже, что за такія ругательства исключаютъ изъ партіи? — Онъ опѣшилъ: а Вы кто такой? — Я ему назвалъ себя. И вдругъ лицо его осклабилось добродушнѣйшей улыбкой: какъ же, товарищъ Данъ! Я Васъ знаю: вѣдь, я Путиловскій рабочій, и мы съ меньшевиками всегда вмѣстѣ стояли за рабочее дѣло. Но вотъ эти с.-р-ы — и опять полилась изъ устъ скверная ругань. Я попытался еще разъ пристыдить его, но онъ заявилъ: пусть дѣлаютъ, что хотятъ, хоть изъ партіи исключаютъ, а перестать ругаться не могу — привыкъ! Да, вѣдь, я къ вамъ всей душой, а вотъ только эти с.-р-ы и бѣлогвардейцы... Я увидѣлъ, что тутъ ничего не подѣлаешь, и махнулъ рукой.

Рабочіе улеглись на койкахъ. Я сѣлъ за столъ, надзиратель помѣстился рядомъ и завязалъ со мною самый дружественный разговоръ

текущихъ событіяхъ, не уставая ежеминутно минать родителей. Постепенно вокругъ стола али собираться проснувшіеся немногочисленне заключенные — главнымъ образомъ, аресованные за «спекуляцію», т. е. за торговлю, — интересомъ прислушивавшіеся къ разговору.

Спать не хотѣлось, да я и боялся лечь на йку, не осмотрѣвъ ее хорошенько по части ней. Надзиратель предложилъ сходить за пяткомъ и заварить чай. Но не успѣлъ онъ рнуться, какъ за мною пришли. Я наскоро бралъ вещи и въ сопровожденіи двухъ конйныхъ вышелъ на дворъ, гдѣ насъ уже ждалъ узовикъ, полный народа.

По пустынной набережной Невы мы покали на Шпалерную, въ Домъ Предварительнаго ключенія.

VI.

ВЪ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРѢПОСТИ

Былъ четвертый часъ утра, когда нашъ грузовикъ въѣхалъ въ ворота Д. П. З. Обычныя формальности допроса въ тюремной конторѣ, и меня и моихъ спутниковъ — почти сплошь рабочихъ — черезъ тяжелыя рѣшетчатыя двери вводятъ въ галлерею одиночнаго корпуса.

Опять воспоминанія о томъ, что было четверть вѣка тому назадъ, и позже — лѣтомъ 1906 года, когда я посѣщалъ тутъ Троцкаго, сидѣвшаго по дѣлу перваго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ: съ волненіемъ и негодованіемъ говорилъ тогда Троцкій о входившихъ въ практику царскаго правительства массовыхъ казняхъ и разсказывалъ мнѣ о приговоренномъ къ повѣшенію молодомъ рабочемъ Котловѣ, съ которымъ онъ гулялъ и игралъ въ чехарду на тюремномъ дворѣ и который однажды ночью исчезъ, чтобы больше не появляться. Времена мѣняются, и люди мѣняются вмѣстѣ съ ними...

На одной изъ галлерей насъ останавливаютъ и подвергаютъ тщательному обыску. Ссылки на то, что насъ обыскивали въ Ч. К., не помогаютъ: разворачиваютъ вещи, заставляютъ снимать верхнюю одежду, осматриваютъ и ощупываютъ. Наконецъ, тягостная процедура кончена: по камерамъ! Но свободныхъ нѣтъ. Въ маленькихъ одиночкахъ напихано по 2 и по 3 человѣка. Меня всовываютъ въ камеру, гдѣ на койкѣ лежитъ уже какая то грузная фигура, испуганно поднимающаяся при захлопываніи тяжелой двери.

Въ камерѣ темно. Я сажусь въ пальто на придѣланное къ стѣнѣ желѣзное сидѣнье за желѣзнымъ же столомъ. Мой товарищъ по камерѣ садится на койку и осторожно начинаетъ разспрашивать меня, кто я и какъ сюда попалъ. Мало по малу начинаетъ березжить разсвѣтъ, и я различаю черты говорящаго со мною человѣка. Это — высокій, плотный мужчина лѣтъ 50, съ большой окладистой бородой, широкимъ лицомъ, мясистымъ носомъ, испуганно бѣгающими глазами, грубыми рабочими руками. Одѣтъ въ рваное пальто и рваные сапоги. Разсказываетъ мнѣ свою исторію: онъ — рабочій Балтійскаго завода, эстонецъ; въ свободное время — а мало ли было его, свободнаго за послѣдніе годы? — работалъ въ собственной, по грошамъ сколоченной починочной мастерской. Но мастерскую недавно конфисковали, а самъ онъ попалъ въ глазахъ комячейки въ «буржуи». Политикой не интересуется,

весь ушелъ въ домашнія заботы, мечтаетъ объ отъѣздѣ въ Эстонію. Но лишь только начались волненія, его, по указанію ячейки, арестовали. Онъ усиленно увѣряетъ меня, что «ни въ чемъ не виновенъ»: видно, и боится, и не вполнѣ довѣряетъ мнѣ. Мое имя онъ знаетъ изъ газетъ. Мало по малу онъ все таки втягивается въ болѣе откровенную бесѣду: рисуетъ мнѣ безрадостную картину жизни петроградскаго рабочаго и разсказываетъ, что въ Ч. К. встрѣтился съ арестованнымъ рабочимъ завода Нобеля — Дорофеевымъ, у котораго взяты наши прокламаціи и газеты.

Наступаетъ утро, приносятъ кипятокъ. У меня съ собою чай и сахаръ. Я завариваю, и мой сосѣдъ конфузливо беретъ у меня кусочекъ сахару. Онъ пробылъ здѣсь сутки и уже отощалъ: даютъ полфунта хлѣба въ день и два раза мутную жидкость, въ которой плаваютъ рѣдкіе кусочки конскаго легкаго — вотъ и все. Вдобавокъ «супъ» этотъ совершенно безъ соли. Изъ дому я захватилъ съ собою случайно оказавшіеся 2 фунта хлѣба и кусочекъ масла. Мы по братски дѣлимъ хлѣбъ, разсчитывая, что его должно хватить по крайней мѣрѣ на два дня, пока принесутъ передачу изъ дому. Съѣвъ свою порцію хлѣба, мой сосѣдъ тщательно сгребаетъ въ ладонь всѣ крошки со стола и отправляетъ ихъ въ ротъ.

Просидѣли мы вдвоемъ недолго. Днемъ пришелъ «познакомиться» со мною начальникъ тюрьмы — большевикъ изъ рабочихъ Селицкій

— и распорядился перевести сожителя моего въ другую камеру, а меня оставить одного. Съ С. сейчасъ же завязывается «политическая» бесѣда — мало интересная. Все то же: меньшевики служатъ буржуазіи, потому что стоятъ за свободу торговли и обманываютъ рабочихъ. Большевистскими газетами, — а другихъ, вѣдь, нѣтъ! — данъ твердый пароль, и вся совѣтская бюрократія сверху до низу повторяетъ его, пока... пока не будетъ дано другихъ указаній.

Уборщики тюрьмы, разносчики кипятку и пищи — все это почти сплошь рабочіе изъ «уголовныхъ», т.-е. попавшихся въ разнаго рода хищеніяхъ: иначе жить нечѣмъ! Среди нихъ есть принимавшіе въ прежнее время участіе въ политической жизни. Кое кто изъ нихъ знаетъ меня, и благодаря этому сразу получается возможность сношеній съ другими «одиночками», гдѣ сидятъ другіе арестованные товарищи. Узнаю цѣлый рядъ фамилій сидящихъ и даю знать о себѣ. Достаю изъ тюремной библіотеки книги: въ библіотекѣ работаютъ и «старшими рабочими» числятся все «каэры» (контр-революціонеры) — адвокаты, инженеры, литераторы — и «спекулянты». Среди тюремнаго персонала, несмотря на усиленное «подтягиваніе», очень много рѣшительно враждебно относящихся къ большевикамъ и, наоборотъ, заранѣе склонныхъ сочувствовать каждому заключенному. Все это облегчаетъ положеніе, и строгія тюремныя правила не всегда строго соблюдаются.

Ежедневно даютъ на четверть часа газету, а по вечерамъ до полуночи доносятся до меня издалека звуки музыки, пѣнія, апплодисменты и хохотъ: это — изъ устроеннаго въ одномъ изъ крыльевъ корпуса театра для служащихъ и заключенныхъ. Но меня туда не пускаютъ: я числюсь въ «строгомъ» заключеніи. «Да Вамъ и не интересно будетъ», говоритъ помощникъ начальника: «это, вѣдь, только для буржуйчиковъ и спекулянтовъ забава»!

Электричество въ камерахъ выключаютъ въ 10 часовъ вечера, но мнѣ С. разрѣшаетъ пользоваться имъ безъ ограниченія времени. Отъ нечего дѣлать погружаюсь въ чтеніе взятыхъ изъ библіотеки романовъ и засиживаюсь до поздней ночи.

Перваго марта ложусь спать около часу ночи. Только успѣваю задремать, гремитъ ключъ въ замкѣ, дверь отворяется, и старшій надзиратель кричитъ: съ вещами! — Куда? — Тамъ увидите! Только скорѣе: ждутъ!

Нехотя встаю, одѣваюсь, собираю вещи. — Готово? — Да! — Меня выводятъ въ корридоръ, оттуда въ контору тюрьмы. Тамъ застаю цѣлую кучу партійныхъ товарищей: проф. Рожковъ, Назарьевъ, Каменскій, Чертковъ, Шпаковскій, Дорофеевъ, Казуковъ, Малаховскій, Глозманъ. Всѣ съ вещами, и всѣ недоумѣваютъ: куда насъ везутъ? Конторскіе служащіе отвѣчаютъ незнаніемъ. Они почему-то смущены, необычайно любезны, охотно исполняютъ всѣ просьбы и торо-

пятся вернуть намъ отобранныя при поступленіи въ тюрьму деньги и вещи. Приводятъ 5 заключенныхъ женщинъ: это — соціалистки-революціонерки или почему-то причисляемыя чекистами къ партіи с.-р. Онѣ тоже не знаютъ, въ чемъ дѣло.

Садимся всѣ въ пріемной и начинаемъ разговоръ. Разспрашиваемъ другъ у друга, кто, когда и при какихъ обстоятельствахъ арестованъ: всѣ взяты за послѣдніе 4—5 дней, въ связи съ забастовкой. Одинъ товарищъ разсказываетъ красочную исторію, какъ у нихъ, за Московской заставой, собраніе с.-д-овъ было выслѣжено и арестовано бандой вооруженныхъ мальчишекъ изъ коммунистическаго союза молодежи. Обмѣниваемся предположеніями о томъ, куда насъ переводятъ. Кто полагаетъ, что въ Кресты (Выборгская одиночная тюрьма), кто — что въ «Петрожидъ» (бывшій Петроградскій Женскій Исправительный Домъ).

Наконецъ, на дворѣ слышится пыхтѣніе грузовика. Входитъ конвой. Насъ перекликаютъ, выводятъ на дворъ. Мы взбираемся на два большихъ грузовика, на каждомъ по 4 угламъ и на козлахъ рядомъ съ шофферомъ размѣщаются вооруженные красноармейцы. Тяжелыя ворота распахиваются, и мы выѣзжаемъ. Уже свѣтаетъ. На улицѣ морозно. Прохожихъ — ни души, но время отъ времени отдѣляются отъ стѣнъ красноармейцы съ винтовками въ рукахъ, съ автомобиля кричатъ: свои! — и мы ѣдемъ дальше. Ли-

9*

тейный мостъ проѣхали: стало быть, не въ Кресты и не въ Петрожидъ. Куда-же? Въ Ч. К.? Или, можетъ быть, въ Петропавловскую крѣпость? — начинаетъ мелькать мысль. Кто то говоритъ шопотомъ: уже не разстрѣливать-ли насъ везутъ? — Нѣтъ! — Вѣдь, массовые разстрѣлы происходятъ на Полигонѣ: мы тогда свернули бы черезъ Литейный мостъ.

Доѣзжаемъ до Троицкаго моста и сворачиваемъ на него. Крѣпнетъ увѣренность, что ѣдемъ въ крѣпость. На мосту — остановка: что то испортилось въ переднемъ грузовикѣ, и мы ждемъ неподвижно — странный и жуткій караванъ на пустынномъ мосту, въ утреннемъ туманѣ, нависшемъ надъ Невой. Со стороны крѣпости мчится намъ навстрѣчу легковой автомобиль: въ немъ Чистяковъ и еще кто то изъ чекистовъ. Они подтверждаютъ нашу догадку, что везутъ насъ въ крѣпость, но почему и зачѣмъ, не говорятъ. Наконецъ, мы трогаемся, и скоро грузовики въѣзжаютъ въ наружныя ворота крѣпости, потомъ длинной аллеей подъѣзжаютъ ко вторымъ воротамъ, шныряютъ въ нихъ и останавливаются межъ двухъ длинныхъ одноэтажныхъ домиковъ: надъ лѣвымъ надпись — комендантъ.

Въ 1896 году я сидѣлъ въ крѣпости. Потомъ посѣтилъ ее разъ въ 1917 г., когда тамъ сидѣли царскіе министры: въ качествѣ товарища предсѣдателя Центральнаго Исполнительнаго Комитета мнѣ надо было разспросить кое о чемъ Бѣлецкаго (б. директоръ департамента полиціи), Виссаріо-

нова (его помощникъ), ген. Курлова (б. тов. министра внутр. дѣлъ) и жандармскаго генерала Спиридовича, чтобы провѣрить поступившія къ намъ свѣдѣнія о провокаторствѣ одного виднаго политическаго дѣятеля. И мы въ свое время, и царскіе министры помѣщались въ такъ называемомъ Трубецкомъ бастіонѣ, и въ 1917 году та камера, гдѣ я когда то сидѣлъ, была занята послѣднимъ царскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ — Протопоповымъ.

Но Трубецкой бастіонъ — это въ самой глубинѣ крѣпости, за Монетнымъ дворомъ. А наши грузовики остановились у самаго въѣзда. Здѣсь же стоитъ еще какой то грузовикъ, наполненный людьми: оказывается, с.-р-ы, 12 человѣкъ; ихъ привезли тоже изъ Д. П. З. уже три четверти часа тому назадъ, и они стоятъ и ждутъ, пока приготовятъ помѣщеніе для нашего пріема. Стало быть, насъ здѣсь не ждали! Стало быть, переводъ нашъ рѣшенъ внезапно! Что же это значитъ?

Проходитъ еще минутъ десять. Чистяковъ разставляетъ конвойныхъ двумя шпалерами отъ грузовика къ правому домику, и сначала с.-р-ы, потомъ мы гуськомъ входимъ въ двери, на которыхъ еще красуется надпись: «Продскладъ» (продуктовый складъ). Это — бывшее помѣщеніе офицерской гауптвахты. Но оно было занято складомъ продовольствія и всю зиму не топилось. Теперь его наскоро очистили для насъ и затопили печи. Въ большой комнатѣ, куда насъ

вводятъ, все полно дыму, со стѣнъ каплетъ. Здѣсь 12 красноармейцевъ въ кожаныхъ костюмахъ и высокій человѣкъ съ взлохмаченной свѣтло-русой бородой, въ барашковой папахѣ и сѣрой солдатской шинели. Онъ обыскиваетъ насъ. Отбираетъ ремни, веревки, подтяжки. Я протестую: вѣдь, безъ подтяжекъ ходить неудобно! — Ну, ходить Вамъ не придется!

Насъ размѣщаютъ по крохотнымъ каморкамъ, двери которыхъ выходятъ въ большую комнату, а небольшія, высоко поднятыя, забранныя решетками оконца во дворъ. Красноармейцы въ кожаныхъ костюмахъ, съ винтовками въ рукахъ становятся на часахъ въ большой комнатѣ — кордегардіи, съ широкими нарами по срединѣ.

Я попадаю въ маленькую клѣтушку съ Рожковымъ, Назарьевымъ и Чертковымъ. Насъ — четверо. Но въ клѣтушкѣ — всего три деревянныхъ топчана безъ всякой подстилки. Одинъ стоитъ подъ окномъ, два другихъ перпендикулярно къ нему, съ полуаршиннымъ проходомъ по срединѣ. Можно только сидѣть или лежать. Въ клѣтушкѣ холодно, дымно, сыро отъ начинающихъ оттаивать, насквозь промерзшихъ стѣнъ. Дверь за нами захлопывается и закрывается на ключъ. Чтобы выйти въ уборную, помѣщающуюся тутъ же въ корридорчикѣ, надо черезъ форточку, открывающуюся въ кордегардію, позвать «выводнаго», который и наряжаетъ конвойнаго для проводовъ.

Въ шубахъ и калошахъ мы усѣлись на топча-

ны и стали обсуждать положеніе. У всѣхъ насъ начало складываться убѣжденіе, что насъ привезли въ крѣпость для разстрѣла. Но то ли въ глубинѣ души было трудно освоиться съ этою мыслью, то-ли «на людяхъ и смерть красна», но ни малѣйшей подавленности ни у одного изъ насъ не было: мы шутили и смѣялись. Но за то, что насъ имѣютъ въ виду разстрѣлять, говорила вся обстановка: внезапный ночной увозъ изъ Д. П. З., слова обыскивавшаго человѣка о томъ, что «ходить не придется», полная неподготовленность для жилья того помѣщенія, куда насъ запихали. Замѣчу, забѣгая впередъ: неподготовленность администраціи къ нашему пріѣзду была такъ велика, что обѣдъ, хлѣбъ и кипятокъ мы получили въ первый разъ на слѣдующій день въ 6 часовъ вечера!...

Мы недоумѣвали только, чѣмъ вызванъ этотъ внезапный приступъ террора. Послѣднія извѣстія, имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи, говорили о томъ, что забастовка идетъ на убыль. Что же такое произошло, что большевиками овладѣла паника? Ибо только въ паникѣ имъ могла придти въ голову безумная мысль разстрѣлять насъ. Лишь черезъ 2 дня узнали мы отъ одного изъ часовыхъ, что 1-го марта «Кронштадтъ взбунтовался», а потомъ стали ежедневно получать и газеты. Тогда все стало для насъ ясно. Пока же мы были готовы къ смерти, но ломали себѣ голову надъ причинами неожиданнаго поворота событій.

Чтобы покончить съ вопросомъ о предполагавшемся разстрѣлѣ, разскажу тутъ же все, что мнѣ извѣстно по этому поводу.

Въ первыхъ числахъ марта моей женѣ, жившей въ Москвѣ, позвонилъ по телефону одинъ весьма видный большевикъ и сказалъ ей: «Ну, я могу успокоить Васъ: Ф. И-чу ничего не грозитъ». Моя жена, которой было извѣстно лишь, что я арестованъ, но которая не знала еще даже, что меня увезли куда то изъ Дома Предварит. Заключенія, отвѣтила недоумѣвающимъ вопросомъ. Тогда ея собесѣдникъ разсказалъ ей слѣдующее: отъ Зиновьева изъ Петрограда была получена телеграмма съ просьбой о разрѣшеніи разстрѣлять меня (NB: собесѣдникъ говорилъ моей женѣ обо мнѣ, но, вѣроятно, это относилось ко всѣмъ переведеннымъ въ крѣпость), какъ «заложника» за Кронштадтъ. Ему отвѣтили отказомъ. «Но, такъ какъ я знаю, что этотъ господинъ имѣетъ привычку раньше дѣлать свои мерзости, а потомъ просить разрѣшенія, то я былъ увѣренъ, что онъ успѣлъ уже разстрѣлять Ф. И-ча. Но теперь я навелъ справки и убѣдился, что все благополучно», закончилъ собесѣдникъ.

Болѣе, чѣмъ годъ спустя, Радекъ подтвердилъ это телефонное сообщеніе. Въ комиссіи Берлинскаго Совѣщанія трехъ Интернаціоналовъ (начало апрѣля 1922 года) Радекъ сказалъ, что, если я не былъ разстрѣлянъ въ Петроградѣ, то только потому, что «Центр. Комитетъ большевистской партіи постановилъ намѣренно («be-

wusst»!) вождей меньшевиковъ не разстрѣливать». Очевидно, Зиновьевъ совершилъ неловкость, не разстрѣлявъ насъ «нечаянно» — напримѣръ, при знаменитой «попыткѣ къ бѣгству!».

Скажу кстати, что сдѣланное Радекомъ въ той же комиссіи утвержденіе, будто поводомъ къ поднятію вопроса о разстрѣлѣ послужили 2 прокламаціи, изданныя нашею Петроградскою организаціею во время Кронштадтскаго возстанія, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Прокламаціи эти стояли на точкѣ зрѣнія, единственно допустимой для соціалиста. Передъ лицомъ возстанія рабочихъ и матросовъ, добрая доля которыхъ были вчерашніе к о м м у н и с т ы (почти вся кронштадская организація большевиковъ примкнула къ возстанію!), — возстанія, которое было неожиданно для самихъ возставшихъ, загнанныхъ на путь вооруженной борьбы высокомѣрнымъ и грубымъ отказомъ власти вникнуть въ существо ихъ требованій, — наша организація требовала отъ правительства, прежде всего, попытки разрѣшить конфликтъ мирнымъ путемъ, переговорами и компромиссомъ. Но, какъ бы ни смотрѣть на содержаніе прокламацій, и какъ бы ни настаивать на томъ, что я, хотя и сидѣвшій во время ихъ напечатанія въ тюрьмѣ, морально-политически отвѣтственъ за нихъ, какъ и за всѣ дѣйствія нашей партійной организаціи, — одинъ фактъ неопровержимо обличаетъ Радека: перевозъ нашъ въ крѣпость въ связи съ проектомъ разстрѣла со-

стоялся въ ночь съ 1 марта на 2-е, а первая прокламація нашей петроградской организаціи вышла 6 марта, т. е. тогда, когда сановный собесѣдникъ уже успѣлъ «успокоить» мою жену насчетъ моей участи. Насъ хотѣли разстрѣлять именно какъ «заложниковъ», и только...

Возвращаюсь къ разсказу.

Стало уже совсѣмъ свѣтло, когда мы, сдвинувъ топчаны, кое какъ, скрючившись, улеглись на нихъ, не раздѣваясь и накрывшись всѣмъ тряпьемъ, какое у насъ было. Заснули, какъ убитые, и проснулись поздно.

Первый день прошелъ томительно. Я уже говорилъ, что до вечера намъ не давали ѣсть, и до вечера мы ждали, что вотъ-вотъ за нами придутъ и поведутъ... Форточки дверей были закрыты, часовые держались строго, слѣдили, чтобы въ уборную выходили по одиночкѣ. Но вечеромъ, когда принесли, наконецъ, обѣдъ и роздали хлѣбъ, въ воздухѣ почувствовался какъ бы какой то переломъ. Явилась увѣренность, что мы здѣсь будемъ жить, а не пройдемъ только черезъ эти каморки мимолетными гостями на пути туда, откуда никто не возвращается...

Переломъ почувствовался и въ нашей стражѣ. Насъ охраняли красноармейцы бронепоѣзда: все больше зеленая молодежь, франтовато одѣтая, на половину — коммунисты. Они проводили въ караулѣ сутки, мѣняясь черезъ день, по 12 человѣкъ въ каждой смѣнѣ. Командовалъ ими во-

енный комиссаръ С. — тотъ самый человѣкъ съ взлохмаченной бородой, который обыскивалъ насъ при пріемѣ. Только что мы кончили обѣдъ, онъ подошелъ къ форточкѣ нашей двери: онъ слыхалъ обо мнѣ, и ему было любопытно «познакомиться». Завязался разговоръ, вѣрнѣе, споръ, такъ какъ рѣчь сейчасъ же перешла на текущія событія, т. е. на забастовку, потому что о Кронштадтѣ мы еще ничего не знали. С. намъ ничего о возстаніи не говорилъ.

Во многихъ отношеніяхъ С. былъ очень любобопытнымъ человѣкомъ, остроумнымъ, весьма не глупымъ и даже кое что читавшимъ, хотя и любившимъ прикидываться простачкомъ. На самомъ дѣлѣ, какъ онъ потомъ разсказалъ мнѣ, онъ окончилъ горное училище и работалъ на рудникахъ Донецкаго бассейна. Послѣ нѣмецкой войны, онъ все время принималъ самое дѣятельное участіе въ войнѣ гражданской, будучи ярымъ коммунистомъ. Исколесилъ чуть не всю Россію, два раза былъ тяжело раненъ и только чудомъ ускользнулъ отъ плѣна и разстрѣла. Была въ немъ какая то смѣсь необычайно привлекательнаго добродушія и милой, чисто дѣтской веселости съ азіатской хитрецою и зоологическою жестокостью.

Не моргнувъ глазомъ, разсказывалъ онъ мнѣ, какъ однажды утопилъ въ рѣкѣ 50 взятыхъ въ плѣнъ бѣлогвардейскихъ офицеровъ, бросая ихъ одного за другимъ съ моста въ рѣку.

— Да зачѣмъ же Вы такую гадость сдѣлали?

— Ну, вотъ, гадость! Таскать ихъ съ собою нельзя было: сами боялись въ плѣнъ попасть, а патроновъ жалко было — мало ихъ было у насъ.

Въ другой разъ, даже со смѣхомъ, разсказалъ онъ мнѣ, какъ «пошутилъ» надъ однимъ купцомъ-евреемъ, котораго арестовалъ, предполагая, что въ кожѣ, которую тотъ везъ на телѣгѣ, спрятано оружіе. Оружія не оказалось, но, прежде чѣмъ отпустить купца, ему захотѣлось «пошутить» надъ «буржуемъ»: онъ поставилъ его къ стѣнкѣ и велѣлъ «разстрѣливать» — только холостыми зарядами. Продѣлалъ это до трехъ разъ, и только хотѣлъ порадовать своего плѣнника, что отпускаетъ его на всѣ четыре стороны, какъ тотъ возьми, да умри отъ разрыва сердца . . .

Со своей командой онъ обращался необычайно ласково, называя красноармейцевъ не иначе, какъ «сынки», и красноармейцы его очень любили. Но и къ намъ онъ относился съ величайшей заботливостью и даже нѣжностью. Хлопоталъ, чтобы намъ дали тюфяки, книги, газеты, табакъ, улучшили пищу и увеличили число раздачъ кипятку. Часами онъ простаивалъ у моей камеры и не разъ говорилъ, какъ радъ, что познакомился и узналъ, что на самомъ дѣлѣ думаютъ меньшевики. И къ другимъ заключеннымъ онъ относился съ такимъ же вниманіемъ и интересомъ.

— Вы видите теперь, сказалъ я ему какъ то, — что не такъ страшны мы, какъ насъ малюютъ.

А когда насъ привезли, Вы на насъ волкомъ смотрѣли и, вѣроятно, готовы были тутъ же на мѣстѣ убить насъ.

— Повѣрьте, т. Данъ, отвѣчалъ онъ: я очень уважаю Васъ и всей душой желаю Вамъ всего хорошаго. Но, если мнѣ сейчасъ прикажутъ разстрѣлять Васъ, я сдѣлаю это сiю же минуту!

Очень скоро въ разговоры стали втягиваться и всѣ караулившiе насъ красноармейцы. Съ чего бы разговоръ ни начинался, онъ непремѣнно сводился къ рабочимъ забастовкамъ и къ Кронштадтскому возстанiю, о которомъ все чаще и чаще стало напоминать отчетливо доносившееся до насъ буханье пушекъ. А отсюда — прямой переходъ къ продовольственной и крестьянской политикѣ большевиковъ. Газеты продолжали изо дня въ день травить насъ за наше требованiе отмѣны разверстки, поддержанное теперь и кронштадтцами. «Лакеи буржуазiи!» «Слуги Антанты!» «Предатели!» Но, когда мы объясняли красноармейцамъ, что разверстка, оставляющая крестьянину лишь самое необходимое для пропитанiя, а то и еще меньше, лишаетъ его всякой охоты расширять запашку и тѣмъ обрекаетъ страну на голодъ, а деревню толкаетъ къ возстанiямъ, они — въ большинствѣ своемъ сами выходцы изъ деревни — спорить не могли и соглашались съ нами. Только одинъ, умный и развитой, рабочiй по происхожденiю, твердо стоялъ за большевиковъ. И онъ соглашался, что во многихъ отношенiяхъ политика большевиковъ вредна. Но все

— Ну, вотъ, гадость! Таскать ихъ съ собою нельзя было: сами боялись въ плѣнъ попасть, а патроновъ жалко было — мало ихъ было у насъ.

Въ другой разъ, даже со смѣхомъ, разсказалъ онъ мнѣ, какъ «пошутилъ» надъ однимъ купцомъ-евреемъ, котораго арестовалъ, предполагая, что въ кожѣ, которую тотъ везъ на телѣгѣ, спрятано оружіе. Оружія не оказалось, но, прежде чѣмъ отпустить купца, ему захотѣлось «пошутить» надъ «буржуемъ»: онъ поставилъ его къ стѣнкѣ и велѣлъ «разстрѣливать» — только холостыми зарядами. Продѣлалъ это до трехъ разъ, и только хотѣлъ порадовать своего плѣнника, что отпускаетъ его на всѣ четыре стороны, какъ тотъ возьми, да умри отъ разрыва сердца ...

Со своей командой онъ обращался необычайно ласково, называя красноармейцевъ не иначе, какъ «сынки», и красноармейцы его очень любили. Но и къ намъ онъ относился съ величайшей заботливостью и даже нѣжностью. Хлопоталъ, чтобы намъ дали тюфяки, книги, газеты, табакъ, улучшили пищу и увеличили число раздачъ кипятку. Часами онъ простаивалъ у моей камеры и не разъ говорилъ, какъ радъ, что познакомился и узналъ, что на самомъ дѣлѣ думаютъ меньшевики. И къ другимъ заключеннымъ онъ относился съ такимъ же вниманіемъ и интересомъ.

— Вы видите теперь, сказалъ я ему какъ то, — что не такъ страшны мы, какъ насъ малюютъ.

А когда насъ привезли, Вы на насъ волкомъ смотрѣли и, вѣроятно, готовы были тутъ же на мѣстѣ убить насъ.

— Повѣрьте, т. Данъ, отвѣчалъ онъ: я очень уважаю Васъ и всей душой желаю Вамъ всего хорошаго. Но, если мнѣ сейчасъ прикажутъ разстрѣлять Васъ, я сдѣлаю это сію же минуту!

Очень скоро въ разговоры стали втягиваться и всѣ караулившіе насъ красноармейцы. Съ чего бы разговоръ ни начинался, онъ непремѣнно сводился къ рабочимъ забастовкамъ и къ Кронштадтскому возстанію, о которомъ все чаще и чаще стало напоминать отчетливо доносившееся до насъ буханье пушекъ. А отсюда — прямой переходъ къ продовольственной и крестьянской политикѣ большевиковъ. Газеты продолжали изо дня въ день травить насъ за наше требованіе отмѣны разверстки, поддержанное теперь и кронштадтцами. «Лакеи буржуазіи!» «Слуги Антанты!» «Предатели!» Но, когда мы объясняли красноармейцамъ, что разверстка, оставляющая крестьянину лишь самое необходимое для пропитанія, а то и еще меньше, лишаетъ его всякой охоты расширять запашку и тѣмъ обрекаетъ страну на голодъ, а деревню толкаетъ къ возстаніямъ, они — въ большинствѣ своемъ сами выходцы изъ деревни — спорить не могли и соглашались съ нами. Только одинъ, умный и развитой, рабочій по происхожденію, твердо стоялъ за большевиковъ. И онъ соглашался, что во многихъ отношеніяхъ политика большевиковъ вредна. Но все

равно, надо стоять за нихъ и надо безъ пощады подавлять всѣхъ недовольныхъ. Къ намъ лично и этотъ красноармеецъ относился очень хорошо, и я попытался въ дружескомъ разговорѣ выяснить, откуда у него такое настроеніе. Онъ мнѣ разсказалъ, что жилъ въ Крыму и былъ мобилизованъ Врангелемъ. Жилось гораздо лучше и сытнѣе, чѣмъ въ совѣтской Россіи. Но «барское» отношеніе офицеровъ къ рабочимъ и солдатамъ — вотъ чего онъ не могъ переносить и вотъ ради чего онъ готовъ все простить большевикамъ: здѣсь нѣтъ «баръ!».

Мнѣ еще разъ пришлось наблюдать очень рѣзкое выраженіе этой — многими какъ-то недостаточно оцѣниваемой — черты революціонной психологіи народа.

Мы уже давно пользовались полной свободой разговора другъ съ другомъ и даже хожденія изъ камеры въ камеру, — о чемъ скажу еще ниже. Какъ то одинъ изъ с.-р.-ов крикнулъ товарищамъ: Господа, идите къ намъ, будемъ пѣть! — Валявшійся на нарахъ красноармеецъ, только что добродушно бесѣдовавшій съ кѣмъ то изъ заключенныхъ, вскочилъ, какъ ужаленный, съ покраснѣвшимъ лицомъ и сверкающими глазами, и грубо крикнулъ: «не смѣть говорить «г о с п о д а!» Сердце мнѣ рѣжетъ это слово. Будете говорить «господа», всѣхъ запру по камерамъ!».

Постепенно дебаты наши становились все оживленнѣе, и въ кордегардіи образовался какъ

бы красноармейскій клубъ. Однажды я стоялъ съ С. По обыкновенію мы говорили о крестьянскомъ вопросѣ, разверсткѣ, хлѣбной монополіи. Кругомъ толпились красноармейцы, вмѣшиваясь въ разговоръ и подавая реплики. Принесли газеты. Я развернулъ ихъ и увидалъ пресловутую рѣчь Ленина на X съѣздѣ коммунистической партіи. Ленинъ возвѣщалъ полный поворотъ въ крестьянской политикѣ: отказъ отъ разверстки, введеніе продовольственнаго налога, свободная торговля. Газеты моментально перемѣнили фронтъ: во всѣхъ статьяхъ доказывалось, вслѣдъ за Ленинымъ, что разверстка была лишь печальною необходимостью «военнаго» коммунизма, что большевики всегда стояли за налогъ и свободную торговлю и теперь, когда гражданская война кончилась, сами вводятъ ихъ; меньшевики-же — «предатели», потому что клеветали на большевиковъ, злостно приписывая имъ ту политику, которая была насильственно навязана имъ военными обстоятельствами.

Я тотчасъ же прочелъ вслухъ и рѣчь Ленина, и статьи газетъ. На С. и красноармейцевъ они подѣйствовали, какъ громъ изъ яснаго неба. Когда же я огласилъ заключительныя слова Ленинской рѣчи, гдѣ онъ заявилъ, что меньшевиковъ и с.-р-овъ надо все-таки держать въ тюрьмѣ, воцарилось неловкое молчаніе и смущеніе. С. пробормоталъ какую то шутку и заторопился уйти по какимъ то неотложнымъ дѣламъ. Красноармейцы молча пожимали плечами, когда я спраши-

валъ ихъ, что же значитъ это содержаніе соціалистовъ въ тюрьмѣ, и зачѣмъ надо было громить артиллеріей кронштадтцевъ, главное требованіе которыхъ и составляла отмѣна разверстки, и которые кромѣ того добивались лишь права свободныхъ выборовъ въ совѣты (а вовсе не «совѣтовъ безъ коммунистовъ», какъ клеветнически подсовывала имъ большевистская пресса!) и отнятія у комячеекъ полицейскихъ функцій.

Съ этихъ поръ С. сталъ избѣгать политическихъ разговоровъ, а бесѣды съ красноармейцами перешли на другія темы — главнымъ образомъ, на вопросъ о значеніи террора и антидемократической политики большевиковъ.

На почвѣ всѣхъ этихъ бесѣдъ мы очень сблизились съ нашимъ карауломъ. Не прошло и недѣли, какъ условія нашего заключенія радикально измѣнились. Конечно, было, по прежнему, невыносимо тѣсно и душно. Но форточки нашихъ дверей, а скоро и самыя двери были открыты; мы свободно говорили другъ съ другомъ и ходили другъ къ другу; по вечерамъ любители собирались въ камеру побольше, гдѣ помѣщалось 7 человѣкъ, и составляли хоръ: часть красноармейцевъ присоединялась къ нему, а стоявшіе на часахъ предупреждали о приходѣ коменданта. С. добился для насъ права прогулокъ — по получасу въ день. Красноармейцы оказывали намъ всевозможныя услуги, и черезъ нихъ же намъ удалось отправить письмо роднымъ съ извѣщеніемъ о нашемъ мѣстопребываніи.

Родные наши цѣлыхъ десять дней метались по городу, разыскивая насъ. Въ Домѣ Предварительнаго Заключенія имъ говорили, что насъ увезли въ Ч. К. На Гороховой-же увѣряли, что это — недоразумѣніе, что мы по прежнему находимся въ Д. П. З. Наводили справки во всѣхъ другихъ петроградскихъ тюрьмахъ, но тщетно. Намъ, правда, было разрѣшено писать изъ крѣпости 2 раза въ недѣлю открытки. Мы всѣ аккуратно писали ихъ, но Ч. К. такъ же аккуратно складывала ихъ у себя: ни одна не дошла по назначенію! Наконецъ, письмо, отправленное черезъ красноармейца, раскрыло нашимъ роднымъ тайну, и они начали осаждать Ч. К., требуя свиданій и права дѣлать намъ передачи. Свиданій никому не дали, но на передачи Ч. К. въ концѣ концовъ согласилась. Такимъ образомъ хоть эта нить протянулась между нами и родными, которые до тѣхъ поръ находились въ смертельномъ безпокойствѣ, такъ какъ въ Д. П. З. имъ довольно ясно намекали, что, по всей вѣроятности, насъ уже нѣтъ въ живыхъ. Впрочемъ, благодаря тѣмъ же красноармейцамъ, нѣкоторымъ изъ родныхъ удалось повидаться (и не разъ) и поговорить со своими близкими заключенными. Какъ, — объ этомъ я по понятнымъ причинамъ вынужденъ умолчать.

Чудеса ловкости и смѣлости обнаружили нѣкоторые молодые рабочіе нашей организаціи. Они не только умудрились проникнуть къ намъ (опять таки я умалчиваю, какъ именно), но пере-

давали намъ письма отъ товарищей и родныхъ, прокламаціи нашего петроградскаго комитета, «Извѣстія» кронштадтскихъ повстанцевъ и брали отъ насъ посланія для обратной передачи. Такимъ образомъ, попытка глухою стѣною изолировать насъ рѣшительно не удалась, и черезъ двѣ недѣли мы уже имѣли довольно оживленныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ.

Наконецъ, и начальство не могло не замѣтить, что со строгой изоляціей и дисциплиной у насъ въ «Продскладѣ» дѣло обстоитъ неладно. А, можетъ быть, и самъ С. доложилъ о томъ, что его караулъ «разлагается». Стали ходить къ намъ и нѣкоторые служащіе крѣпости, которые подтвердили намъ, что по ихъ свѣдѣніямъ насъ привезли сюда въ ночь съ 1 на 2 марта для разстрѣла. Теперь наши «связи» распространились и на канцелярію коменданта крѣпости, что давало намъ нѣкоторую возможность быть въ курсѣ намѣреній начальства на нашъ счетъ, разговоровъ чекистовъ, пріѣзжавшихъ для просмотра передачъ, и т. д.

Числа 20 марта караулъ нашъ былъ внезапно смѣненъ. Красноармейцы съ бронепоѣзда и С. ушли, а на ихъ мѣсто привели караулъ отъ финскаго батальона, расположившагося въ крѣпостныхъ казармахъ.

Большинство новыхъ стражей нашихъ ни слова не говорило по-русски. Изъ насъ лишь кое кто могъ спросить по фински хлѣбъ, воду, ножъ, который часъ. Всякіе политическіе разговоры

стали невозможны. Но, если начальство разсчитывало такимъ образомъ обезпечить строгость нашего заключенія, то оно горько ошиблось. Среди финновъ не было почти ни одного коммуниста, и всѣ они съ величайшею неохотою несли свою службу. Тѣхъ немногихъ возможностей разговора съ ними, какія у насъ были, оказалось достаточно для того, чтобы сойтись съ ними. Въ первый день еще произошелъ крупный скандалъ, когда одинъ караульный схватилъ за руку с.-р-а Л., возвращавшагося изъ уборной, чтобы заставить его скорѣе войти въ камеру. Прибѣжалъ адъютантъ батальона. Но скоро разъяснилось, что все это — недоразумѣніе, что финнъ взялъ заключеннаго за руку, такъ какъ, не говоря по-русски, не могъ сказать ему, что хотѣлъ, и т. д. Ровно черезъ день всѣ камеры уже снова были открыты, и всѣ наши «вольности» возстановлены даже еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. И когда въ ночь съ 1 на 2 апрѣля внезапно нагрянулъ къ намъ комендантъ съ чекистами, чтобы переводить насъ въ другую тюрьму, онъ остолбенѣлъ: часовой у входныхъ дверей мирно спалъ на стулѣ, никого изъ другихъ караульныхъ не было, 12 заряженныхъ винтовокъ мирно стояли въ козлахъ посреди кордегардіи, а мы сидѣли по разнымъ камерамъ въ «гостяхъ» другъ у друга. Замѣчу кстати, чтобы не было ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ: всѣ «льготы» и услуги красноармейцы бронепоѣзда и финны оказывали намъ совершенно безкорыст-

10*

но. Если не считать кусочковъ хлѣба или кое какихъ другихъ продуктовъ, которыми мы съ ними иногда дѣлились, то ни мы, ни родные наши никогда никому изъ нихъ ничего не давали.

Скажу нѣсколько словъ о составѣ заключенныхъ. Я уже перечислялъ тѣхъ партійныхъ товарищей, которыхъ вмѣстѣ со мною перевезли въ крѣпость. Кромѣ 19-лѣтняго Малаховскаго, талантливаго юноши, который только недавно вышелъ изъ тюрьмы послѣ 9-мѣсячнаго заключенія, и теперь снова былъ ввергнутъ въ темницу (выпущенъ для отправки въ ссылку лишь въ маѣ 1922 г.),всѣ остальные были испытанные и активные члены партии. Не то у с.-р-овъ. У нихъ изъ 17 заключенныхъ— сохранившихъ связь съ партіей было максимумъ 4—5 человѣкъ. Да и тѣ говорили мнѣ, когда я показывалъ имъ прокламаціи нашего комитета: «мы завидуемъ вамъ: ваша организація хоть работала и работаетъ, и вы не даромъ сидите. А мы? Мы въ Петербургѣ уже 2 года ничего не дѣлаемъ». И несмотря на это одинъ изъ нихъ былъ арестованъ за время большевистскаго режима уже 7-ой разъ! Большинство же заключенныхъ «с.-р-овъ» было взято по старымъ спискамъ, а на самомъ дѣлѣ порвало уже давно всякую связь съ партіей и даже съ политическою дѣятельностью вообще, что и привело къ появленію въ большевистскихъ газетахъ множества «писемъ въ редакцію» съ «чистосердечнымъ» покаяніемъ и даже прямыми нападками на партію с.-р. Среди женщинъ была одна, Т.,

только потому попавшая въ число «с.-д.», что когда-то она дѣлала передачи одному с.-р-у, сидѣвшему въ тюрьмѣ! А другая, молоденькая дѣвушка Л., была повинна лишь въ томъ, что жила на квартирѣ у Т.! И вотъ, волею Григорія Зиновьева всѣ эти люди чуть не попали въ число «заложниковъ» за Кронштадтъ! Во всякомъ случаѣ даже «покаявшіеся» просидѣли не менѣе 1½—2 мѣсяцевъ; другіе просидѣли 5—6—7 мѣсяцевъ, а нѣкоторые сидятъ и до сихъ поръ — полтора года!

Ровно мѣсяцъ провели мы въ крѣпости. Въ ночь съ 1 на 2-ое апрѣля на грузовикахъ, въ сопровожденіи чекиста Степанова, мы выѣхали за ворота крѣпости и направились на Выборгскую сторону въ «Петрожидъ». Остановились на улицѣ, а чекистъ отправился въ контору тюрьмы. Черезъ четверть часа онъ вышелъ оттуда съ заявленіемъ, что насъ «не принимаютъ». Это былъ эпизодъ изъ междувѣдомственной борьбы: «Петрожидъ» находится въ вѣдѣніи комиссаріата юстиціи, который не хочетъ, чтобы въ его тюрьмахъ распоряжалась Ч. К. Насъ повезли на Шпалерную, и въ 2 часа ночи мы снова входили въ гостепріимное зданіе, покинутое нами въ столь драматическихъ условіяхъ мѣсяцъ тому назадъ.

VII.

ВЪ ДОМѢ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАГО ЗАКЛЮЧЕНІЯ

Дежурный помощникъ и конторскія барышни въ Д. П. З. съ удивленіемъ смотрѣли на насъ, когда мы входили, и не только потому, что не были предупреждены о нашемъ пріѣздѣ. Одна изъ барышень прямо сказала мнѣ: какъ, Вы живы? А у насъ были увѣрены, что Васъ разстрѣляли! — Почему? — Да потому, что васъ всѣхъ увозили, какъ всегда увозятъ на разстрѣлъ: «въ распоряженіе коменданта Ч. К.».

Въ конторѣ намъ пришлось долго ждать: мѣста въ тюрьмѣ не было! Разсчитанный на 700 человѣкъ, Д. П. З. вмѣщалъ теперь свыше 2000!

Прошло порядочно времени, пока для насъ «очистили» помѣщеніе. Помѣщеніе это оказалось камерой въ общемъ отдѣленіи женскаго корпуса, отведенномъ, въ виду переполненія тюрьмы, подъ мужчинъ. Привезенныхъ съ нами женщинъ увели наверхъ, въ одиночки, а насъ, въ числѣ 22 человѣкъ, ввели въ камеру, гдѣ было всего 13 коекъ. Общее отдѣленіе устроено такъ, что

3 камеры выходятъ въ корридоръ, замыкающійся съ лѣстницы тяжелой рѣшетчатою дверью; на площадкѣ лѣстницы — дежурная надзирательница.

Когда мы проходили корридоромъ, онъ былъ заваленъ людьми, спавшими прямо на полу. Многіе еще бродили съ вещами въ рукахъ, отыскивая свободное мѣстечко, гдѣ бы можно было улечься. Это были злосчастные обитатели той камеры, которую для насъ «очистили». Какъ легко себѣ представить, они отнюдь не съ восторгомъ встрѣтили наше появленіе и осыпали довольно нелестными эпитетами людей, которые пользуются такими привилегіями, что для нихъ среди ночи выгоняютъ съ насиженныхъ мѣстъ другихъ заключенныхъ. Мы себя чувствовали отвратительно и готовы были бы всю ночь провести въ корридорѣ; но затѣвать скандалъ не приходилось, и вернуть выгнанныхъ на ихъ мѣста было не въ нашей власти.

Кое какъ мы размѣстились на койкахъ и на полу. Я лично предпочелъ лечь на полъ, такъ какъ больше всего боялся набрать вшей, которыхъ, какъ обнаружилось утромъ, дѣйствительно было не мало.

Утромъ начали знакомиться съ многочисленной и разнообразной публикой, переполнявшей остальныя двѣ камеры и корридоръ. Наиболѣе интересными оказались двѣ группы: инженеры, работавшіе по постройкѣ электрической станціи на одной изъ рѣкъ, и кронштадтцы. Арестъ ин-

женеровъ, по ихъ словамъ, былъ слѣдствіемъ столкновенія ихъ съ политическимъ комиссаромъ, коммунистомъ. Они увѣряли, что комиссаръ этотъ производилъ грандіозныя хищенія. Когда же они попытались бороться съ нимъ, то онъ донесъ на нихъ, какъ на контръ-революціонеровъ и саботажниковъ. Въ вину имъ ставилась также покупка продовольствія для рабочихъ на вольномъ рынкѣ съ обходомъ установленныхъ декретами правилъ. По этимъ правиламъ они должны были предварительно обращаться за продовольствіемъ въ разныя инстанціи и ждать, пока эти инстанціи доставятъ имъ требуемое или отвѣтятъ отказомъ. На бумагѣ все это очень гладко и хорошо, но въ дѣйствительности рабочіе не стали бы ждать результатовъ всей этой канцелярской волокиты, а просто разбѣжались бы. Теперь, по словамъ инженеровъ, всѣ продѣлки комиссара уже раскрыты, и онъ самъ также арестованъ вмѣстѣ со всею «комячейкою». Сколько помнится, всѣ эти инженеры потомъ судились и были оправданы. Что стало съ комиссаромъ, не знаю. Инженеры съ интересомъ разспрашивали насъ о позиціи соціалдемократіи; но больше всего занималъ ихъ вопросъ, стоятъ-ли соціалдемократы за свободу печати и для инакомыслящихъ, въ томъ числѣ и для «буржуевъ». Получивъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, они успокоились. «А иначе, говорили они, между ними и большевиками, съ нашей точки зрѣнія, никакой разницы не было бы: и вы, и они — соціа-

листы, а соціализмъ, какъ показала русская революція, — вредная утопія». Мнѣ было очень интересно наблюдать эту новую психологію интеллигентскихъ круговъ въ Россіи, гдѣ испоконъ вѣка всякое интеллигентское движеніе было по традиціи окрашено въ болѣе или менѣе соціалистическій цвѣтъ.

Другая группа — кронштадтцевъ состояла изъ рабочихъ и матросовъ. Матросы были очень озлоблены. Они негодовали на петроградскихъ рабочихъ, которые «изъ-за фунта мяса» не поддержали и «продали» ихъ. Разочаровавшись въ коммунистической партіи, къ которой многіе изъ нихъ раньше принадлежали, они съ ненавистью говорили о партіяхъ вообще. Меньшевики и с.-р-ы для нихъ были ничуть не лучше большевиковъ: всѣ одинаково стремятся захватить власть въ свои руки, а захвативъ, надуваютъ довѣрившійся имъ народъ. «Всѣ вы — одна компанія! Вотъ, когда васъ привели, такъ, небось, насъ большевики сейчасъ же сбросили съ коекъ на полъ, а для васъ — всѣ удобства!» — говорилъ раздраженно одинъ матросъ. Не надо никакой власти, нуженъ анархизмъ — таковъ былъ выводъ большинства матросовъ изъ разочарованія въ рабочемъ движеніи и партіяхъ.

Рабочіе были настроены нѣсколько иначе. Мнѣ особенно запомнился одинъ высокій, сильный, красивый молодой рабочій - электротехникъ. Онъ подробно разсказывалъ мнѣ, какъ его съ десяткомъ другихъ товарищей взяли въ

плѣнъ и вели берегомъ Финскаго залива въ Петроградъ. Имъ трое сутокъ ничего не давали ѣсть, и неоднократно конвой пытался разстрѣлять ихъ: только вмѣшательство начальника конвоя предотвращало расправу. Но, по его словамъ, послѣ взятія Кронштадта до 600 плѣнниковъ было разстрѣляно.

Возстаніе, по его разсказамъ, было полною неожиданностью для самихъ возставшихъ. Никто не ожидалъ, что скромныя требованія ихъ, за которыя голосовали почти всѣ безъ исключенія кронштадтскіе коммунисты, не только встрѣтятъ грубый и рѣшительный отказъ, но и вызовутъ свирѣпый приказъ Троцкаго о безпощадной расправѣ съ Кронштадтомъ. За то, когда возстаніе стало фактомъ, къ нему примкнули рѣшительно всѣ. Совершенно ясно вырисовывались и причины неудачи возстанія: чтобы имѣть военный успѣхъ, надо было передать организацію возстанія въ руки офицерства; но возставшіе опасались политическаго результата такой организаціи и потому потерпѣли военную неудачу. Большевики изображали главаремъ возстанія генерала Козловскаго. На самомъ дѣлѣ матросы лишь заставили его продолжать исполнять ту же должность начальника артиллеріи, какую онъ исполнялъ при большевикахъ, а никакой власти ему не дали. При всемъ томъ, только благодаря курсантамъ, которыхъ привезли даже изъ Москвы, и китайскимъ войскамъ, удалось взять Кронштадтъ, боевыя суда котораго, скованныя

льдомъ, были лишены возможности двигаться. Да бывали случаи, когда и курсанты отказывались идти въ аттаку.

Что меня поражало въ разсказахъ моего собесѣдника, это — неподдѣльное умиленіе, съ которымъ онъ говорилъ объ атмосферѣ, царившей въ Кронштадтѣ въ дни возстанія, когда всѣ охотно дѣлились другъ съ другомъ послѣднимъ, охотно шли исполнять указанную имъ работу, когда «всѣ могли свободно говорить», даже коммунисты. Всего человѣкъ 10 изъ нихъ было арестовано въ послѣдніе дни возстанія. Но они были заключены въ хорошемъ помѣщеніи, кормили ихъ такъ же, какъ кормились сами повстанцы, и ни одного волоса не упало съ ихъ головы, хотя въ числѣ ихъ находился комиссаръ Балтійскаго флота Кузьминъ, онъ же — редакторъ Петроградской «Красной Газеты», ежедневно грозившей кронштадтцамъ самыми ужасными карами.

Тѣмъ же настроеніемъ радостнаго умиленія дышали и разсказы одного изъ вожаковъ возстанія, члена кронштадтскаго ревкома Перепелкина, съ которымъ мнѣ довелось познакомиться впослѣдствіи во время прогулки по тюремному двору. Онъ составилъ подробное описаніе всего пережитаго въ Кронштадтѣ, и рукопись эта, какъ мнѣ извѣстно, была передана на волю для переправки заграницу. Что сталось съ нею, я не знаю. Будетъ очень жаль, если окажется, что этотъ интереснѣйшій человѣческій документъ пропалъ.

Скажу кстати, что по настроенію своему Перепелкинъ также склонялся къ анархизму.

Въ своей рукописи Перепелкинъ разсказывалъ, какое восторженное, «весеннее» настроеніе царило въ Кронштадтѣ, и какъ дѣти танцовали на улицахъ на радостяхъ, что избавились отъ большевиковъ; какъ они же разносили на позиціи съѣстные припасы; какъ происходило братаніе между матросами, красноармейцами и рабочими. Всѣ наивныя политическія иллюзіи этого движенія и вся дѣйствительная трагика его очень ярко обрисовывались въ разсказѣ Перепелкина.

Неизгладимо врѣзался мнѣ въ память еще одинъ матросъ-кронштадтецъ, съ которымъ я встрѣчался на прогулкѣ и который, какъ и Перепелкинъ, сидѣлъ въ «строгой» одиночкѣ. Его фамилія была Савченко, и онъ увѣрялъ, что, будучи рядовымъ участникомъ возстанія, именно изъ-за своей фамиліи выдвинутъ чекистами въ разрядъ «вожаковъ». По его словамъ, въ газетахъ было напечатано о какомъ-то бывшемъ царскомъ генералѣ Савченко, принимающемъ участіе въ возстаніи, и его спутали съ этимъ генераломъ. Блѣдный, отощавшій на казенномъ питаніи безъ передачъ, съ лихорадочно горящими черными глазами, онъ все время мучился мыслью, что его разстрѣляютъ. Я успокаивалъ его. Я говорилъ ему, что невѣроятно, чтобы 2 мѣсяца спустя послѣ возстанія, когда большевики измѣнили въ корнѣ свою экономическую политику именно въ духѣ требованій кронштадтцевъ, когда

они обезпокоены рабочими волненіями, стараются всячески успокоить рабочихъ и придумываютъ даже для этой цѣли «безпартійныя конференціи», — невѣроятно, говорилъ я, чтобы теперь большевики вздумали безъ тѣни необходимости, просто ради грязной мести, начать новые разстрѣлы: вѣдь, это было бы ничѣмъ не оправдываемымъ звѣрствомъ, а положеніе большевиковъ и безъ того не такъ блестяще, чтобы они безъ нужды стали возстанавливать противъ себя народъ безцѣльною жестокою расправою. Савченко слушалъ меня, — вѣря и не вѣря. Надежда то вспыхивала въ немъ, то снова угасала. Мучился онъ ужасно, сидя одинъ въ своей камерѣ, безъ книгъ, съ вѣчной мыслью о смерти. Увы! Я оказался плохимъ пророкомъ. Въ одну проклятую ночь пріѣхали два грузовика, забрали 40 съ чѣмъ то человѣкъ кронштадтцевъ, находившихся въ Д. П. З., въ томъ числѣ и Перепелкина, и Савченко, и веселаго молодого рабочаго, и повезли ихъ на Полигонъ на разстрѣлъ. Мы узнали объ этомъ только на слѣдующее утро, и долго-долго стояли передо мною измученные глаза Савченко, и мысль не могла примириться съ этимъ безсмысленнымъ, ненужнымъ убійствомъ. По словамъ надзирателей обреченные выходили на дворъ къ роковымъ грузовикамъ съ пѣніемъ «Вы жертвою пали», а пьяные конвойные-чекисты ругались площадными словами...

Скажу здѣсь же о нѣкоторыхъ другихъ заключенныхъ, такъ или иначе прикосновенныхъ

къ кронштадтскому дѣлу, которыхъ я видѣлъ въ Д. П. З. Здѣсь была, прежде всего, вся семья генерала Козловскаго: жена съ 11-лѣтнею дочкою и два сына-моряка. Въ Кронштадтѣ никто изъ нихъ не былъ. Вся «вина» ихъ заключалась въ неудачномъ «выборѣ» мужа и отца. И тѣмъ не менѣе всѣ они — кромѣ дѣвочки — послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ Д. П. З. получили по нѣскольку лѣтъ концентраціоннаго лагеря! А сама Козловская вмѣстѣ съ дѣвочкою еще до перевода въ Д. П. З., провела 1½ мѣсяца въ одной изъ темныхъ клѣтушекъ при Петроградской Ч. К., о которыхъ я еще буду имѣть случай говорить ниже.

Запомнился мнѣ также одинъ юноша, лѣтъ 20, курсантъ Ораніенбаумской школы летчиковъ, членъ коммунистической партіи. Онъ показалъ мнѣ полученный изъ Ч. К. письменный «приговоръ», гласившій буквально такъ: «С л у ш а л и дѣло о такомъ то, членѣ Р. К. П., партійный билетъ № такой то, по обвиненію его въ воздержаніи при голосованіи резолюціи (sic!). П о с т а н о в и л и : заключить на годъ въ концентраціонный лагерь». Молодой человѣкъ объяснилъ мнѣ смыслъ этой изумительной бумаги. Рѣчь шла о резолюціи съ требованіемъ безпощадной расправы съ кронштадтцами, которую предложилъ общему собранію курсантовъ комиссаръ школы: мой собесѣдникъ не счелъ возможнымъ поднять за нее руку и сейчасъ же былъ арестованъ. Изъ другихъ разсказовъ я узналъ, что кронштадт-

скія событія вообще оказали сильное вліяніе на настроеніе петербургскихъ коммунистовъ, особенно — молодежи, и многихъ заставили покинуть ряды большевистской партіи.

Въ маѣ-іюнѣ начала появляться въ Д. П. З. новая категорія кронштадтцевъ — добровольно вернувшіеся изъ Финляндіи, гдѣ имъ приходилось жить въ концентраціонныхъ лагеряхъ въ самой тяжелой обстановкѣ. Газеты пѣли имъ хвалу. Они сами подавали заявленія о своемъ полномъ раскаяніи, а нѣкоторые заднимъ числомъ забрасывали грязью своихъ бывшихъ товарищей. Несмотря на все это, ихъ — по крайней мѣрѣ, главную массу—на свободу не выпустили, а тоже разсовали по разнымъ концентраціоннымъ лагерямъ. Тѣ изъ нихъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить, тоскливо вздыхали о своей горькой участи и обманутыхъ надеждахъ.

Въ общемъ коррмдорѣ, гдѣ трудно было двигаться отъ множества людей, было шумно и даже весело. Какъ мнѣ неоднократно приходилось наблюдать и впослѣдствіи, къ тюрьмѣ и у заключенныхъ, и у администраціи установилось какое то своеобразно-беззаботное отношеніе, какъ къ неизбѣжному и почти нормальному этапу обыденной жизни, черезъ который всякій долженъ пройти. «Отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся» — эта старинная русская поговорка никогда еще не соотвѣтствовала такъ точно общему настроенію, какъ въ Совѣтской Россіи. Тюрьма перестала пугать своею таинственностью. Въ ней

побывали за послѣдніе годы рѣшительно всѣ, — если не въ качествѣ заключенныхъ, то въ качествѣ «родственниковъ», приходящихъ на свиданія и приносящихъ передачи.

Утромъ старшая надзирательница смѣняла постовыхъ. «Смотрите, какую кралю я вамъ ставлю», шутила она, обращаясь къ столпившимся у рѣшетчатой двери заключеннымъ: «нарочно самую красивую выбрала». Матросы тотчасъ же принялись любезничать съ «кралей» — здоровой, красивой дѣвушкой, называя ее ласковымъ прозвищемъ «сестричка» и получая въ отвѣтъ — «братишки». И весело, задушевно смѣялись и надзирательница съ тяжелой связкой ключей у пояса, и арестанты, надъ головой которыхъ уже замахнулась коса смерти...

Часа въ 2 намъ уже принесли передачи. Оказалось, что, придя въ крѣпость, родные узнали, что насъ тамъ нѣтъ, но куда увезли насъ, имъ не сказали. Съ тяжелыми свертками въ рукахъ обѣгали они нѣсколько тюремъ, пока не разыскали насъ. Но только что мы принялись за пріятное дополненіе къ скудному казенному обѣду, какъ за нами снова пришли, чтобы переводить насъ въ мужской одиночный корпусъ. Здѣсь мы были размѣщены по двое въ камерѣ, но гуляли всѣ вмѣстѣ на небольшомъ и душномъ тюремномъ дворѣ, въ кругу, огороженномъ рѣшеткой. За рѣшеткой, по четыремъ сторонамъ двора, гуляли заключенные изъ «строгихъ» одиночекъ, и такимъ образомъ мы могли разговари-

вать съ ними: крайнее переполненіе тюрьмы не давало возможности установить строгую изоляцію, даже если бы низшій тюремный персоналъ и захотѣлъ самымъ точнымъ образомъ выполнять развѣшанныя по стѣнамъ «инструкціи».

Черезъ нѣсколько дней насъ посѣтилъ новый начальникъ Петроградской Ч. К. — нѣкій Семеновъ, такъ же, какъ и Комаровъ, изъ рабочихъ, производившій впечатлѣніе человѣка скромнаго и мало интеллигентнаго. Я спросилъ его, между прочимъ, что означаетъ эта смѣна руководящаго персонала Ч. К.—ужъ не измѣненіе ли курса ея? Онъ отвѣтилъ на это простодушно: «я и самъ не знаю. Вотъ увидимъ!» Онъ разсказалъ мнѣ о происходившихъ въ это время по фабрикамъ и заводамъ «выборахъ» на безпартійную конференцію и съ торжествомъ заявилъ, что меньшевиковъ больше 10—15 на конференціи не будетъ. На это я замѣтилъ ему, что, если бы были дѣйствительно свободные выборы, то наша партія провела бы не менѣе половины делегатовъ. Онъ сталъ горячо спорить, но когда я насмѣшливо сказалъ ему: «а почему бы вамъ не попробовать?» — улыбнулся и перешелъ къ другой темѣ. Тема эта была — условія нашего дальнѣйшаго содержанія въ тюрьмѣ. Семеновъ заявилъ, что хорошо понимаетъ недопустимость содержанія насъ въ обычныхъ условіяхъ заключенія, такъ какъ мы ни въ чемъ не обвиняемся, а просто, «въ виду тяжелаго времени, переживаемаго совѣтскою властью», насъ признано необходимымъ

«изолировать» отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ и, особенно, рабочими. Поэтому будетъ сдѣлано все возможное, чтобы наше положеніе облегчить.

И. дѣйствительно, на слѣдующій день мы были переведены въ новое помѣщеніе. Деревянной перегородкой были отдѣлены галлереи 5-го и 6-го этажей одного изъ крыльевъ Д. П. З. и предоставлены въ наше полное распоряженіе. Сюда были переведены, въ первую очередь, всѣ бывшіе обитатели крѣпости (мужчины), а затѣмъ это отдѣленіе — «соціалистическій корридоръ» — пополнялось по нашему указанію заключенными соціалистами и анархистами. Камеры наши (въ большинствѣ размѣстилось по одному человѣку, лишь немногимъ — съ увеличеніемъ числа заключенныхъ — пришлось жить вдвоемъ) были открыты съ утра до 11—12 часовъ ночи, и электричествомъ мы могли пользоваться всю ночь. Вмѣсто обычныхъ четверти часа намъ было дано на прогулку часъ. Въ одной изъ камеръ верхняго этажа была поставлена желѣзная печка, на которой мы могли разогрѣвать приносимые изъ дому припасы, варить картофель и кашу, кипятить воду. Это было очень важное пріобрѣтеніе, ибо пища въ это время въ Д.П.З. была не только крайне скудна, но и отвратительна. Мы получали въ день полфунта хлѣба, чайную ложечку сахарнаго песку и два раза въ день супъ. Супъ этотъ вначалѣ варился изъ зайцевъ, Богъ вѣсть откуда попавшихъ въ запасы петроградскихъ продоволь-

ственныхъ органовъ. Рѣдко приходилось мнѣ ѣсть что-либо болѣе отвратительное, и уже черезъ нѣсколько дней у меня явилась такая изжога и тошнота, что недѣли на двѣ я окончательно потерялъ всякій аппетитъ, а затѣмъ уже къ казенному обѣду и ужину не прикасался. Когда зайцы всѣ были съѣдены, стали варить супъ изъ селедки. Приправой служила сначала мерзлая кормовая свекла, а потомъ, когда открылась дѣятельность петроградскаго порта, американская фасоль, оказавшаяся почему то горькою, но во всякомъ случаѣ болѣе питательная, чѣмъ пресловутая свекла. Но все это давалось въ такихъ незначительныхъ дозахъ, что заключенные, не имѣвшіе передачъ изъ дому, ужасно голодали. Особенно страдали кронштадтскіе матросы, вернувшіеся изъ Финляндіи. Но хуже всего было то, что для экономіи топлива кипятильные кубы оставались въ бездѣйствіи. Воду для чая кипятили въ тѣхъ же котлахъ, гдѣ только что варился заячій или селедочный супъ! Она имѣла отвратительный вкусъ и запахъ, и лишь съ трудомъ можно было выпить стаканъ настоеннаго на этой водѣ «кофейнаго напитка» изъ пережженныхъ подсолнуховъ, который давался заключеннымъ вмѣсто чаю.

По вечерамъ у насъ въ корридорѣ читались лекціи, а иногда по отдѣльнымъ камерамъ собирались «клубы» — соціалдемократическій, с.-р.-овскій и анархическій. На лекціи и засѣданія клубовъ приходили женщины-соціалистки изъ

11*

женскаго корпуса. Разъ въ недѣлю мы ходили въ театръ, устроенный въ противоположномъ крылѣ дома. Здѣсь представленія давали заключенные артисты, которыхъ всегда было нѣсколько человѣкъ, или же приглашенные со стороны. Декламація, пѣніе, балалаечный оркестръ были обычными номерами. Очень часто демонстрировалось балетное искусство, для чего приглашались второстепенныя артистки государственныхъ театровъ. Иногда ставились цѣлыя пьески, большею частью Мольера и Скриба, въ передѣлке и съ сокращеніями. Разъ какъ то поставили революціонную пьесу. Но только она относилась къ эпохѣ февральской революціи 1917 года и потому въ обстановкѣ большевистскаго режима звучала странно. Сюжетъ ея былъ таковъ: на фронтѣ три солдата приговариваются къ смертной казни за пропаганду среди своихъ товарищей и непочтительность къ начальству. Приговоренные произносятъ рѣчи противъ смертной казни и съ восхваленіемъ свободы. Ихъ уже выводятъ на разстрѣлъ, но въ это время вбѣгаетъ офицеръ, тоже преданный дѣлу свободы, и сообщаетъ, что въ Петербургѣ революція, царь низложенъ и т. д. Разумѣется, приговоренныхъ тотчасъ же освобождаютъ, и товарищи устраиваютъ имъ тріумфъ. Но тріумфъ устраиваетъ и тюремная публика филиппикамъ противъ смертной казни, рѣчамъ о свободѣ, революціонному офицеру («золотопогоннику»). Коммунистическому тюремному

«культпросвѣту» пришлось убѣдиться, что онъ не совсѣмъ то удачно съ своей точки зрѣнія подобралъ пьесу для пропаганды. Не болѣе удачна была и попытка пропаганды при помощи кинематографа. Была дана какая то старая нѣмецкая «соціальная» драма. Содержаніе ея слѣдующее: рабочіе громаднаго завода объявляютъ забастовку, несмотря на отсовѣтыванія своего молодого вождя; забастовка кончается неудачей, и обозленные рабочіе пытаются взорвать заводъ и расправиться съ хозяиномъ. Но добродѣтельный вождь предохраняетъ заводъ отъ взрыва, а хозяина спасаетъ отъ расправы. Въ результатѣ кое кто изъ забастовщиковъ оказывается въ тюрьмѣ, а добродѣтель получаетъ награду въ видѣ директорскаго мѣста и руки хозяйской дочери.

Передачи изъ дому намъ разрѣшалось дѣлать два раза въ недѣлю, а свиданія давались разъ въ недѣлю — въ любой день, причемъ во время свиданія также можно было дѣлать передачи. Сношенія съ волей мы, разумѣется, сумѣли наладить еще значительно лучше, чѣмъ изъ крѣпости, такъ что регулярно получали не только письма, сообщенія о дѣятельности нашей организаціи и пр., но и «Соціалистическій Вѣстникъ», начавшій въ это время выходить въ Берлинѣ. Одинъ разъ администрація нагрянула къ намъ съ ночнымъ обыскомъ, но о немъ мы были заранѣе предупреждены, и обыскъ оказался безрезультатнымъ. Другой разъ Ч.К. подсади-

ла къ намъ своего агента подъ видомъ арестованнаго меньшевика. Но онъ велъ себя такъ неловко, что мы тотчасъ же накрыли его, и на слѣдующій же день онъ былъ «освобожденъ».

Составъ публики въ нашемъ «соціалистическомъ корридорѣ» все расширялся. Явились новые члены нашей организаціи, арестованные въ мартѣ и апрѣлѣ. Отъ нихъ узналъ кое что интересное въ связи съ рабочими волненіями и кронштадтскимъ возстаніемъ. Послѣ моего ареста наша организація получила приглашеніе послать своихъ представителей въ «Собраніе уполномоченныхъ петроградскихъ фабрикъ и заводовъ». Рѣшили командировать одного товарища для ознакомленія. Оказалось, что «собраніе» это — чистѣйшій блэффъ. Никакихъ уполномоченныхъ не было, а были отдѣльныя лица, именовавшія себя плехановцами, лѣвыми с.-р.-ами, анархистами и т. д., рѣшительно никѣмъ не выбранныя. А между тѣмъ за подписью этого «собранія» былъ выпущенъ листокъ, въ противоположность нашей организаціи призывавшій рабочихъ къ возстанію во имя Учредительнаго Собранія. Разумѣется, наши товарищи отказались имѣть какія бы то ни были сношенія съ этой группой легкомысленныхъ авантюристовъ. Другой случай, разсказанный мнѣ, показывалъ, какъ разнаго рода темные элементы пытались использовать создавшуюся сумятицу. Къ одному изъ нашихъ товарищей явился въ началѣ марта молодой человѣкъ, хо-

рошо одѣтый, съ дорогими перстнями на пальцахъ. Онъ заявилъ, что сочувствуетъ меньшевикамъ и, зная нужду нашей организаціи въ средствахъ, хочетъ помогать ей деньгами. На первый разъ онъ предложилъ 300 000 рублей — сумма по тому времени очень большая. Это щедрое предложеніе въ той обстановкѣ, въ которой оно было сдѣлано, возбудило понятныя подозрѣнія. Молодому человѣку было сказано, что въ данное время организація въ средствахъ не нуждается, и онъ исчезъ, чтобы больше не появляться, оставивъ впрочемъ указанія, какъ его разыскать въ случаѣ надобности. Выяснить по этимъ указаніямъ съ точностью, откуда шли эти предложенія, оказалось невозможнымъ въ виду послѣдовавшаго вскорѣ ареста однихъ товарищей и вынужденнаго отъѣзда изъ Петрограда другихъ. Но по имѣвшимся даннымъ, у всѣхъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу товарищей. получилось опредѣленное впечатлѣніе, что эта наивная попытка использовать нашу организацію для своихъ цѣлей исходила отъ бѣлогвардейскихъ круговъ, которые къ этому времени сильно зашевелились.

Кромѣ членовъ нашей организаціи къ нашей тюремной группѣ примыкали и нѣкоторые безпартійные рабочіе. Бесѣды въ клубѣ и чтеніе «С. Вѣстника» очень сблизили ихъ съ нами. Группа соціалистовъ-революціонеровъ также пополнилась новыми членами, главнымъ образомъ, изъ числа сидѣвшихъ уже второй годъ въ

«Петрожидѣ» и теперь переведенныхъ къ намъ. Многіе, числившіеся с.-р.-ами во время пребыванія нашего въ крѣпости, какъ я уже упоминалъ, успѣли напечатать покаянныя письма, и ихъ освобождали. Изъ среды нашей группы подобное письмо неожиданно написалъ Скворцовъ, молодой рабочій Экспедиціи Заготовл. Госуд. Бумагъ, выступавшій у насъ въ клубѣ все время, какъ крайній правый, и обличавшій партію въ «соглашательствѣ» съ большевиками. Хитрый малый написалъ въ Ч. К. двусмысленное письмо съ заявленіемъ, что онъ никогда не раздѣлялъ и не раздѣляетъ партійной позиціи, предоставивъ самой Ч. К. догадываться, въ какомъ смыслѣ онъ «не раздѣляетъ». Немедленно исключенный изъ клуба, онъ имѣлъ нахальство требовать отмѣны этого рѣшенія, угрожая, что иначе онъ по выходѣ на волю будетъ «обличать» меньшевиковъ. Къ сожалѣнію, его примѣръ соблазнилъ его товарища по Экспедиціи, человѣка, обремененнаго семьею, которую скудная помощь со стороны рабочихъ не могла спасти отъ голода.

Группа с.-р.-овъ меньшинства (такъ наз. «Народъ») также имѣла въ нашемъ корридорѣ двухъ своихъ представителей. Лѣвые с.-р.-ы имѣлись въ количествѣ 4—5 человѣкъ. Наконецъ, много было анархистовъ всевозможныхъ толковъ.

Среди послѣднихъ особую интересную группу представляли «американцы», т. е. русскіе

рабочіе, жившіе въ Америкѣ и соблазнившіеся слухами о россійскомъ коммунистическомъ Эльдорадо. Дѣйствительность готовила имъ по пріѣздѣ самое горькое разочарованіе, и они массами попадали въ совѣтскія тюрьмы. Пережитый опытъ сильно отразился на ихъ настроеніи, заставивъ ихъ нѣсколько измѣнить свой взглядъ на политическую свободу и проникнуться жгучею ненавистью къ большевикамъ. Съ однимъ изъ такихъ сотоварищей по заключенію, рабочимъ Р., мнѣ пришлось встрѣтиться въ Ригѣ: онъ былъ выпущенъ на свободу, но затѣмъ ему грозилъ новый арестъ, и онъ предпочелъ скрыться. Съ невѣроятными трудностями добрался онъ до Риги и, узнавъ здѣсь изъ газетъ о моемъ пріѣздѣ, разыскалъ меня, прося помочь ему добраться до Америки. Онъ говорилъ мнѣ, что теперь всѣ силы свои посвятитъ на то, чтобы раскрыть американскимъ рабочимъ глаза на дѣйствительный характеръ большевистскаго режима. Въ какую обстановку подозрительной слѣжки были поставлены вернувшіеся въ Россіи «американцы», показываетъ слѣдующій маленькій, но характерный фактъ: среди заключенныхъ въ нашемъ корридорѣ былъ одинъ, арестованный чекистами на улицѣ за слишкомъ откровенный разговоръ съ двумя «американцами», обратившимися къ нему за какими то указаніями.

Черезъ тюрьму все время проходили громадными массами заключенные — рабочіе, мелкіе

служащіе, матросы и красноармейцы. По сравненію съ тѣмъ, что я наблюдалъ въ Бутырской тюрьмѣ 2 года тому назадъ, составъ заключенныхъ рѣзко измѣнился. Выглянешь во дворъ, гдѣ идетъ прогулка, и уже почти не видишь хорошо одѣтыхъ фигуръ «спекулянтовъ», высшихъ служащихъ, бѣлогвардейскихъ офицеровъ. Они попадаются, но тонутъ въ сплошной сѣрой массѣ «простого» народа. А въ непрерывно набѣгающихъ на тюрьму новыхъ и новыхъ волнахъ заключенныхъ, какъ въ кинематографѣ, отражается вся жизнь города. Вотъ открылся петроградскій портъ, и начинаютъ приходить суда съ иностранными грузами. Очень скоро по составу тюремныхъ обитателей можно съ математической точностью установить интенсивность жизни порта и характеръ привозимыхъ грузовъ. Встрѣтишь на прогулке новую группу заключенныхъ и въ отвѣтъ на вопросъ: по какому дѣлу? — получаешь: за муку, за фасоль, за селедки и т. д. и т. д. Ненормальныя условія жизни насильственно толкаютъ людей на хищенія. Привезенный грузъ по дорогѣ къ правительственной инстанціи, являющейся его собственницею, десятками каналовъ утекаетъ на вольный рынокъ: сотнямъ людей, прикосновенныхъ къ разгрузкѣ, перевозкѣ, храненію и распредѣленію, это проходитъ благополучно, а десятки попадаютъ въ тюрьму.

Это — «уголовное» отдѣленіе тюрьмы. Но въ «политическомъ» жизнь города отражается

еще ярче и нагляднѣе. Въ рабочихъ кварталахъ Петербурга все лѣто было безпокойно. Фабрики, стоявшія за отсутствіемъ топлива и сырья, то открывались, то вновь закрывались. Каждое открытіе ихъ сопровождалось предъявленіемъ изголодавшимися рабочими опредѣленныхъ требованій, а неудовлетвореніе этихъ требованій влекло за собою волненія, забастовки и даже кое гдѣ (за Московской заставой) попытки массовыхъ уличныхъ демонстрацій. Начало апрѣля, мая, іюня ознаменовалось такими безпорядками. И каждый разъ, наряду съ немногими интеллигентами и партійными рабочими, сотни сѣрыхъ, безпартійныхъ рабочихъ проходили черезъ тюрьму. Тутъ были трамвайщики, скороходовцы, обуховцы, путиловцы, рѣчкинцы — весь рабочій Петербургъ. И каждый разъ Ч. К. начинала все ту же отвратительную работу запугиванія массовиковъ, отдѣленія «зачинщиковъ», натравливанія на «интеллигентовъ». Въ концѣ концовъ, большинство арестованныхъ послѣ мѣсяца-полутора заключенія выпускалось, но отъ каждаго улова отдѣльныя группы прочно осѣдали въ тюрьмѣ или попадали въ концентраціонные лагеря.

Для борьбы съ недовольствомъ рабочихъ большевики задумали инсценировать сближеніе съ безпартійными. Было объявлено, что большевистская власть хочетъ опираться на безпартійную массу и привлечь представителей ея на руководящія совѣтскія должности. Въ

этомъ смыслѣ была начата на фабрикахъ и заводахъ агитаціонная кампанія для подготовки выборовъ на безпартійную рабочую конференцію въ Петроградѣ. Былъ выработанъ наказъ, касавшійся матеріальныхъ нуждъ рабочихъ, и наказъ этотъ усиленно проводился большевиками при выборахъ делегатовъ. Какъ ни ослаблена была наша организація непрерывными налетами Ч. К., она все же рѣшила принять дѣятельное участіе въ этой кампаніи, разъясняя рабочимъ массамъ, что всякія попытки сколько нибудь прочно улучшить положеніе рабочихъ безъ кореннаго измѣненія общей политики осуждены на безплодіе. Поэтому наша организація настаивала, чтобы делегатамъ давался и политическій наказъ въ смыслѣ требованія демократической свободы и, какъ перваго шага къ тому, свободы выборовъ въ совѣты и на созываемую конференцію. Агитація наша, которую вели своими силами буквально 2—3 рабочихъ, такъ какъ человѣку со стороны невозможно было показаться на собраніи безъ того, чтобы не быть тутъ же арестованнымъ, имѣла довольно большой успѣхъ. Тогда большевистскія газеты заговорили, что совѣтская власть имѣетъ, собственно говоря, въ виду сближаться только съ «честными» безпартійными. «Честными» же были объявлены лишь тѣ, которые готовы удовольствоваться обѣщанными въ большевистскомъ наказѣ подачками и десяткомъ-другимъ мѣстъ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ и согласны не заи-

каться о политикѣ. Всѣ остальные были перечислены въ разрядъ «нечестныхъ», «меньшевистскихъ подголосковъ» и т. д., и имъ была объявлена «безпощадная борьба». Послѣ этого весь совѣтскій полицейскій аппаратъ былъ пущенъ въ ходъ, чтобы обезпечить прохожденіе на конференцію, наряду съ коммунистами, исключительно «честнымъ» безпартійнымъ, которыхъ соблазняли перспективою превращенія въ крупныхъ бюрократовъ. Изъ меньшевиковъ прошли на конференцію только 3 рабочихъ, ведшихъ всю кампанію.

Понятно, что при такихъ условіяхъ никакого дѣйствительнаго «сближенія съ безпартійными» произойти не могло, и никакой роли въ успокоеніи взбудораженной рабочей массы конференція не сыграла. Десятокъ «честныхъ» безпартійныхъ получилъ болѣе или менѣе «приличныя» мѣста и безслѣдно затерялся въ толпѣ совѣтскихъ бюрократовъ, а нѣсколько десятковъ делегатовъ очутились немедленно за тюремною рѣшеткою. Рабочія же волненія продолжались своимъ чередомъ, непрерывно увеличивая тюремное населеніе и заставляя откладывать съ мѣсяца на мѣсяцъ возвѣщенные было перевыборы въ Петроградскій Совѣтъ. Затѣя съ «безпартійными» конференціями была оставлена разъ навсегда.

Этому способствовалъ и ходъ самой конференціи, отнюдь не удовлетворившій большевиковъ, несмотря на тщательную фильтровку де-

легатовъ. Безпартійная масса, не объединенная никакой твердой программой, лишенная возможности организованнаго общенія съ парой нашихъ делегатовъ, конечно, не могла взять конференцію въ свои руки и провести на ней свою волю. Большевикамъ удалось безъ труда посадить свой президіумъ и навязать конференціи свой порядокъ дня. Но настроеніе массы было таково, что наша крохотная фракція встрѣчала въ ней широкій откликъ и дѣятельную поддержку. Благодаря этому ораторы-меньшевики, рабочіе Зимницкій и Бакленковъ получили возможность выступать, и рѣчи ихъ встрѣчались шумными апплодисментами. Болѣе того. Они добились того, что конференція потребовала оглашенія нашей партійной декларацiи: ее огласилъ въ своей рѣчи Зиновьевъ, — конечно, пересыпая чтеніе деклараціи полемическими выпадами по адресу меньшевиковъ. Опасность показалась большевикамъ такъ велика, что сейчасъ же — по хорошо извѣстному образцу — на конференціи появилось множество новыхъ, невѣдомо кѣмъ избранныхъ «делегатовъ» — изъ коммунистическихъ «ячеекъ» и правленій профессіональныхъ союзовъ.

Настроеніе конференціи ярко выявилось въ связи съ моимъ именемъ. Одинъ изъ большевистскихъ вожаковъ, отвѣчая Бакленкову, упрекалъ его въ томъ, что онъ разсуждаетъ не по марксистски. Тогда Бакленковъ съимпровизировалъ такое предложеніе: «Очень можетъ быть, что я,

рабочій, учившійся на мѣдные гроши, плохо знаю Маркса. Но почему же вы, большевики, привели сюда всѣхъ своихъ вождей, которые и спорятъ по ученому съ нами, рабочими? Хотите, чтобы и меньшевики могли по марксистски обосновать свои взгляды, вамъ легко это сдѣлать: пусть Зиновьевъ сядетъ въ свой автомобиль, съѣздитъ въ Д. П. З. и привезетъ оттуда Дана. Тогда мы поспоримъ». Это неожиданное предложеніе было подхвачено массою, которая долго не успокаивалась и требовала вызова меня изъ тюрьмы. Пришлось объявить перерывъ. Растерявшійся президіумъ собрался для рѣшенія вопроса, вызывать ли меня или нѣтъ. Какъ разсказывалъ впослѣдствіи одинъ безпартійный рабочій, входившій въ составъ президіума, поколебались даже нѣкоторые большевики, и нужна была вся энергія и безцеремонность Зиновьева, чтобы добиться покорности. Перерывъ длился нѣсколько часовъ, во время которыхъ делегатовъ кормили обѣдомъ и подвергали большевистской «обработкѣ». Когда же засѣданіе къ вечеру возобновилось, предсѣдатель, не обращая вниманія на крики делегатовъ, требовавшихъ доклада о рѣшеніи президіума на мой счетъ, сразу далъ «заключительное слово» Зиновьеву, а затѣмъ была прокачена и резолюція, первоначальный проектъ которой, однако, въ виду настроенія собранія, пришлось значительно почистить отъ полемическихъ нападокъ на меньшевиковъ.

Въ своемъ «заключительномъ словѣ» Зи-

новьевъ расписывался въ своемъ «глубокомъ уваженіи» къ такимъ старымъ рабочимъ-соціалдемократамъ, какъ Зимницкій, которые-де только по недоразумѣнію остаются съ меньшевиками. А черезъ нѣсколько дней я уже разговаривалъ съ этимъ «глубоко-уважаемымъ» Зимницкимъ на тюремномъ дворѣ Д. П. З., откуда онъ вышелъ лишь сейчасъ — болѣе года спустя послѣ конференціи! По словамъ З. бесѣдовавшіе съ нимъ представители безпартійныхъ въ президіумѣ горько жаловались ему на то, что не сумѣли настоять на своемъ и дали большевикамъ одурачить себя. Но выводъ, который сдѣлали отсюда они, а вмѣстѣ съ ними и вся безпартійная, рядовая масса, былъ неутѣшителенъ; передъ массой какъ будто захлопнулась еще одна дверь, черезъ которую она искала выхода изъ тупика, и она уходила съ конференціи съ горькимъ чувствомъ обиды, съ усилившейся апатіей, съ укрѣпившимся чувствомъ безнадежности; все равно, ничего не подѣлаешь! Остается махнуть на все рукой и пассивно ждать дальнѣйшаго хода событій. Необычайно осязательно чувствовалось въ этомъ эпизодѣ съ конференціей, какъ преступно растрачиваютъ большевики своими нечестными пріемами революціонный капиталъ, накопленный въ рабочихъ массахъ десятилѣтіями борьбы!

Итакъ, съ тюремной точки зрѣнія мы находились въ условіяхъ, вполнѣ сносныхъ. Но лишь тотъ, кому не приходилось мѣсяцы проводить

въ заключенiи, можетъ думать, что благодаря этому тюрьма переносится легче. Какъ парадоксально это ни звучитъ, но, по своему опыту и наблюденiямъ, я бы сказалъ, что, чѣмъ благополучнѣе внѣшнiя условiя сидѣнiя, тѣмъ острѣе чувствуется тотъ чисто психичесiй гнетъ, который связанъ съ тюрьмою. Человѣкъ—особенно, «политическiй» человѣкъ—неудержимо стремится къ дѣйствiю. И чѣмъ меньше силъ и вниманiя уходитъ у него на преодолѣнiе мелкихъ внѣшнихъ неудобствъ, тѣмъ болѣе сосредоточиваются мысли и чувство на томъ, что въ тюрьмѣ наиболѣе невыносимо, — на лишенiи свободы, на состоянiи подъ непрерывнымъ надзоромъ и наблюденiемъ, на правѣ какой то посторонней, враждебной силы регулировать мой образъ жизни, мои сношенiя съ окружающимъ мiромъ, мою жажду дѣятельности. Эту психологiю заключеннаго не мѣшаетъ помнить, чтобы оцѣнить дѣйствительную мѣру «гуманности», выражающейся въ улучшенiи внѣшнихъ условiй заключенiя, и понять, почему и въ самой «идеальной» тюрьмѣ не прекращается и не можетъ прекратиться борьба заключенныхъ за все большее и большее расширенiе своихъ правъ.

Эти, свойственные всякому тюремному заключенiю гнетущiе психологическiе моменты во сто кратъ усиливаются специфическими особенностями большевистской тюрьмы.

Входя въ совѣтскую тюрьму, никто даже приблизительно не знаетъ, долго ли онъ въ ней

пробудетъ, и чѣмъ окончится его заключеніе. Твердаго кодекса, устанавливающаго опредѣленное соотношеніе между преступленіемъ и наказаніемъ, не существуетъ. Не существуетъ и твердаго порядка судопроизводства, какихъ либо незыблемыхъ гарантій для обвиняемаго. Его дѣло можетъ быть разрѣшено Ч. К., но оно можетъ быть передано и въ революціонный трибуналъ, который, въ свою очередь, никакими нормами не связанъ въ назначеніи мѣры наказанія. Сидя въ тюремной камерѣ, человѣкъ, — все равно, виновенъ ли онъ въ приписываемомъ ему преступленіи или нѣтъ, — имѣетъ одинаковые шансы неожиданно быть выпущеннымъ на свободу, или столь же неожиданно быть потащеннымъ на разстрѣлъ по постановленію президіума Ч. К., состоявшемуся за его спиной, безъ его вѣдома, иногда даже безъ формальнаго допроса! Да и самое обвиненіе формулируется въ такихъ неопредѣленныхъ, эластичныхъ выраженіяхъ, которыя избавляютъ обвинителей отъ обязанности приводить конкретныя доказательства совершенія конкретныхъ дѣяній, вмѣняемыхъ заключенному въ вину. Не говорю уже о томъ, что всякій можетъ внезапно попасть въ «заложники». Согласно доктринѣ большевистской юстиціи дѣло, вѣдь, не въ судѣ, а въ *расправѣ* съ элементами, почему либо въ *данный моментъ* признаваемыми вредными для коммунистической диктатуры. Буквально такъ формулировалъ «государственный обвинитель» Крыленко

задачи трибунала, передъ которымъ я стоялъ 4 года тому назадъ по обвиненію въ «оклеветаніи» совѣтской власти въ выходившей тогда нашей газетѣ, гдѣ я писалъ, что большевики «разстрѣливаютъ рабочихъ по суду и безъ суда» (дѣло было трибуналомъ прекращено). Поэтому арестантъ большевистской тюрьмы какъ бы играетъ въ лоттерею, гдѣ ставкой является его жизнь. Можно себѣ представить, какую нервность вноситъ это въ тюрьму и какъ тяжело отражается на психикѣ заключенныхъ!

Для насъ, заключенныхъ соціалистовъ, эта неопредѣленность правового положенія осложнялось еще особыми моментами. Въ предыдущей главѣ читатель видѣлъ, какъ неожиданное возстаніе кронштадтскихъ матросовъ внезапно поставило подъ угрозу разстрѣла людей, зачастую повинныхъ лишь въ томъ, что нѣкогда они боролись съ царизмомъ подъ знаменемъ одной изъ соціалистическихъ партій, или даже въ томъ, что они какъ нибудь лично были связаны съ соціалистами и неудачно попали подъ руку Ч. К. при одной изъ организуемыхъ ею облавъ. Это было въ мартѣ. И тогда же Ленинъ, въ рѣчи, произнесенной на съѣздѣ Р. К. П., не постѣснялся — безъ тѣни доказательствъ! — публично назвать проф. Рожкова и меня, какъ якобы организаторовъ Кронштадскаго возстанія. А уже въ началѣ апрѣля предсѣдатель петроградской Ч. К. Семеновъ оффиціально объявилъ намъ всѣмъ, что мы вообще ни въ чемъ

12*

не обвиняемся, а просто подвергнуты «изоляціи». Добавлю, что черезъ пару мѣсяцевъ проф. Рожковъ былъ освобожденъ по предписанію того же Ленина, который только что готовъ былъ послать его на разстрѣлъ!

Но что значитъ «изоляція»? Отъ неожиданнаго предъявленія совершенно новыхъ или, наоборотъ, совершенно старыхъ обвиненій «изоляція» не гарантируетъ: это лучше всего доказывается процессомъ вождей партіи с.-р.-овъ, которые послѣ 2 и болѣе лѣтъ «изоляціи», по капризу политическихъ разсчетовъ большевистскаго правительства, были преданы суду революціоннаго трибунала, и жизнь которыхъ была такимъ образомъ совершенно неожиданно вновь поставлена на карту. «Изоляція» сводится, въ концѣ концовъ, лишь къ тому, что срокъ заключенія становится совершенно неопредѣленнымъ, выходъ на свободу — проблематичнымъ, подчиненіе всѣхъ интересовъ живой личности произволу Ч. К. — особенно бьющимъ въ глаза. Все это вызываетъ крайнее нервное напряженіе, у болѣе экспансивныхъ людей рождаетъ чувство тревожнаго ожиданія какого нибудь неожиданнаго оборота событій, который разрубитъ Гордіевъ узелъ, и прямо толкаетъ на рѣзкія и острыя формы борьбы, лишь бы какъ нибудь прорвать цѣпкія тенета произвола. Нужно много хладнокровія, чтобы сохранить спокойствіе въ такихъ условіяхъ, а, вѣдь, не надо забывать, что рѣчь идетъ часто о людяхъ, нервы которыхъ уже из-

дерганы долгими годами каторги, тюрьмы, ссылки и эмиграціи. Немудрено, что то и дѣло возникаютъ проекты голодовокъ, самоубійства или какихъ либо бурныхъ формъ протеста. И когда струны перенапрягаются, это внутреннее кипѣніе находитъ себѣ выходъ въ той или иной формѣ тюремной драмы: голодовки, самосожженія, отказы въ повиновеніи стали обычными явленіями въ «соціалистическихъ» камерахъ и коридорахъ большевистскихъ тюремъ. У насъ въ Д. П. З. тоже не разъ ставился на очередь вопросъ о голодовкѣ, но до поры до времени удавалось уговорить товарищей не спѣшить ставить на карту свою жизнь и здоровье. Нѣкоторые анархисты, впрочемъ, объявляли голодовку и иногда не безъ успѣха: кое кто изъ нихъ былъ выпущенъ на волю.

Атмосфера нервнаго напряженія усиливается въ большевистской тюрьмѣ еще однимъ обстоятельствомъ: крайнею неустойчивостью самого тюремнаго режима. Не говоря уже о существенныхъ различіяхъ режима въ различныхъ тюрьмахъ, и въ одной и той же тюрьмѣ режимъ непрерывно мѣняется — по произволу администраціи и Ч. К., соотвѣтственно общимъ политическимъ «вѣяніямъ», въ зависимости отъ интенсивности борьбы заключенныхъ и отклика, который эта борьба можетъ встрѣтить внѣ тюрьмы, и т. д. и т. д.

Нашъ «идеальный» режимъ въ Д. П. З. также длился недолго. Уже черезъ мѣсяцъ началось

постепенное отнятіе тѣхъ льготъ, которыми мы пользовались, и притомъ — безъ всякаго повода съ нашей стороны. Началось съ того, что неожиданно запретили приходить къ намъ на лекціи женщинамъ. Потомъ объявили, что камеры будутъ закрываться въ 7 часовъ вечера. Въ началѣ іюня насъ внезапно и безъ объясненія причинъ лишили свиданій на 2 недѣли, — какъ оказалось впослѣдствіи, въ связи съ происходившими въ это время въ Петроградѣ рабочими волненіями. Однажды ночью, когда всѣ мы спали, была унесена наша желѣзная печка. Это былъ серьезный ударъ въ виду отвратительности того кипятка, который получался изъ казенной кухни. Наши рабочіе сейчасъ же нашли выходъ, соорудивъ изъ валявшихся на дворѣ обрѣзковъ желѣза крохотныя печурки, которыя ставились на окно и топились щепочками. Но черезъ нѣкоторое время при ночномъ обыскѣ и эти печурки были отобраны. Послѣ длиннаго ряда разнообразнѣйшихъ придирокъ былъ положенъ конецъ нашей главной вольности: въ началѣ іюля наши камеры вообще перестали открывать по утрамъ, и мы очутились на общемъ положеніи, видясь другъ съ другомъ только на прогулкѣ, да приходя другъ къ другу «въ гости» попустительствомъ надзирателей втайнѣ отъ начальства.

Понятно, какъ нервировало товарищей это немотивированное ухудшеніе режима. Заявленія въ Ч. К. и личные переговоры съ пріѣзжавшимъ Семеновымъ и другими чекистами ни къ чему не

приводили: они отдѣлывались неопредѣленными обѣщаніями. Голодовка грозила вспыхнуть каждый день, и только сознаніе крайне неблагопріятной обстановки заставляло воздержаться отъ нея: событія разыгравшіяся въ концѣ апрѣля въ Бутырской тюрьмѣ, говорили объ этой обстановкѣ весьма краснорѣчиво. Здѣсь тоже режимъ былъ «идеальный», и спеціальное описаніе «соціалистическаго корридора» было во славу и честь большевистскаго правительства помѣщено въ русскихъ и заграничныхъ коммунистическихъ газетахъ. Это не помѣшало тому, что въ одну прекрасную ночь на «корридоръ» нагрянуло нѣсколько сотъ чекистовъ-красноармейцевъ, и заключенные, поднятые съ коекъ, были развезены по провинціальнымъ тюрьмамъ, гдѣ большинству изъ нихъ пришлось сидѣть въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. При этомъ сопротивлявшіеся были избиты. Петроградскіе чекисты также грозили развозомъ въ провинціальныя тюрьмы при малѣйшей попыткѣ протеста противъ ухудшенія режима, и, къ сожалѣнію, общая обстановка была въ данный моментъ такова, что, казалось, они смогутъ привести въ исполненіе свою угрозу...

Есть еще одна особенность въ большевистской тюрьмѣ, дѣлающая пребываніе въ ней невыносимо тяжелымъ. Это — то, что передъ глазами у васъ всегда есть нѣсколько человѣкъ обреченныхъ: вы живете, встрѣчаетесь въ корридорахъ и на прогулкѣ съ людьми, которые не сегодня —

завтра будутъ разстрѣляны; вы слышите и видите, какъ этихъ несчастныхъ уводятъ, читаете безумную тревогу, страхъ въ ихъ глазахъ, и при этомъ все время сознаете, что вы безвластны, безсильны предотвратить этотъ ужасъ, надвигающійся съ холодною размѣренностью и неумолимостью машины.

И, быть можетъ, самое ужасное — это именно та будничная обстановка, въ которой происходитъ это массовое убійство людей, получившее характеръ «бытового явленія». Всѣ попытки изобразить большевистскій терроръ въ его наиболѣе кричащихъ, безобразныхъ проявленіяхъ, в его эксцессахъ, возбуждающихъ омерзѣніе и отвращеніе, въ его уродствахъ только ослабляютъ то удручающее впечатлѣніе бездушнаго механизма, мимоходомъ давящаго сотни людей, какое онъ производитъ въ своемъ, если можно такъ выразиться, «нормальномъ» видѣ.

Вотъ нѣсколько мелкихъ штриховъ, врѣзавшихся мнѣ въ память еще со времени сидѣнія моего въ Бутыркахъ въ 1919 году.

По двору гуляетъ молодой человѣкъ, латышъ, съ наглой физіономіей, съ копной длинныхъ до плечъ русыхъ волосъ. Онъ со всѣми заговариваетъ, шутитъ, смѣется — и ему отвѣчаютъ, не смѣютъ не отвѣчать. Ежедневно онъ въ новомъ костюмѣ: сегодня въ матросской формѣ, завтра — въ судейскомъ вицмундирѣ, послѣзавтра — въ тужуркѣ инженера. Откуда у него такое обиліе костюмовъ? Онъ самъ охотно раз-

сказываетъ: это онъ снялъ съ тѣхъ, кого разстрѣливалъ. То былъ чекистъ, временно угодившій въ Бутырки, гдѣ играетъ роль шпіона и доносчика. Фамилія его — Лейта; такъ, по крайней мѣрѣ, онъ назывался въ тюрьмѣ. Выйдя на волю, я какъ то встрѣтилъ его на улицѣ — на Кузнецкомъ мосту — въ компаніи молодыхъ людей и дѣвицъ, хотя онъ продолжалъ «сидѣть въ тюрьмѣ». Пріѣзжавшіе въ тюрьму чекисты, не стѣсняясь, бесѣдовали съ нимъ на дворѣ, давали ему деньги и т. д. Оффиціально Лейта былъ самъ приговоренъ къ разстрѣлу за какія то злоупотребленія. Когда я его видѣлъ въ тюрьмѣ, со времени этого «приговора» прошелъ уже годъ!

Вотъ другая картинка. Въ 5 часовъ дня пріѣзжаетъ знаменитый «комиссаръ смерти» Ивановъ. При въѣздѣ хорошо знакомаго автомобиля на тюремный дворъ приговоренныхъ къ разстрѣлу начинаетъ бить мелкая дрожь. За кѣмъ пріѣхали? Чья очередь? Оказывается — за крупнымъ «спекулянтомъ» В. Но онъ бросается на койку. Онъ заявляетъ, что боленъ, не можетъ идти. Онъ хочетъ отсрочки хоть на день въ смутной надеждѣ, что, можетъ быть, какъ нибудь удастся выпутаться. Но красноармеецъ-чекистъ, которому некогда ждать, закатываетъ ему двѣ оплеухи, и обреченный встаетъ, одѣвается и идетъ за своими палачами.

Или вотъ еще. Рослый, здоровый, красивый молодой человѣкъ, смотритель шоссе, пригово-

ренный къ разстрѣлу и уже болѣе мѣсяца ежедневно гадающій, помилуетъ-ли его президіумъ В. Ц. И. К., или нѣтъ, высовывается изъ окна и кричитъ пріятелю, сидящему въ другой камерѣ: «Митя, пришли, берутъ! Отсылаю тебѣ сапоги, пойду босикомъ. Не хочу, чтобы этой с. . . .и мои сапоги доставались. Прощай!». И вотъ онъ исчезаетъ съ окна, и шаги его въ послѣдній разъ отдаются въ корридорѣ. Какъ все просто! Какъ обыденно! Безъ всякихъ драматическихъ эффектовъ, и такъ невыносимо тяжело! Душно!

Послѣднее впечатлѣніе, которое мнѣ довелось унести съ собою изъ Д. П. З., принадлежало къ числу именно такихъ незабываемыхъ переживаній.

Въ десятыхъ числахъ іюля какъ то утромъ рабочіе, принесшіе намъ хлѣбъ, разсказали, что ночью очищено камеръ 30 въ галлереяхъ перваго и второго этажа мужского корпуса, и туда посажено — по двое и по трое въ камерѣ — множество мужчинъ и женщинъ. Все крыло, гдѣ помѣщаются эти камеры, изолировано отъ прочаго корпуса, туда не пускаютъ даже тюремную администрацію, а охрану несутъ чекисты. Впослѣдствіи эти свѣдѣнія были дополнены тѣмъ, что всѣ, посаженные въ эти камеры, сидятъ безъ прогулокъ, безъ свиданій и безъ передачъ.

Идя на прогулку, мы, дѣйствительно, увидѣли вооруженныхъ чекистовъ, никого не пропускавшихъ въ одну изъ частей корридора. Со двора было видно, что во всѣхъ камерахъ, отведен-

ныхъ подъ новоприбывшихъ, вставлены двойныя рамы и, несмотря на ужасающую жару и духоту, захлопнуты на-глухо. Но въ двухъ окнахъ нижняго этажа рамъ не оказалось: ихъ не успѣли еще, видно, приготовить и вставить. И въ каждомъ изъ этихъ оконъ виднѣлись три молодыхъ женскихъ головки, прильнувшихъ къ решеткѣ. У одной такой группы я спросилъ: по какому дѣлу? «Да мы страшными преступницами сказались: въ заговорѣ обвиняемся», послышался отвѣтъ, сопровождавшійся веселымъ хохотомъ. Вошедшій въ камеру чекистъ грубымъ окрикомъ прервалъ разговоръ, заставивъ моихъ собесѣдницъ сойти съ окна. А потомъ на дворѣ противъ оконъ этихъ камеръ былъ поставленъ спеціальный часовой, слѣдившій, чтобы заключенные въ окна не выглядывали.

Для меня было очевидно, что готовится какая то новая грандіозная бойня. Въ воздухѣ запахло человѣческой кровью. Мое подозрѣніе превратилось въ увѣренность, когда я увидѣлъ въ запретномъ корридорѣ гладкую, самодовольную фигуру Агранова, слѣдователя В. Ч. К. по особо важнымъ дѣламъ. И уходя черезъ нѣсколько дней изъ Д. П. З., я уносилъ съ собою тяжелое предчувствіе драмы и образъ юныхъ лицъ, весело смѣющихся изъ за тюремной рѣшетки, когда смерть стоитъ уже у нихъ за плечами.

Въ Москвѣ я прочелъ эпилогъ этого «заговора», связаннаго съ именемъ Таганцева: 61 человѣкъ были разстрѣляны, и среди нихъ — поэтъ

Гумилевъ, профессоръ Тихвинскій, когда то оказывавшій столько услугъ большевикамъ и въ 1905 году хранившій у себя бомбы и оружіе ихъ боевой организаціи, старухи, молодыя женщины и дѣвушки. Среди нихъ были, вѣроятно, и мои невѣдомыя, юныя, беззаботно смѣявшіяся собесѣдницы...

Монотонность нашего заключенія прерывалась время отъ времени освобожденіемъ отдѣльныхъ товарищей. Опустѣвшія мѣста быстро наполнялись новыми арестованными. Время отъ времени чекисты распространяли слухи о томъ, что скоро мы, меньшевики, будемъ всѣ освобождены. Въ частности, о моемъ скоромъ освобожденіи чекисты неоднократно сообщали различнымъ заключеннымъ на допросахъ. Зачѣмъ это дѣлалось, не знаю, но только, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю я получалъ «самыя достовѣрныя» свѣдѣнія, что «завтра» я буду освобожденъ. Посѣтилъ насъ еще разъ Семеновъ и на этотъ разъ сказалъ откровенно, что мы, меньшевики, находимся въ вѣдѣніи.. Центральнаго Комитета Коммунистической Партіи, и потому сказать что либо о нашемъ «дѣлѣ» онъ не можетъ.

Тоже самое подтвердилъ мнѣ и Аграновъ, неожиданно вызвавшій меня и Рожкова въ началѣ іюня на «допросъ». Заданы были мнѣ вопросы о моемъ отношеніи къ Учредительному Собранію, новой экономической политикѣ, крестьянскому движенію и кронштадтскому возстанію.

Въ интересахъ борьбы съ намѣреннымъ извращеніемъ партійной позиціи въ этихъ вопросахъ, я написалъ довольно подробные отвѣты. «Показанія» мои были впослѣдствіи напечатаны въ одномъ изъ секретныхъ бюллетеней, издаваемыхъ В. Ч. К. для своихъ мѣстныхъ отдѣленій и высшихъ должностныхъ лицъ.

Послѣ «допроса» Аграновъ вступилъ со мною въ довольно продолжительную бесѣду, причемъ выражалъ сожалѣніе, что совѣтская власть не имѣетъ возможности содержать насъ, людей ни въ чемъ не обвиняемыхъ, а только «изолируемыхъ», .. въ «дворцахъ». Пока же, вмѣсто «дворцовъ», условія нашего заключенія все продолжали ухудшаться. . .

VIII.

П. Ч. К. и В. Ч. К.

Двадцатаго іюля, сейчасъ же послѣ обѣда, пришелъ ко мнѣ старшій надзиратель: «въ контору съ вещами!» — Куда? — «Не знаю». Я догадался, однако, что меня везутъ въ Москву. Объ этомъ давно была рѣчь: въ Москвѣ сидѣли всѣ другіе арестованные члены нашего Центральнаго Комитета, тамъ жила моя семья. Не было рѣшительно никакихъ причинъ держать меня въ Петроградѣ кромѣ желанія причинить мнѣ лишнія непріятности, но прошло почти полгода, прежде чѣмъ рѣшились перевести меня въ Москву.

Въ конторѣ меня ждалъ чекистъ. Мы сѣли въ автомобиль и поѣхали на Гороховую.

Въ конторѣ Ч. К. сидѣвшій за столомъ молодой человѣкъ, записавъ мое имя, фамилію и пр., обратился ко мнѣ: «Вы Меньшиковъ?» — Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него: я — Данъ. — «Да, но, вѣдь, это Ваше партійное имя, а настоящая фамилія Меньшиковъ?» — Нѣтъ. — «Странно. Итакъ, Вы не Меньшиковъ?» — Нѣтъ. — Недовѣрчиво покосившись на меня, чиновникъ подозвалъ конвойнаго и что то шепнулъ

ему. Меня повели въ пріемную, съ которой я въ ночь съ 26 на 27 февраля началъ свои тюремныя мытарства. Здѣсь подвергли опять самому тщательному обыску, а затѣмъ мы поднялись по лѣстницѣ къ двери, на которой было написано: «Одиночный корпусъ».

На стукъ конвойнаго дверь открылъ надзиратель, и черезъ прихожую, гдѣ помѣщалась больтая плита, мы вошли въ довольно обширную комнату. То, что я увидалъ здѣсь, заставило меня остолбенѣть. Вдоль трехъ стѣнъ комнаты были построены какъ бы досчатые бараки, раздѣленные на крохотныя клѣтушки, каждая изъ которыхъ имѣла дверь въ комнату; въ двери была закрывающаяся форточка. Такіе же бараки съ двумя рядами клѣтушекъ, открывающихся въ противоположныя стороны, были воздвигнуты посреди комнаты. У единственнаго окна комнаты, выходившаго во дворъ, стояла конторка со стуломъ для надзирателя. У выходной двери на стулѣ сидѣлъ часовой. Изъ форточекъ всѣхъ клѣтушекъ съ любопытствомъ смотрѣли на меня головы, мужскія и женскія, старыя и совсѣмъ юныя.

Записавъ мою фамилію въ книгу, лежавшую на конторкѣ, надзиратель открылъ дверь одной изъ клѣтушекъ и пригласилъ меня войти. Я очутился въ каморкѣ, величиною не больше купальной кабины. Вдоль одной стѣнки ея была придѣлана скамейка не болѣе 12 вершковъ ширины, на которую былъ брошенъ скомканный тю-

фячекъ, набитый небольшимъ количествомъ соломы, превратившейся въ труху. Человѣкъ средняго роста никоимъ образомъ не могъ бы лечь на эту скамейку вытянувшись. Изъ остававшагося пространства — шириною тоже вершковъ въ 12—треть была занята придѣланнымъ къ стѣнѣ деревяннымъ столикомъ. Свободное мѣсто было какъ разъ достаточно для того, чтобы, стоя, переступать съ ноги на ногу — единственная форма движенія, доступная заключенному въ этой деревянной клѣткѣ, гдѣ онъ осужденъ проводить время безъ воздуха, безъ дневного свѣта (электрическая лампочка горитъ круглыя сутки), безъ прогулокъ, безъ книгъ и газетъ.

Въ такой то клѣтушкѣ провела полтора мѣсяца жена генерала Козловскаго вмѣстѣ со своею малолѣтнею дочерью! Рядомъ со мною оказалась какая то высокая, молодая женщина, арестованная три недѣли тому назадъ, а за нею лѣвый с.-р., привлекавшійся по дѣлу о кронштадтскомъ возстаніи и безвыходно просидѣвшій тутъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ.

И тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ кабинокъ несся веселый говоръ и даже иногда молодой женскій смѣхъ. Надзиратель не мѣшалъ заключеннымъ разговаривать другъ съ другомъ, охотно передавалъ изъ клѣтушки въ клѣтушку папиросы и съѣстные припасы, приносилъ кипятокъ и, по первому требованію, выпускалъ въ уборную.

По словамъ заключенныхъ далеко не всѣ надзиратели таковы, а между тѣмъ отъ нихъ цѣли-

комъ зависитъ заключенный. Они могутъ отказаться идти за кипяткомъ, могутъ заставить часами дожидаться даже выпуска въ уборную: жаловаться некому. Они могутъ многое позволить себѣ. На стѣнкѣ своей клѣтушки я прочиталъ такія двѣ надписи, сдѣланныя однимъ почеркомъ: «За что я, такая молодая и, говорятъ, красивая, должна гибнуть? Я жить хочу. Господи, сдѣлай, чтобы я жила, спаси меня!» И ниже: «Женщинамъ, которыя будутъ сидѣть здѣсь послѣ меня. Будьте настороже, старайтесь не засыпать ночью крѣпко. Я сегодня ночью избавилась отъ надзирателя только тѣмъ, что плеснула ему въ лицо кружку холодной воды».

Но въ этотъ день надзиратель былъ очень хорошій. И онъ, и часовой непрерывно обходили клѣтушки, исполняя разныя мелкія порученія заключенныхъ, не мѣшали при проходѣ въ уборную останавливаться у сосѣднихъ кабинокъ и разговаривать, по собственной иниціативѣ предлагали кипятокъ. Но, присѣвъ на скамейку и осмотрѣвшись, я рѣшительно отказался отъ мысли пить тутъ чай или ѣсть что либо: изо всѣхъ щелей ползли клопы, по полу бѣгали мыши. Было противно. Я всталъ и уже избѣгалъ садиться, рѣшивъ стоять до тѣхъ поръ, пока усталость не заставитъ меня побороть отвращеніе.

Долженъ прибавить, что, по словамъ заключенныхъ, въ другой комнатѣ Ч. К. есть такія же кабины, обитыя пробкой и закрывающіяся наглухо (наши клѣтушки потолка не имѣли). Онѣ

служатъ, повидимому, для особо строгой изоляціи, а пробка мѣшаетъ перестукиванію. Нѣкоторые заключенные увѣряли меня, что сами сидѣли въ такихъ пробковыхъ ящикахъ, и считали, что они сдѣланы спеціально для пытки: въ нихъ такъ жарко и душно, что люди падаютъ въ обморокъ. Самъ я этого рода клѣтокъ не видалъ и потому передаю лишь разсказанное мнѣ, не ручаясь за достовѣрность.

Я пробылъ въ кабинѣ уже часа 2, какъ вдругъ послышался шумъ открывающейся входной двери, а надзиратель предупредилъ, что идетъ комендантъ. Къ моей форточкѣ наклонилось полное, небритое лицо съ черными усами, и густой басъ спросилъ меня: «Вы развѣ не Меньшиковъ?» — Нѣтъ. А въ чемъ дѣло? — Но комендантъ, не отвѣчая, отошелъ отъ моей клѣтки и скоро покинулъ помѣщеніе, оставивъ меня въ полномъ недоумѣніи. Но вдругъ смѣшная мысль осѣнила меня: этимъ добрымъ людямъ было, видно, сказано, что должны привезти меньшевика Дана, а они, по своей политической невинности, не поняли толкомъ, что такое меньшевикъ, и превратили это слово въ фамилію «Меньшиковъ»! Я сейчасъ же спросилъ у надзирателя бумагу и написалъ коменданту заявленіе въ такомъ родѣ: «меня непрерывно спрашиваютъ, не Меньшиковъ-ли я. Полагаю, что тутъ недоразумѣніе, и что Вамъ желательно знать, не меньшевикъ ли я. Въ такомъ случаѣ заявляю: да, я — меньшевикъ Данъ».

Надзиратель побѣжалъ съ моей бумагой къ коменданту. Дѣйствіе ея оказалось молніеноснымъ. Черезъ четверть часа меня пригласили собрать вещи, и красноармеецъ понесъ ихъ за мною въ кабинетъ коменданта. Комендантъ сидѣлъ за столомъ и смѣялся: «Вышло недоразумѣніе. Теперь ужъ скоро поѣдете на вокзалъ— въ Москву. Посидите пока здѣсь». Я поблагодарилъ судьбу и за то, что она избавила меня отъ ужаснаго клоповника, и за то, что, благодаря «недоразумѣнію», мнѣ все же удалось собственными глазами увидать, въ какихъ условіяхъ можно содержать людей въ столичномъ городѣ Петроградѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1921-е и отъ россійской революціи 5-е! Какъ мнѣ говорили, и при московской Ч.К. имѣются точно такія же «одиночки».

Я пробылъ въ кабинетѣ коменданта больше часа. Пришелъ высокій человѣкъ, въ новомъ кожаномъ костюмѣ, съ непріятнымъ, испитымъ лицомъ и изуродованной правой рукой, на которой недоставало нѣскольких пальцевъ, — комиссаръ Борисовъ. Съ нимъ и двумя красноармейцами мы сѣли въ автомобиль и поѣхали по Невскому на Николаевскій вокзалъ. Невскій имѣлъ по прежнему унылый, пустынный и обдерганный видъ. Но замѣчались уже и нѣкоторые симптомы «новой экономической политики»: тамъ и сямъ пестрѣли полотняныя вывѣски съ надписями «гастрономія», «дамскія моды», «кафэ» и т. д. Все это было очень убого.

На вокзалѣ мы зашли въ помѣщеніе Р. Т.Ч. К. (Районная Транспортная Ч. К.). Я остался съ красноармейцами въ пріемной, а Борисовъ пошелъ въ кабинетъ начальника. Вышелъ онъ оттуда сконфуженный: по какому-то недоразумѣнію для насъ въ поѣздѣ мѣстъ не оставлено. Приходится возвращаться на Гороховую съ тѣмъ, чтобы ѣхать завтра.

Коменданта уже не было, и насъ принялъ дежурный чиновникъ — не тотъ, что былъ утромъ. Изъ конторы меня направили опять въ пресловутый «одиночный корпусъ». Обитатели его и надзиратель начали разспрашивать меня, въ чемъ дѣло. Но не успѣлъ я отвѣтить и войти въ раскрытую дверцу отведенной мнѣ клѣтушки, какъ прибѣжалъ красноармеецъ: «пожалуйте съ вещами! Васъ помѣстятъ въ другомъ мѣстѣ». Съ стѣсненнымъ сердцемъ и съ чувствомъ какой то неловкости покидалъ я это логовище, гдѣ на такомъ маломъ пространствѣ скопилось столько человѣческаго страданія...

Мы сошли внизъ. Тамъ встрѣтилъ меня молодой помощникъ коменданта, приказавшій красноармейцу отвести меня въ «Изоляціонно-пропускной пунктъ». Пунктъ этотъ оказался помѣщеніемъ изъ трехъ комнатъ — одной для женщинъ и двухъ для мужчинъ. Въ мужскомъ отдѣленіи стояло коекъ 30 съ соломенными тюфяками, накрытыми чистымъ постельнымъ бѣльемъ. Вообще все было очень чисто и опрятно.

Ни въ мужскомъ, ни въ женскомъ отдѣленіи никого не было. Пунктъ предназначенъ для пропуска и карантина партій, прибывающихъ изъ провинціи. Прибывающіе раздѣваются въ передней, получаютъ теплый душъ, а затѣмъ переодѣваются въ казенное бѣлье и платье, ихъ же собственныя вещи дезинфицируются. Дежурный надзиратель предложилъ и мнѣ взять душъ, и я охотно воспользовался его предложеніемъ. Всегда-ли пропускаютъ прибывающихъ черезъ пунктъ, я выяснить не могъ.

Кромѣ дежурнаго надзирателя въ одну изъ комнатъ помощникъ распорядился посадить старшаго надзирателя — того самого старичка, который уже два раза — сейчасъ послѣ ареста и сегодня днемъ — такъ тщательно обыскивалъ меня. Разговорившись съ нимъ, я убѣдился, что предо мною человѣкъ, въ сущности весьма добродушный, но напуганный и потому исполняющій все, что ему прикажутъ, самымъ ревностнымъ образомъ. Онъ состоялъ на службѣ въ этомъ домѣ (бывшій домъ Петербургскаго Градоначальства) и даже въ томъ самомъ помѣщеніи, гдѣ мы съ нимъ сейчасъ сидѣли и гдѣ раньше помѣщалось отдѣленіе выдачи заграничныхъ паспортовъ, свыше 30 лѣтъ. Былъ курьеромъ. Послѣ большевистскаго переворота некуда было дѣться — старъ, и онъ рѣшилъ остаться на службѣ Ч. К. Разсказывалъ о прошломъ. Очень хвалилъ Урицкаго за его внимательное отношеніе къ нуждамъ служащихъ и доброту. Кстати: еще во время бе-

сѣды моей съ президіумомъ Ч. К. въ день ареста, Комаровъ, между прочимъ, разсказалъ мнѣ, будто Урицкій всегда голосовалъ противъ разстрѣла и отказывался подписывать смертные приговоры. Правда это или нѣтъ, не знаю, но Комаровъ разсказывалъ объ этомъ съ легкой насмѣшкой надъ щепетильностью Урицкаго, который, вѣдь, «все равно отвѣтственность несъ за все, что при немъ дѣлалось».

Провелъ я въ помѣщеніи пункта круглыя сутки и прекрасно выспался. Обѣдъ и ужинъ мнѣ давали не арестантскій, а съ кухни служащихъ, и надо сказать, что, по петроградской мѣркѣ, пища была очень обильная и вкусная: мясной супъ, макароны, каша съ масломъ. Но помощникъ коменданта жаловался, что теперь уже не тѣ времена: «повѣрите-ли, жена проситъ достать фунтовъ 5 фасоли, такъ и то не могу. То-ли было при Урицкомъ? Тогда одного имени Ч. К. всѣ боялись и все моментально дѣлали!» Вообще время Урицкаго съ самыхъ неожиданныхъ и различныхъ сторонъ представлялось въ разсказахъ чекистовъ какой то героической эпохой, о которой, видимо, начали уже слагаться легенды...

Къ вечеру меня снова повезли въ автомобилѣ на вокзалъ. На этотъ разъ все было въ порядкѣ. Намъ были отведены два смежныхъ и сообщающихся купэ 2-го класса съ спальными мѣстами. Въ одномъ помѣстился я съ двумя конвойными, въ другомъ — Борисовъ съ какой то дѣвицей,

дожидавшейся его на вокзалѣ, — повидимому родственницей, которой онъ доставилъ удобный случай проѣхаться въ Москву.

Пріѣхали 22-го іюля въ 1 ч. дня безъ всякихъ приключеній и, какъ и въ Петроградѣ, зашли въ помѣщеніе Р. Т. Ч. К. Борисовъ отправился къ телефону вызывать изъ В. Ч. К. автомобиль, а я остался съ конвойными въ пріемной. Здѣсь же сидѣли два только что арестованныхъ за «спекуляцію» желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Изъ бывшаго при нихъ огромнаго холщевого мѣшка чекисты высыпали сотни коробокъ папиросъ, считали ихъ и составляли протоколъ. Арестованные съ грустными, но покорными лицами смотрѣли на эту конфискацію ихъ добра, и не пытаясь возражать. А въ это же самое время одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ чиновниковъ кликнулъ съ платформы мальчишку и сталъ покупать у него папиросы — по 100 рублей за штуку. Гдѣ кончалась разрѣшенная «новой экономической политикой» свобода торговли, и гдѣ начиналось преступленіе, — сказать со стороны было трудно. Можно лишь установить, что въ это время табачныя издѣлія составляли монопольную собственность государства и — оффиціально — распредѣлялись только по карточкамъ и исключительно курящимъ, такъ что въ вольную продажу они во всякомъ случаѣ могли поступать лишь нелояльнымъ путемъ. Это не мѣшало тому, что на всѣхъ углахъ московскихъ улицъ шла бойкая торговля табакомъ и папиросами.

Обѣщанный изъ В. Ч. К. автомобиль все не пріѣзжалъ, и, прождавъ около двухъ часовъ, мы рѣшили идти пѣшкомъ. Было очень пріятно походить по городскимъ улицамъ послѣ столькихъ мѣсяцевъ сидѣнія подъ замкомъ.

Было около 4 часовъ дня, когда мы подходили къ зданію бывшаго страховаго общества «Россія» на Лубянской площади, гдѣ помѣщается В. Ч. К. (нынѣ — Государственное Политическое Управленіе). Послѣ обычной процедуры пріема и поверхностнаго обыска въ комендантской, меня повели въ довольно большую комнату, помѣщающуюся тутъ же, въ нижнемъ этажѣ. Это — такъ называемая «Контора Аванесова»: здѣсь когда то помѣщалась банкирская контора, и по сохранившейся надписи золочеными буквами на большомъ зеркальномъ стеклѣ получила названіе и комната. Сюда попадаютъ, прежде всего, арестанты, привозимые изъ другихъ городовъ. Но приводятъ сюда иногда сейчасъ послѣ ареста и москвичей. Большею же частью послѣднихъ сажаютъ въ другую, сосѣднюю комнату, которая — тоже по надписи, сохранившейся съ прежнихъ временъ на дверяхъ, — называется «кабинетъ завѣдующаго». Мужчины и женщины помѣщаются вмѣстѣ и такъ проводятъ нѣсколько дней, пока ихъ не распредѣлятъ по болѣе благоустроеннымъ тюремнымъ помѣщеніямъ. Уборныхъ нѣтъ: они помѣщаются во дворѣ, куда заключеннымъ и приходится ходить въ сопровожденіи конвойныхъ.

Когда я вошелъ въ «контору Аванесова», женщинъ тамъ не было. На заполнявшихъ почти всю комнату топчанахъ сплошь лежали и сидѣли заключенные. Нѣкоторые, которымъ не хватало мѣста, валялись на полу. Тутъ же лежали вещи. Духота, грязь, обиліе клоповъ и вшей дѣлали пресловутую «контору» похожей на ночлежку самаго плохого разбора.

Съ одной изъ наръ меня окликнулъ знакомый голосъ: то былъ мой товарищъ по партіи, Г. Бинштокъ, привезенный изъ Рязани 2 дня тому назадъ. Едва я успѣлъ начать разговоръ съ нимъ, какъ вниманіе мое привлекъ высокій, сухощавый мужчина съ черными съ просѣдью усами, одѣтый въ аккуратный пиджачекъ. Въ петлицѣ пиджачка былъ красный бантикъ съ какимъ то значкомъ, рядомъ на лацканѣ красовался миніатюрный портретъ Ленина. Незнакомецъ сидѣлъ на краю топчана и тихо плакалъ. Оказалось, это — американецъ К., делегатъ происходившаго въ это время 3-го конгресса III Интернаціонала. Онъ былъ вызванъ съ засѣданія конгресса, тутъ же схваченъ чекистами и привезенъ въ «контору Аванесова» въ томъ видѣ, въ какомъ засѣдалъ на конгрессѣ. Онъ говорилъ немного по-нѣмецки, и я вступилъ съ нимъ въ бесѣду. По его словамъ, причиной его ареста былъ доносъ другого американскаго делегата — Хэйвуда, который мстилъ такимъ образомъ за полемическую брошюру, выпущенную К. противъ него въ Америкѣ. К. былъ, видимо, сильно напуганъ и тща-

тельно подчеркивалъ свою преданность комму-низму и одобреніе всему, что дѣлаетъ большевистское правительство, въ томъ числѣ и практикѣ Ч. К.

Въ «конторѣ Аванесова» я не пробылъ и получаса. Меня повели черезъ дворъ, затѣмъ по лѣстницѣ въ 4-ый этажъ въ прихожую квартиры, гдѣ на дверяхъ было написано: «контора внутренней тюрьмы при В. Ч. К.». Тюрьма эта занимаетъ нѣсколько этажей, въ которыхъ раньше помѣщались, повидимому, меблированныя комнаты, находившіяся въ этомъ домѣ.

Послѣ новаго обыска, при которомъ у меня отняли всю бумагу, меня повели длиннымъ извилистымъ корридоромъ, въ который выходили двери съ прорѣзанными въ нихъ и закрытыми подвижною дощечкою «глазками». Въ одну изъ такихъ комнатъ меня и посадили.

Въ довольно большой комнатѣ съ двумя большими, но замазанными бѣлою краскою окнами съ желѣзною рѣшеткою, вставленною извнутри, помѣщалось 8 топчановъ. 7 изъ нихъ было занято, 8-й, свободный, былъ предоставленъ мнѣ. Надзиратель защелкнулъ дверь. Заключенные шопотомъ начали разспрашивать меня, кто я и откуда, предупредивъ меня, чтобы я не говорилъ громко. На мой недоумѣвающій вопросъ мнѣ указали инструкцію, висѣвшую на двери.

Много тюремъ перевидалъ я на своемъ вѣку и немало читалъ тюремныхъ инструкцій. Но ничего подобнаго произведенію, висѣвшему на две-

ри, мнѣ видѣть не приводилось. Заключеннымъ воспрещалось читать, писать, играть въ карты, шахматы или шашки, пѣть, громко разговаривать и вообще производить какой бы то ни было шумъ. Прогулокъ и свиданій съ родными въ тюрьмѣ не полагается. Въ уборную, находящуюся въ корридорѣ, заключенные выводятся два раза въ день. Чтобы добиться книгъ, газетъ, свиданій, получасовой прогулки въ 1—2 часа ночи, членамъ нашего Ц. К-та, помѣщеннымъ временно во «внутренней тюрьмѣ» послѣ Бутырскаго избіенія, о которомъ я разсказывалъ выше, пришлось объявить голодовку. За нарушеніе всѣхъ правилъ инструкція грозила строжайшими наказаніями. А въ уборной висѣлъ плакатъ, въ которомъ послѣ напоминанія о запрещеніи громко разговаривать, объявлялось кратко и выразительно: «За все будут сожатся в карцер». Привожу это изреченіе дословно и съ сохраненіемъ орфографіи.

Такимъ образомъ въ этой тюрьмѣ заключенные были нарочито обречены на то, чтобы «ничего не дѣлать». А есть въ этой тюрьмѣ и одиночныя камеры, гдѣ люди проводятъ цѣлые мѣсяцы! Режимъ, спеціально разсчитанный на то, чтобы довести человѣка до отупѣнія, разслабить его нервную систему и такимъ образомъ «подготовить» его къ допросамъ, которые зачастую производятся ночью!

Въ той камерѣ, куда я попалъ, заключенные занимались тѣмъ, что утаеннымъ обломкомъ ка-

рандаша на утаенномъ клочкѣ бумажки ве.. «дневникъ»: отмѣчали случавшіяся «событія», причемъ «событіемъ» считалось всякое открываніе дверей камеры: выходъ въ уборную, раздача обѣда и кипятка и т. п. Приходъ новаго заключеннаго, увозъ кого либо, допросъ — это уже были «событія» колоссальной важности. Почти за мѣсяцъ, что велся «дневникъ», максимальное число «событій», случившихся за одинъ день, достигало 18, но это было рѣдкое исключеніе. Обычно болѣе 10—12 «событій» не случалось, а иногда число ихъ — особенно по воскреснымъ днямъ, когда во «внутренней тюрьмѣ» не полагается ужина, — падало до 5—6.

Можно себѣ представить, какимъ праздникомъ было для заключенныхъ появленіе человѣка, который только что имѣлъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ и даже умудрился пронести въ этотъ адъ «ничегонедѣланія» два свѣжихъ номера газеты! Меня обступили и безъ устали разспрашивали о самыхъ разнообразныхъ вещахъ, перескакивая съ предмета на предметъ. Камера наша находилась въ самомъ концѣ длиннаго корридора, и единственному надзирателю было лѣнь ходить къ ней. Къ тому же всѣ по прежнему старались говорить шопотомъ, а, читая принесенныя мною газеты, усаживались такимъ образомъ, чтобы по возможности укрыть преступную бумагу отъ взоровъ надзирателя или коменданта, если бы имъ вздумалось заглянуть въ дверной «глазокъ».

Началъ и я помаленьку знакомиться со своими сосѣдями. Камера оказалась «шпіонскою», т.-е. сидѣвшіе въ ней обвинялись по дѣламъ, такъ или иначе связаннымъ съ иностранными государствами или «бѣлыми» правительствами и арміями.

Самымъ замѣтнымъ изъ заключенныхъ былъ Щ., артистъ Варшавскаго театра, гастролировавшій въ Московскомъ Художественномъ театрѣ. Съ полгода тому назадъ я видѣлъ его въ «Дочери Мадамъ Анго» въ роли Помпонэ. Теперь мы оказались сожителями по тюремной камерѣ. Дѣло, по которому онъ привлекался, состояло, по его словамъ, въ слѣдующемъ: собираясь вернуться въ Польшу, онъ передалъ нѣкоторую сумму денегъ и кое какія драгоцѣнности знакомому, который обѣщалъ переправить ихъ въ Варшаву при посредствѣ одной изъ иностранныхъ миссій. Знакомый былъ арестованъ, и черезъ него добрались до Щ., который впослѣдствіи судился, былъ приговоренъ къ нѣсколькимъ годамъ концентраціоннаго лагеря и, въ заключеніе, предназначенъ для обмѣна на русскихъ гражданъ, осужденныхъ въ Польшѣ.

Щ. и въ печальныхъ условіяхъ «внутренней тюрьмы» неизмѣнно сохранялъ или, по крайней мѣрѣ, показывалъ веселое расположеніе духа. Необычайно внимательный къ своимъ товарищамъ по заключенію, онъ дѣлалъ все возможное, чтобы поддержать въ нихъ бодрость. А многіе въ этомъ нуждались, въ особенности, одинъ моло-

дой польскій офицеръ, состоявшій при польск. репараціонной комиссіи, работавшей въ это время въ Минскѣ совмѣстно съ такой же русской комиссіей. Воспользовавшись нѣсколькими днями отпуска, офицеръ въ польской военной формѣ вздумалъ, по его словамъ, съѣздить посмотрѣть Москву, но еще въ поѣздѣ былъ арестованъ и теперь не зналъ даже, какъ дать знать о себѣ своему начальству и своимъ роднымъ. Вещей съ собою у него рѣшительно никакихъ не было.

Третій заключенный — инженеръ уже сидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ во «внутренней тюрьмѣ», потомъ былъ переведенъ въ Бутырки, а теперь снова возвращенъ сюда для «допроса», котораго онъ и ждалъ уже 3 недѣли. Въ чемъ онъ обвинялся и что съ нимъ сталось впослѣдствіи, я не знаю.

Рядомъ съ инженеромъ помѣщалась интересная пара: хорватъ М. и сербъ С. Это были предсѣдатель славянскаго совѣта въ Москвѣ и его товарищъ. Оба — коммунисты. По ихъ словамъ ихъ обвиняли въ томъ, что, подъ видомъ коммунистическихъ агитаторовъ, они отправляли въ славянскія страны бывшихъ Колчаковскихъ офицеровъ, снабжая ихъ документами и деньгами черезъ Исполнительный Комитетъ III Интернаціонала. Они увѣряли, что это обвиненіе ложно, что это — результатъ интриги со стороны тѣхъ чехословацкихъ офицеровъ, которые сами были бѣлогвардейцами и колчаковцами, а теперь, прикинувшись коммунистами, заняли ихъ

..вета въ президіумѣ славянскаго совѣта. Оба они сидѣли уже съ мѣсяцъ и не имѣли съ собой никакихъ вещей, даже смѣны бѣлья, такъ какъ были взяты на службѣ. Тщетно писали они сербскому делегату коммунистическаго конгресса Милкичу: они не знали даже, дошли-ли до него ихъ письма. Я обѣщалъ имъ постараться довести до свѣдѣнія Милкича объ ихъ плачевномъ положеніи и сдѣлалъ это, но получились-ли какіе нибудь результаты отсюда, не знаю. Оба они были очень подавлены и очень безпокоились насчетъ ожидающей ихъ участи. Увѣряли, что все, пережитое ими, многому ихъ научило, и что, оставаясь коммунистами, они всегда будутъ бороться съ терроромъ и произволомъ Ч. К. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, какова ихъ дальнѣйшая судьба.

Остальные двое заключенныхъ были старикъ съ Кубани и эстонецъ среднихъ лѣтъ. Разспросить ихъ объ ихъ дѣлахъ я не успѣлъ, такъ какъ уже на слѣдующій день меня перевезли въ Бутырскую тюрьму.

Грузовикъ на которомъ мы выѣзжали со двора В. Ч. К., былъ биткомъ набитъ самымъ разнообразнымъ народомъ. Неожиданно встрѣтился я тутъ со старымъ партійнымъ товарищемъ, одесситомъ Гарви: онъ сидѣлъ во Владимірской тюрьмѣ и теперь былъ переведенъ въ Москву. Тутъ же скромно жался въ углу грузовика злополучный делегатъ Коминтерна въ своемъ аккуратномъ пиджачкѣ и съ краснымъ бантикомъ въ петлицѣ.

IX.

ВЪ БУТЫРКАХЪ

Ко времени прибытія моего въ Бутырки заключенныхъ соціалистовъ и анархистовъ въ тюрьмѣ было сравнительно немного, и почти всѣ они помѣщались въ одиночномъ корпусѣ. Послѣ апрѣльскаго разгрома сюда были возвращены, главнымъ образомъ, члены центральныхъ комитетовъ. Большинство остальной публики оставалось раскинутымъ по провинціальнымъ тюрьмамъ — ярославской, владимирской, рязанской, орловской.

Изъ нашего Центральнаго Комитета я засталъ тутъ Ежова, Плескова, Николаевскаго. Изъ Ц. К. соціалистовъ-революціонеровъ — Гоца, Тимофеева, Веденяпина, Гендельмана, Артемьева, Донского, Лихача, Цейтлина и др. Большинство изъ нихъ сидѣло уже свыше года, нѣкоторые — болѣе 2 лѣтъ. Такъ же долго сидѣли и члены Ц. К. лѣвыхъ с.-р.-овъ Камковъ, Майоровъ, Богачевъ. Всѣ уже успѣли пере-

жить всякія пертурбаціи: рѣзкую смѣну тюремныхъ режимовъ, переводъ изъ тюрьмы въ тюрьму. Члены нашего Ц. К., какъ я уже упоминалъ, перенесли и трехдневную голодовку во «внутренней тюрьмѣ», чтобы добиться самыхъ элементарныхъ условій человѣческаго существованія. Вообще, эта «внутренняя тюрьма» не прошла для нихъ безслѣдно: двое — Ежовъ и Николаевскій, — побывъ тамъ мѣсяца два, вернулись въ Бутырки съ тяжелою формою цынги. Всѣ пребывали, конечно, въ полной неизвѣстности насчетъ своей дальнѣйшей судьбы, питаясь на этотъ счетъ такими же противорѣчивыми слухами, какіе распространялись и у насъ въ Д. П. З. въ Петроградѣ.

Кромѣ членовъ различныхъ Центральныхъ Комитетовъ было въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіяхъ одиночнаго корпуса и десятка полтора—два другихъ заключенныхъ соціалистовъ и анархистовъ. Особую группу составляли «панюшкинцы»—большевики, образовавшіе оппозиціонную партію подъ названіемъ «Серпъ и Молотъ». Позиція этой партіи была, въ общемъ, довольно неопредѣленна, потому что въ ней смѣшивались самые разнообразные элементы: утописты, требовавшіе возврата къ политикѣ «октября 1917 года», рабочіе, почувствовавшіе себя связанными по рукамъ и по ногамъ опекой бюрократіи и начавшіе смутно понимать весь вредъ коммунистической диктатуры, а наряду съ ними и темные авантюристы, недовольные

тѣмъ, что «новый курсъ» большевистскаго правительства вытѣсняетъ ихъ съ насиженныхъ мѣстечекъ или мѣшаетъ имъ безпрепятственно ловить рыбу въ мутной водѣ террористическаго режима. Однимъ изъ главарей этой пестрой партіи былъ матросъ Панюшкинъ, прославившійся въ самые первые дни послѣ большевистскаго переворота убійствомъ студентовъ, братьевъ Ганглезъ, оставшимся безнаказаннымъ. Новая партія выступила сначала очень шумно, созвала даже публичное собраніе, гдѣ рѣзко критиковалась политика правительства. Но вскорѣ главари ея, въ томъ числѣ и Панюшкинъ, были арестованы, и партія распалась. Вся эта компанія держалась, въ общемъ, обособленно. Нѣсколько разъ они объявляли голодовку, но относились къ этой формѣ протеста мало серьезно и прекращали голодовку, ничего не добившись. Въ концѣ концовъ они были высланы въ Вологодскую губернію. Не знаю, что сталось съ остальными, но самъ Панюшкинъ очень скоро «покаялся», напечаталъ в газетахъ письмо съ нападками на меньшевиковъ и с.-р.-овъ, якобы введшихъ его въ соблазнъ, и объявлялъ о своемъ возвращеніи въ лоно большевистской партіи, которой обѣщалъ отнынѣ служить вѣрой и правдой.

Еще одинъ заключенный выдѣлялся на общемъ фонѣ: высокій, плотный человѣкъ съ длинной русой бородой, голубыми глазами, тихій и застѣнчивый. Это былъ Элоранта, фин-

скій литераторъ-коммунистъ. По русски онъ еле говорилъ нѣсколько словъ, и объясняться съ нимъ было трудно. Онъ сидѣлъ уже около года по дѣлу объ убійствѣ членовъ Ц. К. финской коммунистической партіи въ Петроградѣ (въ августѣ 1920 года). Убійство это произошло на почвѣ фракціонной борьбы, осложненной спорами изъ за дѣлежа денегъ, получавшихся финской коммунистической эмиграціей отъ большевиковъ. Убійцами были молодые члены партіи, ворвавшіеся на засѣданіе Ц. К-та и въ запальчивости выстрѣлами изъ револьверовъ убившіе 8 и ранившіе 11 его членовъ. Всѣ они сидѣли въ общихъ камерахъ Бутырской тюрьмы, а Элоранта въ одиночкѣ. Въ февралѣ 1922 г. — черезъ полтора года послѣ убійства! — состоялся судъ революціоннаго трибунала. Непосредственные участники убійства были приговорены къ различнымъ срокамъ тюремнаго заключенія, Элоранта же, какъ вождь «рабочей оппозиціи» и «идейный вдохновитель» убійства, — къ разстрѣлу. Ему, какъ литератору, ставилась въ вину «демагогическая агитація», втягивавшая рабочую оппозицію въ «склочную борьбу противъ финскаго Ц. К.». Самъ трибуналъ почувствовалъ, видимо, смущеніе передъ своимъ собственнымъ чудовищнымъ приговоромъ и, примѣняя декретъ объ амнистіи 7 ноября 1921 г., постановилъ замѣнить разстрѣлъ заключеніемъ въ тюрьмѣ на 5 лѣтъ. Но президіумъ В. Ц. И. К. примѣненіе амнистіи отмѣ-

нилъ, и въ ночь съ 16 на 17 февраля несчастный Элоранта былъ казненъ.

Другихъ «политическихъ», кромѣ соціалистовъ и анархистовъ, было мало. Большая часть камеръ была занята уголовными — по дѣламъ о хищеніяхъ и бандитизмѣ. Они наполняли собою всю верхнюю (3-ю) галлерею МОК'а (мужской одиночный корпусъ; женскій назывался на языкѣ заключенныхъ и администраціи — ЖОК). Большинство изъ нихъ сидѣло въ «строгомъ» заключеніи, и было среди нихъ не мало ожидавшихъ смертнаго приговора или уже приговоренныхъ къ разстрѣлу.

Начальникомъ громадной тюрьмы (около 2500 заключенныхъ) былъ нѣкій Поповъ, авторъ знаменитой инструкціи для «внутренней тюрьмы при В. Ч. К.», гдѣ онъ былъ комендантомъ до перевода въ Бутырки. Бывшій гвардейскій унтеръ-офицеръ, высокій и худой, какъ жердь, съ лошадинымъ лицомъ и безцвѣтными, оловянными глазами, невѣжественный, тупой и жестокій, Поповъ былъ вдобавокъ ужасно глупъ и упрямъ. Убѣдить его въ чемъ либо или доказать ему нелѣпость какого-либо придуманнаго имъ распоряженія было невозможно. Однажды онъ придумалъ, чтобы заключенныхъ выводили въ уборную (по правиламъ это должно было дѣлаться два раза въ день) по одиночкѣ. Тщетно ему доказывали заключенные безсмысленность такого рода «изоляціи» людей, которые гуляютъ совмѣстно. Тщетно и надзиратели вычисляли,

что при такомъ порядкѣ мало будетъ круглыхъ сутокъ, чтобы пропустить по 2 раза черезъ уборную 70—75 человѣкъ, сидѣвшихъ на каждой галлереѣ. Поповъ упрямо твердилъ: «вотъ, всѣ хотятъ умнѣе меня быть. А я и самъ знаю, какъ надо», и долго еще не забывалъ повторять свое распоряженіе каждый разъ, какъ заходилъ въ МОК во время «оправки» и замѣчалъ, что оно нарушается, — а нарушалось оно, разумѣется, съ перваго же дня. Больше всего не любилъ онъ, чтобы надъ нимъ насмѣхались: «все то они пересмѣшничаютъ», жаловался онъ предсѣдателю В. Ч. К. на непочтительность соціалистовъ. Примириться съ нашей борьбою за болѣе свободный режимъ онъ никакъ не могъ, и каждая уступка начальства его, видимо, до глубины души огорчала. Уже тогда, когда мы добились открытія камеръ и множества другихъ льготъ, онъ въ одинъ прекрасный день развѣсилъ во всѣхъ камерахъ составленную имъ новую инструкцію — блѣдную копію съ инструкціи «внутренней тюрьмы». Когда же мы инструкцію немедленно сняли, а чекистское начальство подтвердило всѣ наши вольности, душа Попова не выдержала, и онъ ушелъ изъ Бутырокъ. Впослѣдствіи, проѣзжая черезъ Ригу, я узналъ, что Поповъ состоитъ теперь комендантомъ дачи-санаторіи для видныхъ русскихъ коммунистовъ на Рижскомъ взморьѣ. Оказалось, что и этихъ своихъ питомцевъ онъ удручаетъ попытками ввести «инструкцію»: запретить разговаривать

за общимъ обѣдомъ, принимать у себя въ комнатѣ гостей и т. д., вообще регулировать каждый ихъ шагъ.

Помощникомъ его по МОК'у и ЖОК'у былъ Соколовъ—маленькій, юркій человѣкъ съ бѣгающими глазками. Онъ старался показать себя «своимъ человѣкомъ» и, дѣйствительно, сидѣлъ когда то въ тюрьмѣ по обвиненію въ прикосновенности къ меньшевистской организаціи (С. былъ изъ рабочихъ), но въ то же время исподтишка дѣлалъ заключеннымъ массу непріятностей. Нѣсколько побаиваясь острыхъ столкновеній съ МОК'омъ, онъ безцеремоннѣе распоряжался въ ЖОК'ѣ, и почти каждое появленіе его тамъ сопровождалось какими нибудь новыми стѣснительными распоряженіями и новыми скандалами. Соколовъ оставался при мнѣ недолго: уѣхалъ въ отпускъ, изъ котораго къ мѣсту службы уже не вернулся. Его смѣнили другіе помощники Попова — латышъ Кноппе, большевикъ, бывшій ссыльный, и Даринъ шустрый молодой человѣкъ, нѣкогда «пострадавшій» за то, что печаталъ на гектографѣ переводъ книги Бебеля «Женщина и соціализмъ», не подозрѣвая того, что русскій переводъ этой книги давно вышелъ легально. Съ ними у насъ отношенія были вполнѣ удовлетворительныя.

Объ одномъ изъ многочисленныхъ помощниковъ Попова — Качинскомъ — стоитъ сказать нѣсколько словъ особо. Дѣло въ томъ, что с.-р.-ы, отбывавшіе въ царское время каторгу въ

Бутыркахъ, узнали въ немъ бывшаго надзирателя каторжнаго отдѣленія, прославившагося грубымъ обращеніемъ съ политическими каторжанами и даже избіеніемъ ихъ. Въ числѣ не мало натерпѣвшихся отъ него каторжанъ былъ въ свое время и Держинскій, нынѣ глава В. Ч. К. Качинскій сдѣлался до такой степени ненавистнымъ политическимъ каторжанамъ, что Держинскій говорилъ про него: если революція передастъ когда нибудь власть въ наши руки, я непремѣнно повѣшу этого палача! Теперь же Качинскій, перекрасившійся въ коммуниста, занималъ должность помощника начальника тюрьмы, гдѣ въ тѣхъ же самыхъ камерахъ, что и при царскомъ режимѣ, томились бывшіе сотоварищи Держинскаго по каторгѣ! Мы рѣшили написать о К. заявленіе Держинскому и довели его біографію до свѣдѣнія предсѣдателя контрольной комиссіи Р. К. П., Сольца, случайно пріѣзжавшаго въ тюрьму. Черезъ нѣкоторое время К. былъ арестованъ и, какъ намъ говорили, приговоренъ къ 5 годамъ концентраціоннаго лагеря. Съ тѣхъ поръ онъ съ нашего горизонта исчезъ. Но сколько такихъ неразоблаченныхъ еще Качинскихъ орудуетъ въ совѣтскихъ тюрьмахъ подъ коммунистическою маскою! Да и можно-ли быть увѣреннымъ, что самъ Качинскій, отбывъ сокращенный амнистіями срокъ заключенія, не выплыветъ снова гдѣ нибудь въ провинціи и снова не получитъ власти надъ сотнями заключенныхъ?

Тѣ полгода, что я провелъ въ Бутырской тюрьмѣ, были наполнены борьбою заключенныхъ соціалистовъ и анархистовъ за улучшеніе своего положенія.

Въ первые же дни пришлось выдержать борьбу за право имѣть свиданія съ родными въ сколько нибудь сносной обстановкѣ. Свиданія происходили въ нѣскольких комнатахъ при конторѣ тюрьмы. Въ каждой комнатѣ свиданіе имѣли обычно 5—6 заключенныхъ сразу подъ надзоромъ 2—3 надзирателей и чекистовъ. Но начальству вдругъ показалось опаснымъ позволять заключеннымъ сидѣть рядомъ съ приходящими къ нимъ родными, такъ какъ при этомъ возможна передача записокъ и т. п. Поэтому администрація распорядилась, чтобы заключенные и ихъ посѣтители были раздѣлены широкимъ столомъ: стало невозможно не только обнять своихъ близкихъ, но и вести съ ними сколько нибудь интимные разговоры, такъ какъ черезъ столъ приходилось говорить такъ громко, что разговоръ былъ слышенъ и всѣмъ сосѣдямъ по столу, и надзирателямъ. Протестъ нашъ былъ оставленъ безъ вниманія, и тогда мы подали заявленіе, что отказываемся отъ свиданій. Черезъ 2 недѣли Ч. К. уступила, и свиданія стали происходить прежнимъ порядкомъ.

Не успѣла закончиться исторія со свиданіями, какъ новое волненіе было внесено въ среду заключенныхъ обыскомъ, произведеннымъ Ч. К. Часа въ 3 ночи я проснулся отъ шума открывае-

мой двери. Въ камеру вбѣжалъ Качинскій и, освѣтивъ поворотомъ выключателя камеру, бросилъ: обыскъ! Сейчасъ же за нимъ ввалилось какое то неуклюжее существо въ длинномъ почти до пятъ пальто, съ широкимъ, скуластымъ, грубымъ лицомъ. Вошли и два красноармейца съ винтовками въ рукахъ. «Вставайте, товарищъ, одѣвайтесь»! Голосъ, какимъ это было сказано, возбудилъ у меня нѣкоторыя подозрѣнія, и я обратился къ неопредѣленному существу, уже бросившемуся къ моимъ книгамъ и начавшему перерывать ихъ: Вы женщина? — Да, я женщина, но это ничего не значитъ: вставайте и одѣвайтесь! — Я наотрѣзъ отказался отъ этого милаго предложенія. Чекистка-латышка пробовала было возвысить голосъ, но я потребовалъ, чтобы она говорила вѣжливо, а, главное, доложила тому, кто распоряжается обыскомъ, что я протестую противъ такого способа производства обыска и настаиваю на немедленномъ удаленіи этой пріятной особы изъ моей камеры. Послѣ долгихъ препирательствъ почтенная дама все же отправилась съ докладомъ по начальству, оставивъ въ моей камерѣ красноармейцевъ, и больше уже не возвращалась: ее смѣнилъ молодой человѣкъ, откровенно говоря, никакого рвенія къ производству обыска не обнаружившій. Черезъ 5 минутъ я снова остался одинъ.

Какъ я узналъ, освободивъ меня отъ своего присутствія, чекистская андрогина своей работы въ тюрьмѣ не оставила. Она не только не

стѣснялась заставлять при себѣ одѣваться, причемъ предварительно ощупывала всѣ складочки бѣлья и т. п., но даже собственными руками лазила въ «параши», вытаскивая изъ нихъ и тщательно разсматривая всѣ клочки бумаги! Преданность дѣлу, поистинѣ изумительная!

Не всѣмъ такъ посчастливилось, какъ мнѣ. Въ нѣкоторыхъ камерахъ обыскъ продолжался по часу, причемъ кое гдѣ чекисты забирали всѣ исписанные листки бумаги, а кое гдѣ и всѣ книги. На этой почвѣ произошли даже кое какіе курьезы: въ числѣ книгъ, наряду съ двумя номерами преступнаго «Соціалистическаго Вѣстника», были взяты случайно оказавшіяся у кого то произведенія Жюль Верна! Но курьезы курьезами, а результаты обыска были весьма чувствительны для заключенныхъ. Когда то, въ царскія времена, тюрьма служила для многихъ изъ насъ настоящей школой. Послѣ изнуряющей, треплющей подпольной и нелегальной жизни на волѣ, когда и времени не хватаетъ на серьезную умственную работу, да и отсутствіе собственнаго угла и необходимость шататься по «ночевкамъ» зачастую лишаютъ всякой возможности заниматься систематически, тюрьма служила мѣстомъ отдыха, гдѣ можно почитать, подумать, разобраться въ своихъ мысляхъ, попытаться изложить ихъ на бумагѣ. Тюрьма была для революціонера мѣстомъ усиленнаго умственнаго труда. Не то — въ совѣтской тюрьмѣ. Доставать въ совѣтской Россіи книги очень трудно,

почти невозможно. Даже въ бумагѣ и письменныхъ принадлежностяхъ ощущается огромный недостатокъ. При такихъ условіяхъ систематическая умственная работа крайне затрудняется, и въ тюрьмѣ царитъ вынужденная праздность. Работа становится совершенно невозможной, когда при періодически повторяющихся обыскахъ отбираются всѣ безъ исключенія рукописи. Правда, Ч. К. ихъ по просмотрѣ возвращаетъ, но этотъ «просмотръ» длится мѣсяцы, и при этомъ часть рукописей неизмѣнно затеривается. Матеріалы, отобранные у нѣкоторыхъ товарищей при обыскѣ въ августѣ мѣсяцѣ, они получили обратно, послѣ безчисленныхъ напоминаній и заявленій, лишь въ декабрѣ. Понятно, какое негодованіе вызываетъ такой образъ дѣйствія у тѣхъ, кто при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, цѣною громадныхъ усилій умудрился использовать вынужденный тюремный досугъ для литературной работы.

Ко времени моего привоза въ Бутырки заключенные соціалисты сидѣли по одиночкамъ. Гуляли человѣкъ по 5 вмѣстѣ, но сейчасъ же послѣ прогулки насъ разводили по камерамъ и запирали. Мириться съ этимъ, понятно, было трудно. Почти всѣ уже успѣли за долгіе мѣсяцы сидѣнія въ тюрьмѣ пожить при режимѣ полнаго общенія заключенныхъ между собою, и было непонятно, почему необходима теперь такая изоляція другъ отъ друга; вѣдь, намъ же неоднократно заявлялось, что никакого слѣдствія о

насъ не ведется, что насъ — по выраженію Ленина — «бережно держутъ въ тюрьмѣ» только затѣмъ, чтобы лишить общенія съ внѣшнимъ міромъ, а не другъ съ другомъ. Поповъ-же, а за нимъ и низшая администрація, проявляли въ этомъ отношеніи глупѣйшій формализмъ: люди только что гуляли вмѣстѣ, но если П. застанетъ ихъ вмѣстѣ у дверей камеры, сейчасъ же поднимаетъ скандалъ. Все это сильно раздражало. Мы рѣшили добиться полной свободы общенія другъ съ другомъ.

Какъ всегда, начались споры о «тактикѣ». Были сторонники «рѣшительныхъ дѣйствій»: предъявленіе ультиматума, голодовка, активное сопротивленіе и т. д. Но побѣдило «умѣренное» теченіе. Было рѣшено, по возможности не доводя дѣла до остраго скандала, «выпотрошить» установившійся режимъ извнутри путемъ настойчиваго, систематическаго раздвиганія установленныхъ рамокъ.

Всѣ эти «тактическіе» переговоры велись на прогулкахъ, черезъ «старостъ», разносившихъ съѣстные припасы, путемъ записочекъ, для передачи которыхъ другъ другу было сколько угодно способовъ, и, наконецъ, прямыми разговорами съ оконъ.

Изъ за этихъ разговоровъ тоже выходило не мало конфликтовъ. Въ другихъ тюрьмахъ, какъ, напр., въ Лефортовской въ той же Москвѣ, часовые по просту, какъ въ доброе царское время, стрѣляли въ сидящкхъ на окнахъ. Въ

Орлѣ при такомъ же случаѣ одному товарищу прострѣлили руку. У насъ Поповъ шумѣлъ и грозилъ, но къ экстреннымъ мѣрамъ прибѣгать не рѣшался. Разъ его помощникъ Соколовъ рѣшилъ приступить на женскомъ отдѣленіи къ энергичнымъ дѣйствіямъ: отнялъ табуретку у одной изъ заключенныхъ. А такъ какъ заключенная эта оказалась беременной и безъ тубаретки слѣзть съ высокаго подоконника никакъ не могла, то черезъ нѣсколько часовъ Соколову пришлось вернуть табуретку обратно, и онъ сконфуженно объяснялъ, будто никакой кары въ виду не имѣлъ, а просто табуретка «понадобилась въ конторѣ». Послѣ еще нѣсколькихъ попытокъ въ такомъ же родѣ, начальство махнуло рукою, и наши позиціи на окнахъ были прочно закрѣплены.

Одновременно съ наступленіемъ на окна мы вели наступленіе на двери. Все чаще и чаще, возвращаясь съ прогулки, изъ уборной, со свиданія, стали пользоваться случаемъ подбѣжать къ двери чужой камеры, открыть дверную форточку и побесѣдовать съ товарищами. Начальство пыталось бороться съ этимъ, замыкая дверныя форточки на замокъ. Но это оказалось не легко. Въ большинствѣ форточекъ замки оказались испорченными. Кромѣ того, надзирателямъ совсѣмъ не улыбалось бѣгать все время отъ камеры къ камерѣ по вызову заключенныхъ: вѣдь, въ совѣтской тюрьмѣ, гдѣ все расшатано, во всемъ нехватка, жизнь не мо-

жетъ идти съ такою монотонною регулярностью, какъ въ благоустроенныхъ «нормальныхъ» тюрьмахъ. Въ концѣ концовъ, послѣ ряда стычекъ, иногда довольно бурныхъ, и дверныя форточки были оставлены въ нашемъ владѣніи.

Тогда приступили къ слѣдующимъ шагамъ. Среди насъ было нѣсколько рабочихъ слесарей. Изъ найденныхъ на дворѣ гвоздей, обломковъ желѣза и т. п. они быстро понадѣлали отмычки. Высунувъ руку изъ форточки, можно было спокойно открыть дверь камеры, когда замокъ былъ закрытъ на одинъ оборотъ; на два-же оборота его закрывали только ночью. Проходя по коридору, Поповъ однажды наткнулся какъ разъ на сцену отпиранія двери таинственною рукою, высунувшеюся изъ камеры, и совершенно остолбенѣлъ. Подождавъ, пока заключенный вышелъ изъ камеры, онъ, заикаясь, обратился къ нему: Да какъ же Вы это дѣлаете?—А. вотъ такъ, спокойно отвѣтилъ заключенный, продемонстрировавъ «хитрую механику» изумленному администратору. Поповъ, молча, постоялъ и, махнувъ рукою, ушелъ.

Результатомъ этого происшествія было появленіе «спеціалистовъ» съ тюремнымъ архитекторомъ во главѣ. «Спеціалисты» осмотрѣли двери, но не могли придумать ничего другого, какъ посовѣтовать и днемъ запирать замки на два оборота. Но это опять таки сопряжено было съ большими неудобствами для надзирателей. А, главное, на тюремныхъ «спеціали-

стовъ» у насъ нашлись свои. Не прошло и двухъ недѣль, какъ во всѣхъ замкахъ были отогнуты внутреннія пружины, такъ что въ любой моментъ они свободно отпирались самой простой отмычкой. Ничего не подозрѣвавшему Попову пришлось еще разъ испытать сильнѣйшее потрясеніе, когда однажды во время ночного обхода онъ засталъ въ одной изъ камеръ четырехъ заключенныхъ, мирно игравшихъ въ карты. Постоявъ по своему обыкновенію молча и полюбовавшись на игроковъ, спокойно продолжавшихъ свое занятіе, онъ ушелъ, огорченный до глубины души, и долго не появлялся въ нашемъ корпусѣ ни днемъ, ни ночью.

Дѣлать, однако, было нечего, Починить нѣсколько десятковъ сложныхъ замковъ въ Совѣтской Россіи не такъ то просто. Да и не было никакихъ гарантій, что только что починенные замки сейчасъ же не будутъ снова испорчены. Надо было, стало быть, идти на открытый скандалъ. Но на это Ч. К. по разнымъ соображеніямъ въ это время не рѣшалась. Было еще свѣжо воспоминаніе о Бутырскомъ избіеніи 27 апрѣля, не поднявшемъ престижа большевиковъ ни среди русскихъ, ни среди заграничныхъ рабочихъ. А число заключенныхъ въ Бутыркахъ соціалистовъ и анархистовъ снова достигло внушительной цифры. Постепенно возвращались тѣ, которые въ апрѣлѣ были развезены по провинціальнымъ тюрьмамъ. Прибывали новые вслѣдствіе новыхъ арестовъ. Подвозились

заключенные изъ другихъ городовъ, такъ какъ всѣ дѣла о соціалистахъ сосредоточивались въ В. Ч. К., и мѣстныя чрезвычайки охотно сбывали съ своихъ рукъ безпокойную публику, съ которой не такъ то легко справиться и пребываніе которой въ тюрьмѣ не только служитъ постояннымъ источникомъ недовольства мѣстныхъ рабочихъ, но и смущаетъ совѣсть рядовыхъ коммунистовъ. Къ декабрю скопилось въ Бутыркахъ уже не менѣе 250 заключенныхъ такого рода, и идти съ ними на острое столкновеніе значило рисковать новой громкой исторіей.

На насъ махнули рукой. Сначала закрывали глаза на полный развалъ строгаго тюремнаго режима и оффиціально считали, что по части соблюденія инструкцій «все обстоитъ благополучно». Потомъ, въ результатѣ неоднократныхъ переговоровъ съ Московской Ч. К., въ вѣдѣніи которой формально состояла Бутырская тюрьма, и В. Ч. К., вѣдавшей нашими «дѣлами», всѣ добытыя нами вольности были формально узаконены. Съ ноября—декабря мы пользовались, въ общемъ, внутри тюрьмы полной свободой общенія другъ съ другомъ, гуляли совмѣстно, устраивали лекціи и собесѣдованія, организовывали «клубы» и т. д. Представителемъ нашимъ для всякихъ сношеній съ тюремной администраціей и Ч. К. былъ старостатъ, составленный изъ делегатовъ — по одному отъ каждой фракціи. Черезъ него велись всѣ переговоры. Онъ опредѣлялъ, кого изъ вновь прибы-

вающихъ слѣдуетъ переводить въ нашъ корпусъ.

Оставался старый, но вѣчно новый вопросъ объ общеніи съ заключенными женщинами. Въ ЖОК'ѣ расшатываніе режима происходило параллельно съ МОК'омъ, хотя и съ нѣкоторымъ запозданіемъ и съ большими треніями. Почта между ЖОК'омъ и МОК'омъ дѣйствовала съ такою регулярностью, какъ врядъ-ли еще гдѣ либо въ Совѣтской Россіи, хотя я долженъ, конечно, воздержаться отъ описанія способовъ, какими мы достигали правильности, до сихъ поръ недоступной совѣтскому Наркомпочтелю. Ежедневно часовъ въ 8 вечера корреспонденція аккуратно разносилась по адресатамъ. Желающіе могли даже бесѣдовать по особому «телефону», устройство котораго не имѣло ничего общаго съ изобрѣтеніемъ Эдисона.

Но всего этого было мало. Женщинъ заключенныхъ было сравнительно немного—человѣкъ 25. Онѣ хотѣли участвовать въ тѣхъ лекціяхъ и собесѣдованіяхъ, которыя устраивались у насъ. что представляло особенную важность въ виду скудости книжнаго запаса, которымъ мы располагали. У нѣкоторыхъ были въ МОК'ѣ мужья, братья, и не было никакихъ разумныхъ причинъ, почему имъ нельзя было видѣться другъ съ другомъ, а потребность видѣться была тѣмъ больше, чѣмъ неопредѣленнѣе вообще былъ смыслъ, цѣли и сроки заключенія соціалистовъ. Значительную роль играла, наконецъ, и та психологія

заключеннаго, о которой я говорилъ въ другомъ мѣстѣ, и которая заставляетъ при каждомъ новомъ расширеніи тюремной «свободы» все острѣе чувствовать, что это — «свобода» фальсифицированная.

Начальство, однако, долго сопротивлялось въ этомъ пунктѣ. Но подъ конецъ сопротивленіе его начало слабѣть, и оно согласилось, по крайней мѣрѣ, на то, чтобы старосты нашего корпуса ежедневно посѣщали ЖОК. На этомъ, однако, дѣло не остановилось. Въ началѣ декабря произошелъ знаменитый въ лѣтописяхъ Бутырской тюрьмы «прорывъ» МОК'а въ ЖОК. Гулявшіе на дворѣ мужского корпуса 10—12 заключенныхъ, воспользовавшись открытіемъ воротъ для пропуска воза съ дровами, ворвались во дворъ женскаго корпуса, а оттуда разошлись по камерамъ, гдѣ тотчасъ же было организовано чаепитіе и пр. Случай этотъ чуть не вызвалъ очень остраго столкновенія съ администраціей. На приглашеніе ея вернуться въ МОК заключенные отвѣтили отказомъ. Начались уже разговоры о примѣненіи силы. Инцидентъ былъ улаженъ лишь благодаря вмѣшательству старостъ, которые заслужили при этомъ у наиболѣе экзальтированной части населенія ЖОК'а нелестную репутацію «умѣренности» и «податливости».

Какъ бы то ни было, случаемъ «прорыва» вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Надо было на что нибудь рѣшиться, и начальство рѣшило, въ концѣ концовъ, уступить по всей линіи. Причи-

ной этой уступчивости было, главнымъ образомъ, то положеніе, въ которомъ очутились уголовные заключенные нашего корпуса и вообще всѣ, кого Ч. К. хотѣла держать въ «строгомъ» заключеніи. Само собою понятно, что привилегіи, которыми пользовались мы, не оставались безъ вліянія на положеніе и всѣхъ остальныхъ заключенныхъ въ нашемъ корпусѣ. Весь тюремный режимъ расшатывался. Надзиратели стали относиться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ спустя рукава. Тогда въ Ч. К. возникъ планъ: ЖОК отвести подъ уголовныхъ и «строгихъ». Всѣхъ же соціалистовъ и соціалистокъ сосредоточить въ МОК'ѣ. Въ серединѣ декабря пала для насъ послѣдняя твердыня стараго режима «одиночекъ»: заключенныя женщины были переведены въ освободившіяся отъ уголовныхъ камеры, и МОК сталъ сплошнымъ соціалистическимъ оазисомъ въ Бутырской тюрьмѣ, пользующимся всѣми тѣми «свободами», какія вообще возможны въ тюрьмѣ.

Параллельно съ улучшеніемъ режима шло и улучшеніе пищи, такъ что къ январю заключенные соціалисты были переведены на санаторный паекъ. Передачи, получавшіяся отъ родныхъ, поступали — по фракціямъ — въ раздѣлъ поровну между товарищами. Нѣкоторую помощь оказывалъ также и политическій Красный Крестъ. «Крестъ» этотъ уже нѣсколько лѣтъ дѣйствуетъ въ Москвѣ. Но въ другихъ городахъ, напр. Петроградѣ, Ч. К. упорно не только не раз-

15*

рѣшала такой организованной помощи политическимъ заключеннымъ, но безпощадно арестовывала всѣхъ, кого подозрѣвала въ попыткахъ «нелегально» дѣлать сборы въ пользу политическихъ. Красный Крестъ помогаетъ не только соціалистамъ, но всѣмъ политическимъ заключеннымъ безъ различія. Вообще же надо сказать, что морально-тяжелую сторону тѣхъ привилегій, которыхъ мы добивались въ тюрьмѣ, составляло сознаніе, что онѣ распространяются только на насъ, соціалистовъ, и не распространяются на «ка-эровъ», хотя политически и враждебныхъ намъ, но представляющихъ контингентъ людей, многіе изъ которыхъ дѣйствуютъ не по своекорыстнымъ, а по несомнѣнно идейнымъ побужденіямъ. Правда, я уже объяснилъ, въ какомъ смыслѣ наше заключеніе вообще существенно отличалось отъ заключенія всѣхъ другихъ тюремныхъ обитателей. Но все же не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что отношеніе совѣтскихъ властей къ политическимъ заключеннымъ изъ категоріи такъ наз. «ка-эровъ» нельзя назвать иначе, какъ совершенно недостойнымъ. Къ сожалѣнію, не въ нашей власти было измѣнить это положеніе.

Прибавлю, что и тотъ тюремный «рай», какого мы добились въ Бутыркахъ полугодовой борьбой, оказался, какъ и все въ большевистскомъ мирѣ, недолговѣчнымъ. Въ концѣ января 1922 г., вскорѣ послѣ моего выхода изъ МОК'а, началась его «разгрузка» — переводъ заключен-

ныхъ подъ разными предлогами въ другія, часто отвратительныя мѣста заключенія, и къ концу февраля МОК совершенно опустѣлъ. Сидѣвшіе вмѣстѣ со мною по второму и третьему году соціалисты-революціонеры Гоцъ, Донской, Тимофѣевъ, Веденяпинъ и др., которымъ чекисты столько разъ говорили, что они находятся лишь въ «изоляціи», внезапно оказались преданными суду за дѣйствительныя или мнимыя «преступленія», совершенныя въ 1918 году, и понадобилась бурная кампанія протеста, захватившая пролетарскія партіи и организаціи чуть ли не всего міра, чтобы добиться, по крайней мѣрѣ, гарантіи, что они не будутъ разстрѣляны*). Какъ видимъ, тюремнымъ раемъ въ Совѣтской Россіи чрезмѣрно восхищаться не приходится...

Сейчасъ (апрѣль 1922 г.) Бутырки начинаютъ снова наполняться заключенными соціалистами, и піонерами являются на этотъ разъ члены нашего соціалдемократич. союза молодежи —юноши и дѣвушки, большинство которыхъ уже прошло черезъ Бутырки въ то время, какъ я тамъ сидѣлъ. И имъ теперь снова приходится собственными силами добиваться возвращенія хотя бы части тѣхъ «свободъ», которыхъ мы въ свое время добились и которыми они также пользовались. Имъ уже пришлось поголодать 3 дня, чтобы вырваться изъ отвратительной клоаки

*) В ту минуту, когда я просматриваю эти строки въ набранномъ видѣ (11 іюня), и эти гарантіи вновь поставлены большевиками подъ сомнѣніе!

«Внутренней тюрьмы». И имъ придется еще, конечно, не мало потратить нервовъ, пока они создадутъ для себя сколько нибудь сносныя условія въ вѣчно мѣняющемся, вѣчно склонномъ къ грубому насилію, вѣчно поворачивающемъ на 180 градусовъ совѣтскимъ «тюремномъ режимѣ»*).

*) Теперь (іюнь 1922 г.) вся эта молодежь уже разослана въ административномъ порядкѣ по глухимъ уѣзднымъ городкамъ провинціи.

X

ГОЛОДОВКА — ОТЪѢЗДЪ ЗАГРАНИЦУ

Полугодовая борьба за улучшеніе тюремнаго режима шла не такъ гладко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Она утомляла, раздражала, изо дня въ день трепала нервы и то и дѣло вызывала рядъ мелкихъ, но въ тюрьмѣ всегда волнующихъ столкновеній то съ Поповымъ и его помощниками, то съ отдѣльными представителями низшей администраціи. У молодежи и у людей, нервная система которыхъ и безъ того уже была расшатана всѣмъ пережитымъ, легко терялась при этомъ правильная перспектива, и то и дѣло возникали планы самыхъ радикальныхъ мѣропріятій. Но болѣе уравновѣшенному населенію тюрьмы всегда удавалось, въ концѣ концовъ, брать верхъ и разрѣшать возникавшіе конфликты мирнымъ путемъ переговоровъ и компромиссовъ.

Но съ середины ноября начали накапливаться признаки, что придется выдержать борьбу за нѣчто большее, чѣмъ тюремный режимъ.

Бывая въ тюрьмѣ, чрезвычайники не разъ заговаривали о томъ, что «дѣла» меньшевиковъ вскорѣ будутъ ликвидированы, и въ тюрьмѣ меньшевиковъ не останется. Туманными намеками они давали понять, что «ликвидація дѣлъ» сведется просто къ освобожденію соціалдемократовъ. Невѣроятнаго въ такомъ финалѣ нашей 9—10-мѣсячной «изоляціи», разумѣется, ничего не было. Отдѣльныхъ товарищей и дѣйствительно начали освобождать — то подъ предлогомъ болѣзни, на которую до тѣхъ поръ Ч. К. не обращала никакого вниманія, а то и безъ всякаго предлога. Но все же къ слухамъ о всеобщемъ освобожденіи соціалдемократовъ мы относились скептически: общая политика большевиковъ не давала никакого основанія думать, что они пришли, наконецъ, къ заключенію о необходимости «терпѣть» соціалдемократическую оппозицію.

Въ своемъ скептицизмѣ мы оказались правы: въ концѣ ноября человѣкъ 10 товарищей нашихъ по заключенію неожиданно получили «приговоры» В. Ч. К., гласившіе о высылкѣ ихъ въ Туркестанъ въ распоряженіе мѣстной Ч. К. Имъ предложили немедленно собираться для перевода въ Таганскую тюрьму, откуда они должны были слѣдовать дальше. Одновременно мы узнали, что такіе же «приговоры» посланы другому десятку нашихъ товарищей, находившихся въ провинціальныхъ тюрьмахъ. Чѣмъ руководилась В. Ч. К., выбирая именно этихъ 20 товарищей, понять было невозможно: въ списокъ вошли старые, заслу-

женные члены партіи и зеленая молодежь, члены руководящихъ партійныхъ учрежденій и люди, политически мало активные.

Наша фракція собралась для обсужденія положенія. Подумать было о чемъ. Это былъ первый случай массоваго примѣненія большевиками административной ссылки къ соціалистамъ. Отдѣльные случаи такого рода бывали и раньше, но они казались исключеніемъ. Высылали большевики и массами — главнымъ образомъ, рабочихъ, повинныхъ въ забастовкахъ: напримѣръ, сотни харьковскихъ и кіевскихъ желѣзнодорожниковъ были сосланы на крайній сѣверъ — на Мурманскую желѣзную дорогу. Но это дѣлалось подъ предлогомъ и въ порядкѣ «трудовой повинности», якобы требовавшей такого способа «распредѣленія рабочей силы».

Мы рѣшили послать заявленіе въ президіумъ В. Ц. И. К. съ рѣзкимъ протестомъ противъ возстановленія одного изъ позорнѣйшихъ орудій царскаго режима въ борьбѣ съ соціалистами — административной ссылки. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы категорически требовали, чтобы высылаемымъ было гарантировано, по крайней мѣрѣ, 1) что они смогутъ ѣхать не по этапу, 2) что въ Туркестанѣ они будутъ на свободѣ и обезпечены отъ произвола мѣстной Ч. К., 3) что имъ будетъ дана возможность взять съ собою при желаніи свои семьи и устроить свои личныя дѣла, для чего они до отъѣзда должны быть на нѣкоторое время выпущены на свободу. Мы кончали наше заявленіе

тѣмъ, что отдадимъ образъ дѣйствій большевиковъ на судъ международнаго пролетаріата.

Было рѣшено, что до полученія отвѣта отъ президіума В. Ц. И. К. получившіе «приговоръ» товарищи во всякомъ случаѣ откажутся отправляться куда бы то ни было.

Начались безконечные переговоры съ тюремной администраціей и наѣзжавшими чекистами. Послѣдніе увѣряли, что о путешествіи по этапу не можетъ быть и рѣчи: всѣ поѣдутъ въ спеціальныхъ вагонахъ безъ пересадки до самаго Ташкента. Они же говорили, что всѣ будутъ въ Туркестанѣ на свободѣ, что тамъ очень хорошо—тепло и сытно. Что касается временнаго освобожденія въ Москвѣ для устройства дѣлъ, то оно немыслимо: возможна лишь нѣкоторая отсрочка отъѣзда, чтобы высылаемые могли озаботиться устройствомъ своихъ дѣлъ, не выходя изъ тюрьмы.

Мы стояли на своемъ: ждемъ отвѣта отъ президіума В. Ц. И. К. Но отвѣта не получалось, на примѣненіе силы чекисты, очевидно, не рѣшались, и дѣло затягивалось съ недѣли на недѣлю.

Тѣмъ временемъ стали происходить довольно странныя вещи, свидѣтельствующія о полномъ легкомысліи и произволѣ, съ которыми Ч. К. рѣшаетъ судьбы попавшихъ въ ея лапы людей. Нѣкоторыхъ товарищей, предназначенныхъ къ высылкѣ въ Туркестанъ, просто освободили. Другіе стали получать новые «приговоры», замѣняв-

шіе высылку въ Туркестанъ («съ содержаніемъ подъ стражей» — говорилось въ оффиціальномъ документѣ въ разрѣзъ съ тѣмъ, въ чемъ увѣряли насъ чекисты), высылкою — но уже «подъ гласный надзоръ и съ оставленіемъ на свободѣ» — въ другія мѣстности — глухіе Мезенскій и Печорскій уѣзды Архангельской губерніи, голодную Марійскую область съ воспрещеніемъ жительства въ единственномъ городкѣ этой области и т. д. А черезъ нѣсколько дней кое кто изъ получившихъ эти новые «приговоры», въ свою очередь былъ освобожденъ безъ всякихъ послѣдствій. Для насъ стало очевидно, что вокругъ вопроса о ликвидаціи нашихъ «дѣлъ» идетъ какая то возня и суетня, какая то внутренняя борьба, при которой нами швыряются, какъ мячиками, и судьба каждаго изъ насъ находится въ зависимости отъ чистѣйшихъ случайностей. Доходили до насъ свѣдѣнія, что и на верхахъ большевизма единодушія въ вопросѣ объ отношеніи къ намъ нѣтъ.

Какъ бы то ни было, приходилось подумать о томъ, чтобы событія не застали насъ врасплохъ. Въ рядѣ фракціонныхъ собраній была нами выработана опредѣленная линія поведенія. Большинство не считало возможнымъ перенапрягать струны и рѣшило ограничиться въ своихъ ультимативныхъ требованіяхъ самымъ необходимымъ минимумомъ, но уже на этомъ минимумѣ стоять твердо, его отстаивать всѣми средствами. Такимъ минимумомъ мы считали — на случай ссылки — разселеніе насъ въ г о р о д а х ъ , хотя бы уѣзд-

ныхъ, по линіи желѣзныхъ дорогъ. Въ современныхъ русскихъ условіяхъ это и дѣйствительно необходимо, чтобы не быть совершенно отрѣзаннымъ отъ общенія съ родными и культурнымъ міромъ.

За нѣсколько дней до новаго года насъ посѣтилъ замѣститель Держинскаго, фактическій предсѣдатель В. Ч. К. Уншлихтъ. Онъ заявилъ намъ, что всѣ меньшевистскія дѣла окончательно рѣшено ликвидировать. Ссылка въ Туркестанъ или куда бы то ни было отмѣняется. Товарищи, признанные больными, будутъ совершенно освобождены. Остальнымъ будетъ на время воспрещено жительство въ Москвѣ и промышленныхъ центрахъ; за этимъ исключеніемъ они будутъ свободны поселяться, гдѣ хотятъ, и поѣдутъ въ избранныя ими мѣста совершенно свободно, безъ всякаго конвоя. Всѣмъ, до пріисканія заработка, будетъ даваться пособіе въ размѣрахъ реальнаго прожиточнаго минимума. На мой вопросъ, будетъ-ли,—разъ ужъ большевики въ подражаніе старому режиму, вступили на путь ссылки, высылки изъ промышленныхъ районовъ и т. п. — допускаться замѣна этихъ репрессій, тоже по примѣрамъ, бывшимъ при царскомъ правительствѣ, выѣздомъ заграницу, Уншлихтъ отвѣчалъ неопредѣленно. Разошлись мы на томъ, что онъ доставитъ намъ на слѣдующій день списокъ мѣстностей, въ которыхъ намъ воспрещается пребываніе, мы же со своей стороны, обсудимъ новое положеніе дѣлъ.

Однако, ни на завтра, ни въ слѣдующіе дни обѣщаннаго Уншлихтомъ списка мы не получили, а тюремная администрація начала распространять слухи, что въ нашемъ дѣлѣ снова произошелъ поворотъ, что насъ рѣшено вообще освободить безъ всякихъ послѣдствій.

Такъ посреди всѣхъ этихъ слуховъ, приготовленій и волненій дѣло подошло къ новому году. Нѣсколькимъ с.-р.-амъ, сидѣвшимъ уже по второму и третьему году, было разрѣшено встрѣчать новый годъ въ конторѣ со своими родными. Изъ меньшевиковъ никто этой льготы не получилъ, и администрація опять таки объясняла это тѣмъ, что въ В. Ч. К. уже лежитъ ордеръ на наше освобожденіе, лишь по случайнымъ причинамъ не доставленный въ тюрьму своевременно.

Встрѣтили мы новый годъ весело. Сначала въ коридорахъ одиночнаго корпуса былъ устроенъ организованный домашними средствами литературно-музыкальный вечеръ. Потомъ мы раздѣлились по фракціямъ, и каждая фракція встрѣчала новый годъ особо: былъ ужинъ, удалось достать и немного вина. Говорились рѣчи, читалась юмористическая газета, посвященная тюремной жизни, пѣлись пѣсни. Съ часу ночи открылся общій «балъ», продолжавшійся до самаго утра. Въ разгаръ его появился въ корридорѣ пресловутый Самсоновъ, членъ президіума В. Ч. К., завѣдующій секретно-оперативнымъ отдѣломъ, человѣкъ грубый, жестокій, извѣстный своею злобною ненавистью къ соціалистамъ. Онъ

молча прошелъ по галлереямъ и такъ же молча удалился.

На третій день новаго года чекистъ, приставленный къ нашему одиночному корпусу, заявилъ намъ, что пріѣхалъ слѣдователь по нашимъ, меньшевистскимъ дѣламъ Рамишевскій и привезъ касающуюся насъ бумагу. Мы съ т. Николаевскимъ отправились въ контору, и тутъ Р. объявилъ намъ, что всѣ меньшевики «приговорены» постановленіемъ президіума В. Ч. К. къ ссылкѣ на 1 годъ, а члены Ц. К. нашей партіи на 2 года. При этомъ онъ предъявилъ намъ списокъ мѣстъ, которыя мы можемъ «выбирать» для поселенія. То были наиболѣе глухіе уѣзды отдѣльныхъ губерній Европейской и Азіатской Россіи, съ нарочитымъ подчеркиваніемъ, что и въ этихъ уѣздахъ мы не имѣемъ права селиться ни въ городахъ, ни по линіи желѣзныхъ дорогъ, ни въ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются фабрики или заводы. Для устройства дѣлъ никто не освобождается, и всѣмъ намъ было предложено немедленно собираться для перевода на Кисельный переулокъ, въ тюрьму М. Ч. К., гдѣ намъ до отъѣзда будутъ ежедневно даваться свиданія съ родными.

Это былъ открытый вызовъ, явное желаніе поставить насъ въ такія условія, при которыхъ была бы немыслима не только какая бы то ни было политическая дѣятельность, но и вообще сколько нибудь культурная жизнь, болѣе того — условія, обрекавшія насъ на голоданіе, болѣзни и вымираніе.

Мы потребовали немедленнаго пріѣзда въ тюрьму Уншлихта, указывая на то, что объявленное намъ постановленіе самымъ грубымъ образомъ противорѣчитъ тому, что онъ нѣсколько дней тому назадъ совершенно оффиціально говорилъ намъ, и что такому постановленію мы добровольно не подчинимся.

Мы требовали немедленной передачи нашего заявленія телефонограммой въ В. Ч. К. Приставленный къ тюрьмѣ чекистъ грубо отвѣтилъ, что онъ не обязанъ выполнять наши порученія, и что вообще подавать какія бы то ни было заявленія безполезно, такъ какъ все рѣшено окончательно, и никто къ намъ не пріѣдетъ: мы должны немедленно собираться, чтобы на завтра съ утра переѣзжать въ тюрьму М. Ч. К. Намъ все таки удалось черезъ тюремную администрацію добиться передачи нашего заявленія по телефону, но ни Уншлихтъ, ни кто-либо изъ другихъ членовъ президіума В. Ч. К. къ намъ не явился.

Тотчасъ же было устроено фракціонное собраніе. На немъ я, всегда крайне осторожно и скептически относившійся къ острымъ формамъ тюремной борьбы, первый предложилъ объявить голодовку. Положеніе было такъ ясно, что долгихъ преній не понадобилось, и голодовка была рѣшена почти единогласно. Былъ выбранъ особый комитетъ, на который было возложено руководство голодовкой и веденіе всякихъ переговоровъ въ ходѣ ея. Было рѣшено, что постановленія этого комитета являются окончательными;

они доводятся до свѣдѣнія голодающихъ и подлежатъ безусловному выполненію. Комитету же было предоставлено право объявить голодовку законченной, когда онъ признаетъ это нужнымъ.

Заключенные другихъ фракцій сейчасъ же предложили присоединиться къ намъ. Комитетъ просилъ ихъ воздержаться отъ этого, считая излишнимъ расширять рамки борьбы и, главнымъ образомъ, не желая вовлекать въ эту борьбу с.р.-овъ, положеніе и перспективы которыхъ, по доходившимъ до насъ свѣдѣніямъ, были значительно хуже нашихъ собственныхъ. Изъ совершенно точнаго и освѣдомленнаго источника намъ передали, что Каменевъ сказалъ: пусть попробуютъ с.-р.-ы пошевельнуть пальцемъ, и они увидятъ, какъ мы расправимся съ ними! Очевидно, въ то время въ распоряженіи большевиковъ уже былъ доносъ Семенова, послужившій предлогомъ для возбужденія процесса противъ вождей с.р.-ой партіи по обвиненію ихъ въ подготовленіи террористическихъ актовъ, возстаній и экспропріацій. Мы опасались, что, втянувъ с.-р.-овъ въ нашу борьбу, мы весьма ухудшимъ ихъ положеніе и дадимъ большевикамъ поводъ сорвать на нихъ свою мстительную злобу. Но изъ чувства товарищеской солидарности другіе заключенные все время рвались въ бой вмѣстѣ съ нами, и намъ много трудовъ стоило удержать ихъ отъ необдуманнаго шага. Комитетъ постановилъ, что въ голодовкѣ не участвуютъ и тѣ, 5 меньшевиковъ, членовъ Донского комитета нашей партіи, кото-

рые сидѣли въ качествѣ присужденныхъ къ 5-лѣтнему тюремному заключенію и ссылкѣ не подлежали.

Въ президіумъ В. Ц. И. К. комитетомъ было послано заявленіе, въ которомъ говорилось, что, убѣдившись въ намѣреніи большевиковъ не только политически парализовать соціалдемократію, но и физически истребить насъ, мы объявляемъ голодовку съ требованіемъ освободить насъ или предать гласному суду. Это была наша, такъ сказать, программа-максимумъ. Въ дальнѣйшемъ комитету было предоставлено право заключить компромисное соглашеніе, если для того найдется почва.

Голодовка началась съ утра 4-го января и проходила съ дисциплинированностью, рѣдкою въ тюремныхъ лѣтописяхъ. Разрѣшено было исключительно пить кипяченую воду или чай безъ сахара. Никакихъ исключеній не допускалось; при окончательномъ упадкѣ силъ и опасности для жизни голодающіе должны были отправляться въ больницу, но ни въ коемъ случаѣ не отступать отъ строгихъ правилъ голодовки въ тюрьмѣ: къ счастью, до этой крайности дѣло не дошло, хотя въ послѣдніе дни голодовки многіе чувствовали себя очень плохо, а нѣкоторые и долго спустя послѣ выхода на волю не могли оправиться отъ ея послѣдствій.

Всѣмъ голодающимъ было рекомендовано по возможности не выходить изъ своихъ камеръ и лежать. Члены комитета, остававшіеся все вре-

мя на ногахъ, нѣсколько разъ въ день обходили камеры, сообщая всѣ «новости» и исполняя различныя порученія. Санитарная служба, организованная изъ заключенныхъ-медиковъ, не принимавшихъ участія въ голодовкѣ, слѣдила за состояніемъ здоровья голодающихъ. Долженъ сказать сейчасъ же, что большинство, въ томъ числѣ и женщины, перенесло 6½ сутокъ полнаго голоданія превосходно. Я лично только первые два дня страдалъ отъ ощущенія голода. Немного отекли ноги, но въ общемъ до самаго послѣдняго дня я не ложился, читалъ, бесѣдовалъ и даже игралъ въ карты.

Первый день голодовки прошелъ тихо. Ни тюремная администрація, ни Ч. К. какъ будто не обращали на насъ ни малѣйшаго вниманія. Но намъ удалось въ этотъ первый день сдѣлать для своего дѣла очень многое: благодаря окружавшему насъ сочувствію мы неожиданно получили возможность установить регулярныя сношенія съ «волей». Ежедневно, а то и два раза въ день мы получали и отсылали письма: мы подробно писали обо всемъ, происходившемъ въ тюрьмѣ, и, въ свою очередь, получали подробныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлается на волѣ, въ частности — въ большевистскихъ сферахъ, гдѣ объявленіе нами голодовки вызвало переполохъ. Другая, въ высокой степени важная удача заключалась въ томъ, что нашимъ товарищамъ на волѣ удалось въ тотъ же день телеграфомъ освѣдомить о начавшейся голодовкѣ заграницу, обой-

дя весьма остроумнымъ способомъ (о немъ, разумѣется, умолчу) большевистскія цензурныя рогатки. Извѣстно, какую громадную — быть можетъ, рѣшающую — роль сыграла въ нашей судьбѣ кампанія протеста, поднятая въ связи съ голодовкою въ европейскихъ рабочихъ партіяхъ и рабочей печати. Благодаря тому же остроумному способу мы были въ общихъ чертахъ освѣдомлены о ходѣ этой кампаніи и о растерянности, которую она вызвала среди не ожидавшихъ такого оборота дѣла большевиковъ, а это, понятно, значительно укрѣпляло бодрость духа голодающихъ.

На второй день голодовки послѣ обѣда члены комитета были вызваны въ контору. Тамъ мы застали члена комитета политическаго Краснаго Креста Е. П. Пѣшкову. Она сказала намъ, что видѣлась съ Уншлихтомъ и теперь хочетъ побесѣдовать съ нами, чтобы узнать, на какихъ условіяхъ мы согласны прекратить голодовку, такъ какъ ни освобожденіе насъ, ни преданіе суду невозможно. Бесѣда продолжалась довольно долго, но была безрезультатна. Мы не считали возможнымъ пользоваться въ этомъ случаѣ посредничествомъ Краснаго Креста и твердили, что намъ нечего добавить къ тому, что мы писали въ своемъ заявленіи въ президіумъ В. Ц. И. К. Пѣшкова ушла огорченная. Мы же вывели изъ этого эпизода заключеніе, что олимпійское спокойствіе, обнаруживавшееся до сихъ поръ В. Ч. К., начинаетъ колебаться.

И дѣйствительно, на слѣдующій день къ вечеру явился Уншлихтъ. Онъ былъ сладокъ, какъ медъ, и выражалъ свое огорченіе: какъ это мы рѣшились на такой шагъ, даже не поговоривъ съ нимъ? — Но, вѣдь, Вашъ же агентъ заявилъ намъ, что никакихъ разговоровъ быть не можетъ, и что изъ В. Ч. К. никто не явится? — Это — недоразумѣніе, никто ему этого не поручалъ. — Точно такъ же оказалось «недоразумѣніемъ», что никто не можетъ быть выпущенъ на свободу для устройства дѣлъ, и что мы должны немедленно перебираться въ тюрьму М. Ч. К.: самый переводъ нашъ на Кисельный переулокъ былъ предложенъ лишь для нашего «удобства»; если же мы не хотимъ воспользоваться этимъ «предложеніемъ», то это — наше дѣло, неволить насъ никто не станетъ.

Но какъ же объяснить грубое противорѣчіе между тѣмъ, что Уншлихтъ намъ говорилъ до новаго года, и объявленнымъ нынѣ постановленіемъ? Какимъ образомъ вмѣсто ограниченнаго списка мѣстностей, въ которыхъ намъ жительство воспрещается, и предоставленія права свободнаго выбора мѣста жительства за этими предѣлами, явился ограниченный списокъ мѣстностей, гдѣ намъ жить разрѣшается? На эти вопросы Уншлихтъ опредѣленнаго отвѣта не давалъ, какъ не отвѣчалъ и на вопросъ, почему насъ не предаютъ суду. Онъ сказалъ только: «къ сожалѣнію, я вполнѣ откровенно говорить съ вами не могу, потому что каждое слово мое по-

томъ появляется въ «Соціалистическомъ Вѣстникѣ». Что же касается существа дѣла, то У. сказалъ, что постановленіе можно измѣнить. А именно, онъ предлагаетъ намъ: 1) для поселенія нашего намъ предлагаются три уѣздныхъ города: Кашинъ Тверской губерніи, Любимъ Ярославской и Коротояки Воронежской; 2) ѣхать туда мы можемъ свободно, безъ конвоя; 3) семьи могутъ ѣхать съ нами на казенный счетъ; 4) до пріисканія заработка мы будемъ получать ежемѣсячное пособіе въ размѣрѣ 750.000 рублей; 5) намъ будетъ разрѣшена служба въ правительственныхъ учрежденіяхъ, о чемъ будутъ поставлены въ извѣстность мѣстныя Ч. К.; 6) желающимъ будетъ разрѣшенъ выѣздъ за-границу съ семьями на казенный счетъ; 7) больные будутъ совершенно освобождены; 8) всѣ будутъ освобождены на 3 дня для устройства своихъ дѣлъ.

Разговоръ съ У. убѣдилъ насъ въ томъ, что позиція В. Ч. К. пошатнулась. Чтобы выяснить размѣры уступокъ, какихъ вообще можно добиться въ данный моментъ, мы заявили, что ничего отвѣтить безъ обсужденія съ товарищами комитетъ не можетъ. Но во всякомъ случаѣ мы не думаемъ, чтобы они удовлетворились уѣздными городками, одинъ изъ которыхъ — Коротояки — вообще можно считать не существующимъ, такъ какъ онъ основательно разрушенъ въ ходѣ гражданской войны, какъ разрушена 25-верстная желѣзнодорожная вѣтка, на которой онъ стоитъ. На это Уншлихтъ отвѣтилъ, что къ перечислен-

нымъ тремъ городамъ можно прибавить и одинъ губернскій — Вологду. — Хотите, условимся, что вы всѣ поселитесь въ Вологдѣ? — Мы посмѣялись: что-же это, В. Ч. К. хочетъ сразу создать въ Вологдѣ такую сильную соціалдемократическую организацію? Мы во всякомъ случаѣ не думаемъ, чтобы при нынѣшнихъ условіяхъ могли найти квартиры и устроиться въ Вологдѣ 45 человѣкъ съ семьями! Кончили мы тѣмъ, что въ виду неоднократно уже обнаруживавшихся «недоразумѣній» съ тѣмъ, что намъ говорится на словахъ, мы лишь тогда внесемъ сдѣланныя намъ предложенія на обсужденіе товарищей и дадимъ свой отвѣтъ, когда будемъ имѣть письменную формулировку этихъ предложеній. Хорошо, я сейчасъ въ конторѣ напишу все, что вамъ сказалъ, и пришлю вамъ, отвѣтилъ Уншлихтъ, и на этомъ мы разстались.

Это былъ день свиданій, и всѣ свободныя комнаты при конторѣ были заняты заключенными и пришедшими къ нимъ родными. Всѣ мы чувствовали себя еще очень бодрыми и потому своимъ правомъ свиданій воспользовались. Кое кто при этомъ слышалъ, какъ въ сосѣднемъ кабинетѣ Уншлихтъ говорилъ по телефону — съ кѣмъ, было неизвѣстно, но отдѣльныя слова были разобраны. У. говорилъ своему собесѣднику: «они на это, видимо, не согласятся. Надо будетъ прибавить еще города». Разговоръ по телефону продолжался довольно долго, но больше ничего разслышать не удалось. Изъ конторы

Уншлихтъ вскорѣ уѣхалъ, такъ и не написавъ обѣщанной намъ бумаги.

На слѣдующій день вечеромъ мы все-же эту бумагу получили: ее принесъ намъ начальникъ тюрьмы. Все въ ней было написано такъ, какъ говорилъ Уншлихтъ, но только обѣщанная Вологда исчезла изъ списка разрѣшаемыхъ намъ городовъ.

Обсудивъ положеніе, мы рѣшили голодовку продолжать. Насколько мы были въ этомъ правы, и насколько вообще В. Ч. К. легкомысленно и съ полнымъ произволомъ относилась къ участи людей, судьбою которыхъ распоряжалась, видно изъ того, что на 4-ый день голодовки неожиданно получился ордеръ на полное освобожденіе 7—8 товарищей, за 4 дня до того «приговоренныхъ» къ ссылкѣ. Особенно характерно для образа дѣйствій Ч. К. освобожденіе т. Бинштока. Это ему было еще до общаго рѣшенія нашей судьбы вручено постановленіе Ч. К. о ссылкѣ его на 1 годъ въ Марійскую область, т.-е. въ совершенно некультурную и притомъ голодную и зараженную сыпнымъ тифомъ мѣстность, съ воспрещеніемъ къ тому же жительства въ единственномъ городкѣ этой области — Краснококшайскѣ (б. Царевококшайскъ). Черезъ какихъ нибудь 2 недѣли въ общемъ «приговорѣ» т. Бинштокъ одинъ изъ всѣхъ заключенныхъ соціалдемократовъ попалъ вмѣстѣ съ членами нашего Центральнаго Комитета въ категорію особо вредныхъ лицъ, которыя высылались не

на 1, а на 2 года. А еще черезъ 4 дня, послѣ 11-мѣсячнаго заключенія, онъ былъ освобожденъ безъ всякихъ послѣдствій. Это уже явно отдавало самодурствомъ.

По постановленію комитета всѣ, получившіе ордеръ на освобожденіе, немедленно голодовку прекратили и, немного подкрѣпивъ свои силы, на слѣдующій день послѣ обѣда покинули тюрьму.

На 5-ый день насъ посѣтилъ врачъ В. Ч. К. въ сопровожденіи помощницы Самсонова, нѣкоей Андреевой, немолодой уже женщины, отъ которой впослѣдствіи я узналъ, что она кончила два факультета — медицинскій и юридическій: такая бездна премудрости и въ итогѣ—«работа» подъ руководствомъ грубаго и безграмотнаго чрезвычайника! Врачъ осматривалъ всѣхъ голодающихъ безъ исключенія и что-то записывалъ. Андреева сидѣла, молча, угрюмо наблюдая за дѣйствіями врача, и только, когда онъ мнѣ сказалъ: на ногахъ отеки, она сердито буркнула: ну, во всякомъ случаѣ небольшіе!

10-го января на 7-ой день голодовки часа въ 4 дня снова появился Уншлихтъ, опять необычайно мягкій и любезный. Онъ сказалъ, что пришелъ съ тѣми послѣдними уступками, которыя большевистское правительство считаетъ возможнымъ еще сдѣлать въ дополненіе къ тѣмъ, которыя были формулированы на бумагѣ, раньше намъ врученной: 1) вмѣсто трехъ уѣздныхъ городовъ намъ предлагаются на выборъ два гу-

бернскихъ — Вятка и Сѣверодвинскъ (б. Великій Устюгъ); Вологду «по нѣкоторымъ соображеніямъ» предоставить намъ считается невозможнымъ; 2) всѣ освобождаются для устройства дѣлъ не на 3, а на 7 дней, причемъ провинціаламъ предоставляется возможность съѣздить на такой же срокъ къ себѣ домой. «Такъ какъ вы словеснымъ заявленіямъ не довѣряете, то я вамъ тутъ же это напишу», сказалъ У. и, взявъ листъ бумаги, дѣйствительно записалъ эти «уступки», тутъ же скрѣпивъ ихъ своею подписью. Затѣмъ онъ прибавилъ, что, въ дополненіе къ ранѣе освобожденнымъ, будутъ еще освобождены по болѣзни тт. Николаевскій, Дмитріева и Налоевъ, а также, что многосемейнымъ рабочимъ (изъ числа смоленскихъ товарищей) будетъ предоставлена возможность поселиться въ уѣздныхъ городахъ и деревняхъ Смоленской губерніи, если они того пожелаютъ. Мы имѣли неосторожность не настаивать на немедленномъ письменномъ закрѣпленіи этихъ дополнительныхъ «уступокъ», и, я долженъ тутъ же добавить, были постыдно обмануты: оба обѣщанія Уншлихта исполнены не были.

Вручивъ намъ бумагу, У. сказалъ, что будетъ ждать въ конторѣ нашего отвѣта. Съ воли намъ дали знать, что Политическое Бюро Центр. Комитета большевиковъ, все время и являвшееся рѣшающею инстанціею въ нашемъ дѣлѣ, приняло формулированныя Уншлихтомъ уступки лишь 3 голосами противъ 2, при рѣшительномъ

сопротивленіи Троцкаго, настаивавшаго на самой крутой расправѣ съ нами, и постановило, что уступки эти — крайній предѣлъ, до котораго можно идти.

Было очевидно, что дальнѣйшая борьба потребуетъ громадныхъ жертвъ, а результаты ея представлялись весьма сомнительными. Съ другой стороны, мы могли констатировать, что добились уже весьма значительныхъ успѣховъ и въ достаточной степени использовали и политически созданное большевиками положеніе для того, чтобы раскрыть глаза и иностраннымъ, и русскимъ рабочимъ. Намъ было извѣстно, что въ ночь съ 9 на 10 января наша московская организація расклеила по стѣнамъ города нелегальный листокъ о нашей голодовкѣ съ призывомъ къ протесту. Одинъ такой листокъ висѣлъ и на стѣнахъ Бутырокъ: его часовъ въ 12 дня сорвалъ начальникъ тюрьмы. На фабрикахъ и заводахъ пошли оживленные толки о преслѣдованіи соціалдемократовъ и о голодовкѣ.

Обсудивъ положеніе и оцѣнивъ достигнутые уже результаты, комитетъ постановилъ голодовку съ 6 ч. дня прекратить. Немедленно дано было знать о постановленіи комитета голодающимъ, которые и приступили къ пріему пищи подъ наблюденіемъ нашего санитарнаго надзора, причемъ было рѣшено, что, подкрѣпившись, заключенные начнутъ выходить на свободу съ 11-го января. Многіе остались еще на

2—3 дня, отчасти чувствуя себя сильно ослабѣвшими, отчасти по просьбѣ другихъ заключенныхъ, которые проектировали 12-го января устройство елки и вечеринки. Было очень больно и грустно покидать въ тюрьмѣ товарищей по заключенію, съ которыми мы столько мѣсяцевъ дѣлили радость и горе, и всѣ, кого не ждали въ Москвѣ родные, рѣшили добровольно продлить свое пребываніе въ тюрьмѣ, чтобы провести съ остающимися этотъ прощальный вечеръ.

Я спустился въ контору, чтобы сообщить Уншлихту о нашемъ рѣшеніи. Онъ предложилъ мнѣ, если я желаю, сейчасъ же подписать ордеръ на мое освобожденіе и прислать черезъ часъ автомобиль, чтобы отвезти меня домой. У меня не хватило духу оставаться въ тюрьмѣ лишніе нѣсколько часовъ, и я согласился.

Проглотивъ наскоро стаканъ горячаго кофе— на этотъ разъ съ сахаромъ! — я въ 7 часовъ вечера покидалъ нашъ МОК. По установившемуся обычаю товарищи провожали меня пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Голова кружилась — не только отъ слабости, но и отъ сложности нахлынувшихъ впечатлѣній. Къ радости освобожденія, къ чувству удовлетворенія отъ одержанной побѣды примѣшивалась горечь обиды за всѣхъ остающихся, среди которыхъ столько людей, всю жизнь свою положившихъ на дѣло революціи и теперь цѣпко захваченныхъ лапами безсовѣстной чрезвычайки. Что то ждетъ ихъ впереди?

Согласно письменной формулировкѣ условій, подписанной Уншлихтомъ, каждый изъ насъ черезъ 7 дней послѣ выхода изъ тюрьмы долженъ былъ явиться въ секретно-оперативный отдѣлъ В. Ч. К. Такъ какъ при освобожденіи насъ не опрашивали, кто куда намѣренъ ѣхать — въ Вятку, Сѣверодвинскъ или заграницу, — и въ то же время насъ не обязали являться въ В. Ч. К. ранѣе истеченія 7-дневнаго срока, то мы не видѣли никакихъ причинъ забѣгать впередъ, откладывая всѣ разговоры объ окончательномъ опредѣленіи нашей судьбы до явки въ В. Ч. К. Часть товарищей начала разъѣзжаться по провинціи, причемъ въ командировочныхъ свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ В. Ч. К., оговаривалось, что они имѣютъ право пробыть у себя дома полныхъ 7 дней безъ зачета времени, нужнаго на путешествіе туда и обратно.

Я оставался въ Москвѣ, пользуясь случаемъ не только принять участіе въ устройствѣ нашихъ партійныхъ дѣлъ, но и присмотрѣться немного къ тому, какой видъ приняла коммунистическая столица за тотъ годъ, что я не видѣлъ ее, годъ, прошедшій подъ знакомъ «новой экономической политики». Наблюденія дали мнѣ мало утѣшительнаго. Чуть не въ каждомъ домѣ открылась торговля. Но — увы! — все это почти сплошь были «колоніально-гастрономическіе» магазины, булочныя, кондитерскія, кафэ, т.-е. лавки и заведенія, разсчитанныя на потребленіе весьма состоятельныхъ людей. У прилавковъ

кондитерскихъ стояли часто небольшіе хвосты, и покупатели платили въ кассу за пирожныя милліоны. Торговля явно служила, главнымъ образомъ, роскоши «новыхъ богачей», безстыдно выдѣлявшейся на фонѣ общаго обнищанія и чудовищнаго голода, смутные отголоски котораго долетали до Москвы въ видѣ сообщеній о массовой смертности, объ ужасныхъ случаяхъ людоѣдства и т. д. Но все это воспринималось какъ будто вѣсти съ другой планеты, а Москва веселилась, угощалась пирожными, прекрасными конфетами, фруктами и деликатессами. Театры и концерты были набиты, дамы стали снова щеголять роскошными нарядами, мѣхами, брилліантами. «Спекулянтъ», которому вчера грозилъ разстрѣлъ и который тихо жался къ сторонкѣ, стараясь, чтобы никто не замѣтилъ его, сегодня чувствовалъ себя именинникомъ и гордо выставлялъ на показъ свое богатство и свою роскошь. Это сказывалось во всѣхъ мелочахъ обихода: впервые послѣ столькихъ лѣтъ довелось услышать изъ устъ извощиковъ, кельнеровъ въ кафэ, носильщиковъ на вокзалѣ совсѣмъ было исчезнувшее изъ обихода рабское обращеніе — «баринъ».

Въ разговорахъ то и дѣло приходилось слышать о колоссальныхъ жалованьяхъ («въ золотой валютѣ»), объ умопомрачительныхъ «комиссіонныхъ» при продажахъ и покупкахъ, производимыхъ государственными учрежденіями, о неслыханномъ взяточничествѣ и т. д. Мнѣ при-

ходилось бывать въ кабинетѣ одного хорошаго знакомаго, человѣка испытанной честности, завѣдывавшаго однимъ «хозяйственнымъ» государственнымъ учрежденіемъ. При мнѣ приходили служащіе съ докладами, поставщики, комиссіонеры и т. д., и я, шутя, сказалъ своему пріятелю, что мнѣ кажется, будто я попалъ не въ государственное учрежденіе, а въ контору какого то темнаго торговаго дома плохой репутаціи: до такой степени густа была атмосфера наживы и «подмазки», безъ которой не двигалось ни одно дѣло.

А между тѣмъ, достаточно было самаго поверхностнаго наблюденія, чтобы убѣдиться, что въ смыслѣ постановки и укрѣпленія производства за этотъ годъ ничего не сдѣлано; что по существу идетъ лишь прежнее распредѣленіе запасовъ, оставшихся со стараго времени, съ тою только разницею, что количество участниковъ дѣлежа значительно уменьшилось: такъ какъ потребленіе стало «платящимъ», то и участниками его стали лишь тѣ «верхнія десять тысячъ», у которыхъ есть, чѣмъ платить. Главная же масса населенія—рабочіе и служащіе—переведена съ натуральныхъ пайковъ на денежное жалованіе, недостаточное для самаго голоднаго существованія. Кромѣ того, «хозяйственный разсчетъ» вызвалъ всюду «сокращеніе штатовъ». Появилась безработица, а масса барышенъ, наполнявшихъ раньше совѣтскія канцеляріи, была выброшена на улицу безъ всякой надежды на

какой бы то ни было заработокъ. И на улицѣ это сказалось: Тверская была опять полна молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, пользовавшихся «свободою торговли» для продажи того, что у нихъ только и оставалось, — своего тѣла.

«Гастрономическій» характеръ московской торговли рѣзко бросался въ глаза. Рѣдко-рѣдко попадались лавки съ другими товарами — за исключеніемъ женскихъ шляпокъ, которыя продавались въ весьма изрядномъ количествѣ магазиновъ. Зашелъ я какъ то въ МУМ — Междувѣдомственный Универсальный Магазинъ, занимавшій нѣсколько лавокъ въ бывшихъ Среднихъ торговыхъ рядахъ. Мнѣ нужна была самая обыкновенная подкладка и костяныя пуговицы: ни того, ни другого не оказалось въ магазинѣ, куда снесли свои богатства всѣ центральныя хозяйственныя учрежденія Московскаго государства! На прилавкахъ лежала мелкая галантерейная дрянь такого качества, какою прежде торговали только въ самыхъ захудалыхъ деревенскихъ лавкахъ.

Я успѣлъ лишь бѣгло присмотрѣться къ Москвѣ «новой экономической политики». Но то, что я видѣлъ, произвело на меня самое удручающее впечатлѣніе: ни на іоту хозяйственнаго прогресса, и быстро подвигающееся впередъ морально-политическое разложеніе.

Недѣля на свободѣ промелькнула быстро. 16-го января, въ понедѣльникъ, я пошелъ въ В. Ч. К. Меня направили къ нашему слѣдова-

телю Рамишевскому. Этотъ насквозь фальшивый человѣкъ, совершенно не стѣснявшійся говорить неправду прямо въ лицо, принялъ меня крайне любезно. Я заявилъ ему, что рѣшилъ ѣхать заграницу и, такъ какъ скорые поѣзда идутъ только по понедѣльникамъ и четвергамъ, то предполагаю выѣхать въ слѣдующій понедѣльникъ, почему и прошу приготовить къ тому времени всѣ бумаги, нужныя для меня и моей жены. Р. сказалъ, что все будетъ сдѣлано, но что онъ долженъ еще пойти куда-то справиться. Вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, онъ заявилъ мнѣ, что, по распоряженію президіума, ѣхать я и всѣ тѣ товарищи, которые рѣшились на заграничную поѣздку, должны не позже четверга, 19-го января.

Причины такой спѣшки были довольно прозрачны: 20-го должны были начаться перевыборы въ Московскій совѣтъ, и власти предержащія боялись меньшевиковъ, какъ огня, о чемъ болѣе простоватые или болѣе откровенные коммунисты говорили совершенно открыто. Я, однако же рѣшительно протестовалъ противъ такой скоропалительности: въ оставшіеся 2 дня немыслимо уладить всѣ личныя дѣла. Р. поддакивалъ, говорилъ, что онъ положительно не понимаетъ, какъ можно предъявлять такія несуразныя требованія и т. д. Подъ конецъ онъ предложилъ доложить о моемъ протестѣ предсѣдателю Ч. К. Уншлихту. Вскорѣ онъ вернулся съ Андреевой, которая категорически за-

явила, что ни о какой отсрочкѣ рѣчи быть не можетъ, что Ч. К. сама берется изготовить всѣ нужные документы, получить иностранныя визы, обезпечить мѣста въ вагонѣ и т. д., а личныя дѣла не касаются ея: я могу устраивать ихъ, какъ хочу. Я потребовалъ все таки, чтобы самъ Уншлихтъ далъ опредѣленный отвѣтъ. Андреева сходила къ нему и съ его словъ подтвердила, что ѣхать надо 19-го. Желаніе во что бы то ни стало ослабить меньшевиковъ на время выборовъ въ Московскій совѣтъ было такъ велико, что отъ товарищей, позже вышедшихъ изъ тюрьмы и явившихся поэтому 17-го и 18-го января, для которыхъ Ч. К. не бралась устроить паспорта къ 19-му, Андреева потребовала немедленнаго выѣзда куда-либо въ провинцію, для чего имъ были выданы командировки и безплатные проѣздные билеты!

Пришлось собираться наспѣхъ и 17-го снова явиться въ В. Ч. К. для заполненія анкетныхъ листовъ и пр. Всего насъ, кандидатовъ на выѣздъ заграницу, было 11 человѣкъ, въ томъ числѣ двое были съ женами, а одинъ — съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми. Андреева пригласила меня къ себѣ въ кабинетъ и сочла нужнымъ пояснить, что выѣздъ въ назначенный срокъ совершенно необходимъ, но что она, съ своей стороны, готова сдѣлать все, что въ ея силахъ для облегченія нашего положенія. Я отвѣтилъ, что по ея поведенію до сихъ поръ это трудно было замѣтить. Тогда она обиженнымъ

тономъ возразила: неужели Вы думаете, что мы можемъ забыть о томъ, что мы съ меньшевиками были въ одной партіи и вмѣстѣ работали? Къ меньшевикамъ мы никогда не будемъ относиться такъ, какъ, напр., къ с.-р-амъ и анархистамъ. — Признаться, я подумалъ, что довольно таки трудно установить, въ чемъ заключается разница, но съ интересомъ слушалъ дальнѣйшее повѣствованіе Андреевой о себѣ, о томъ, что она окончила два факультета — медицинскій и юридическій, что въ Ч. К. ее командировала партія, но что пошла она только тогда, когда было объявлено объ обязательности «революціонной законности» и т. д. и т. д. Какъ это ни странно, но я вынесъ самое положительное впечатлѣніе, что говоритъ она искренно. Но только — это, повидимому, одинъ изъ столь нерѣдкихъ случаевъ «двойной» искренности, истерической способности быть одинаково «искреннимъ» при самыхъ противоположныхъ и даже взаимно исключающихъ другъ друга чувствахъ и дѣйствіяхъ.

Какъ бы то ни было, я долженъ признать, что втеченіе двухъ дней Андреева обнаруживала величайшую заботливость и внимательность насчетъ всего, что касалось удобствъ предстоящаго намъ путешествія, — конечно, въ предѣлахъ того, что возможно сдѣлать при такой горячкѣ.

Поѣздъ отходилъ въ седьмомъ часу вечера. Дѣло нѣсколько осложнялось тѣмъ, что 19-е января — Крещеніе, день, и въ совѣтской практикѣ считающійся праздничнымъ. Тѣмъ не ме-

нѣе намъ было сказано, что мы должны явиться въ 12 часовъ дня за полученіемъ документовъ и денегъ. Къ этому сроку, однако, ничего не было готово, и насъ просили придти къ 4 часамъ дня. Но часа въ 3 Андреева по телефону сообщила мнѣ, что латышское консульство отказалось визировать наши паспорта, пока не будетъ получена виза изъ Германіи, и что поэтому ѣхать сегодня нельзя. Что будетъ дальше, она еще не знаетъ. Мы условились, что я позвоню ей часовъ въ 11 вечера. Вечеромъ она мнѣ сказала, что завтра утромъ всѣ мы получимъ бумагу отъ президіума В. Ч. К. съ опредѣленными указаніями. Я спросилъ, можно ли разсчитывать на отъѣздъ въ понедѣльникъ. Она отвѣтила, что не знаетъ, но что все, что можно будетъ, будетъ сдѣлано.

На слѣдующій день часовъ около 12 дѣйствительно явились два посланца изъ В. Ч. К. и предъявили мнѣ и находившемуся у меня Б. Николаевскому бумагу такого содержанія: Въ виду отказа латышскаго представительства въ визѣ выѣздъ заграницу представляется невозможнымъ. Посему предлагается Вамъ на этой же бумагѣ указать, какой городъ Вы выбираете для жительства — Вятку или Сѣверодвинскъ, и явиться сегодня же въ 2 часа дня съ вещами къ коменданту В. Ч. К. для отправки въ избранное Вами мѣсто.

На этой бумагѣ я написалъ приблизительно такое заявленіе: возможность выѣзда заграни

17*

была однимъ изъ обязательствъ, взятыхъ на себя Совѣтскимъ правительствомъ при прекращенiи нами голодовки. Его дѣло было думать о томъ, можетъ-ли оно на себя такое обязательство принимать. Я же требую его безусловнаго выполненiя, отказъ отъ него считаю актомъ вѣроломства и новому предписанiю В. Ч. К. добровольно не подчинюсь. — Однородное заявленiе написалъ и т. Николаевскiй.

Сейчасъ же послѣ ухода чекистовъ я вызвалъ по телефону Андрееву и, изливъ въ не особенно изысканныхъ выраженiяхъ свои чувства по поводу новой выходки В. Ч. К., категорически заявилъ ей, что ни въ 2 часа, ни позже къ коменданту не явлюсь и никуда не поѣду. Она пробовала что то говорить насчетъ безвыходности положенiя Ч. К., но такъ какъ это меня нисколько не убѣждало, то разговоръ кончился ея заявленiемъ, что, если я не явлюсь, то буду арестованъ. — Ваше дѣло! бросилъ я и положилъ телефонную трубку.

Освѣдомивъ по телефону о происшедшемъ всѣхъ товарищей, какихъ я могъ, я остался ждать дальнѣйшихъ событiй посреди упакованныхъ и увязанныхъ еще со вчерашняго дня чемодановъ и сундуковъ.

Часа въ 4 нагрянула цѣлая компанiя «гостей» съ ордеромъ на мой арестъ. Я одѣлъ пальто и сказалъ, что готовъ идти. — А вещи? Вѣдь, сегодня вечеромъ поѣдете въ Вятку! — Я добровольно никуда не поѣду, а если хотите, мо-

жете везти меня безъ вещей. — Чекистъ пытался было уговорить меня, но скоро убѣдился, что это безполезно. Оставивъ засаду ожидать т. Николаевскаго, онъ вышелъ вмѣстѣ со мною и двумя красноармейцами, и въ ожидавшемъ насъ автомобилѣ мы отправились въ Ч. К.

Здѣсь комендантъ подтвердилъ, что часа черезъ 3 надо ѣхать и, въ ожиданіи, помѣстилъ меня въ небольшую каморку, предназначенную, судя по надписи на дверяхъ, для водопроводчиковъ, которыхъ куда то удалили, хотя время отъ времени они заходили за инструментами, хранившимися въ шкафу. Кромѣ шкафа вся мебель состояла изъ стола и двухъ стульевъ.

Черезъ часъ сюда же привели Николаевскаго, а еще нѣкоторое время спустя одну изъ товарищей-женщинъ — Е. И. Грюнвальдъ. У нея оказались съ собою кое какіе съѣстные припасы. Красноармеецъ сходилъ за кипяткомъ, и мы сѣли пить чай.

Часовъ въ 9 явился къ намъ одинъ молодой чекистъ. Мы спросили его, когда же насъ повезутъ. Помявшись немного, онъ сказалъ: я ничего говорить вамъ не могу, только кажется, что дѣло ваше повернулось къ лучшему. — Мы уже и безъ того видѣли, что сегодня насъ никуда не повезутъ: часъ отхода поѣзда на Вятку прошелъ. Изъ словъ чекиста мы поняли, что, пожалуй, поѣздка наша въ Вятку совершенно отмѣнена. Мы стали требовать, чтобы насъ перевели куда нибудь, гдѣ можно лечь. На это че-

кистъ сказалъ, что ему не хочется переводить насъ въ пресловутую «внутреннюю тюрьму» и потому лучше ужъ намъ какъ нибудь потерпѣть. Мы согласились и до утра просидѣли безъ сна въ своей каморкѣ.

Утромъ насъ всѣхъ троихъ помѣстили въ одной изъ трехъ больших комнатъ, отведенныхъ для заключенныхъ при комендатурѣ и расположенныхъ во дворѣ. Тутъ было довольно чисто и просторно. Днемъ къ намъ неожиданно явился новый сотоварищъ по заключенію: это былъ Ежовъ, братъ моей жены. Разскажу вкратцѣ исторію его ареста, такъ какъ она въ высшей степени характерна для безцеремонности и произвола Ч. К. Ежовъ , членъ нашего Ц. К-та, былъ, вмѣстѣ со всѣми, арестованъ, въ февралѣ 1921 года, сидѣлъ съ нами въ Бутыркахъ, но еще въ декабрѣ, до нашей голодовки, былъ освобожденъ по болѣзни. Въ спискѣ «приговоренныхъ» къ ссылкѣ его не было, и въ послѣднемъ разговорѣ съ нами Уншлихтъ упоминалъ его имя въ числѣ тѣхъ товарищей нашихъ, которые освобождены безъ всякихъ послѣдствій. Попалъ же онъ въ нашу камеру слѣдующимъ образомъ: Андреева назначила по телефону свиданіе моей женѣ, чтобы поговорить о дальнѣйшей судьбѣ нашей. По нездоровью жены на это свиданіе въ Ч. К. отправился ее братъ — Ежовъ. Андреева приняла его, сказала ему, что пока ничего еще неизвѣстно, но что предприняты новые шаги для полученія визы

отъ латвійскаго правительства, такъ что, быть можетъ, мы еще поѣдемъ заграницу. Такимъ образомъ, черезъ 24 часа послѣ нашего энергичнаго протеста оказалось возможнымъ то, что наканунѣ было офиціально объявлено невозможнымъ и, по мнѣнію Совѣтскаго правительства, освобождало его отъ данныхъ имъ обязательствъ! Андреева добавила, однако, что, въ виду отказа нашего подчиниться распоряженію В. Ч. К., мы до самого отъѣзда будемъ содержаться подъ арестомъ. Логики тутъ было мало, такъ какъ новымъ заявленіемъ представительницы В. Ч. К. подчеркивалась произвольность и недобросовѣстность постановленія о ссылкѣ насъ въ Вятку въ виду «невозможности» выѣзда заграницу, но логики искать было и незачѣмъ: ни для кого не было тайной, что «корень вещей» — въ перевыборахъ въ Московскій совѣтъ.

Ежовъ ушелъ изъ В. Ч. К., но на Лубянской площади былъ арестованъ двумя чекистами, предъявившими ему безымянный ордеръ на арестъ «меньшевиковъ, скрывающихся отъ слѣдованія въ ссылку». Протесты его не помогли. Онъ былъ доставленъ къ намъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ 10 дней, былъ выпущенъ съ извиненіемъ, что произошло «недоразумѣніе», такъ какъ отъ ссылки онъ не могъ «скрываться» уже по той простой причинѣ, что ни о какой ссылкѣ ему объявлено не было. При этой оккaзіи ему неожиданно сообщили, что и онъ подлежитъ вы-

сылкѣ на 2 года. Тяжелая болѣзнь, заставившая Ежова лечь въ санаторію, вынудила Ч.К. отсрочить высылку, но въ концѣ апрѣля Ежовъ былъ снова арестованъ и на третій день голодовки, объявленной имъ въ знакъ протеста, безъ вещей подъ конвоемъ отправленъ въ Вятку.

Ежовъ сообщилъ намъ, что всѣ остальные товарищи, заявившіе о желаніи ѣхать заграницу, — кромѣ выѣхавшихъ въ провинцію, — рѣшили скрываться. Позже мы узнали, что всѣ поѣхавшіе въ провинцію были тамъ по телеграммѣ В. Ч. К. арестованы и затѣмъ привезены въ Москву. Арестовывались по мѣрѣ явки и скрывавшіеся. Тѣ провинціалы, которые не поспѣли воспользоваться разрѣшеніемъ выѣзда заграницу до начала апрѣля, по совершенно произвольному распоряженію В. Ч. К. были лишены этого права: моментъ податливости и напуганности международнымъ движеніемъ протеста прошелъ, и всѣ «уступки» стали, по возможности, отбираться обратно.

Въ нашей камерѣ мы просидѣли вчетверомъ 6 дней. Когда выяснилось, что мы все таки ѣдемъ заграницу, родные принесли намъ вещи и съѣстные припасы. Стали давать намъ и свиданія. Всѣми нашими дѣлами по отправкѣ завѣдывала по прежнему Андреева, но она тщательно избѣгала видѣться съ нами.

Упомяну еще о двухъ характерныхъ встрѣчахъ. Какъ то на третій или четвертый день открывается дверь нашей камеры, и комендантъ

вводитъ къ намъ двухъ пожилыхъ «гостей». То были Е. Д. Кускова и С. Н. Прокоповичъ, виднѣйшіе дѣятели Общественнаго Комитета Помощи Голодающимъ, съ такою помпою открытаго въ свое время большевистскимъ правительствомъ, желавшимъ демонстрировать свое «единеніе» съ «общественными силами». Какъ извѣстно, комитетъ былъ вскорѣ закрытъ, члены его публично обвинялись чуть не въ сношеніяхъ съ Антантою, поговаривали даже о возможности разстрѣла... Кончилось тѣмъ, что «главари и зачинщики» просидѣли значительное время въ тюрьмѣ (Кускова и Прокоповичъ провели, между прочимъ, нѣсколько дней съ нами въ Бутыркахъ) и затѣмъ были сосланы въ сѣверныя губерніи. Кускова и Прокоповичъ попали въ Вологду. Но только что успѣли они тамъ обжиться и устроиться, какъ мѣстные чрезвычайники начали тѣснить ихъ. Причинъ тому было двѣ: во-первыхъ, показалось опаснымъ вліяніе, какимъ стали пользоваться ссыльные на мѣстныхъ дѣятелей, въ особенности на кооператоровъ,—а извѣстно, вѣдь, что съ «новой экономической политикой» большевики стараются «возродить кооперацію», но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы кооператоры вели себя, какъ послушные чиновники. Но была и вторая причина гнѣва мѣстной чрезвычайки: въ Вологдѣ помѣщеній очень мало, и дома, не ремонтировавшіеся втеченіе ряда лѣтъ, зачастую полуразрушены. Чтобы найти себѣ пріютъ, Кусковой и

Прокоповичу пришлось за собственный счетъ отремонтировать пустовавшій домикъ. Но какъ только они это сдѣлали, домикъ приглянулся одному изъ мѣстныхъ вліятельныхъ чрезвычайниковъ, который и началъ выживать ихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Въ результатѣ — телеграмма изъ В. Ч. К. о переводѣ К. и П. въ Казань — городъ голодный и сыпнотифозный. По дорогѣ въ Казань они попали въ нашу гостепріимную камеру. Тутъ ихъ вызывали на «допросъ», и въ концѣ концовъ назначили имъ мѣстомъ жительства уѣздный городъ Кашинъ Тверской губерніи и разрѣшили провести въ Москвѣ 3 дня, съ тѣмъ, чтобы они за эти дни ни подъ какимъ предлогомъ изъ дому на улицу не выходили.

Была и другая встрѣча. Очистили какъ то сосѣднюю камеру и скоро водворили туда цѣлую партію молодыхъ женщинъ и мужчинъ — человѣкъ 15. Это были лѣвые с.-р-ы и анархисты, уже годъ просидѣвшіе въ Орловской тюрьмѣ. Всѣ они были измучены, истощены. Куда ихъ везутъ, они не знали. Скоро выяснилось, однако, что въ Ярославскую тюрьму—зачѣмъ и надолго-ли, неизвѣстно. Дня черезъ 2—3 ихъ всѣхъ усадили въ мрачный тюремный автомобиль и повезли. Это была моя послѣдняя тюремная встрѣча въ Россіи.

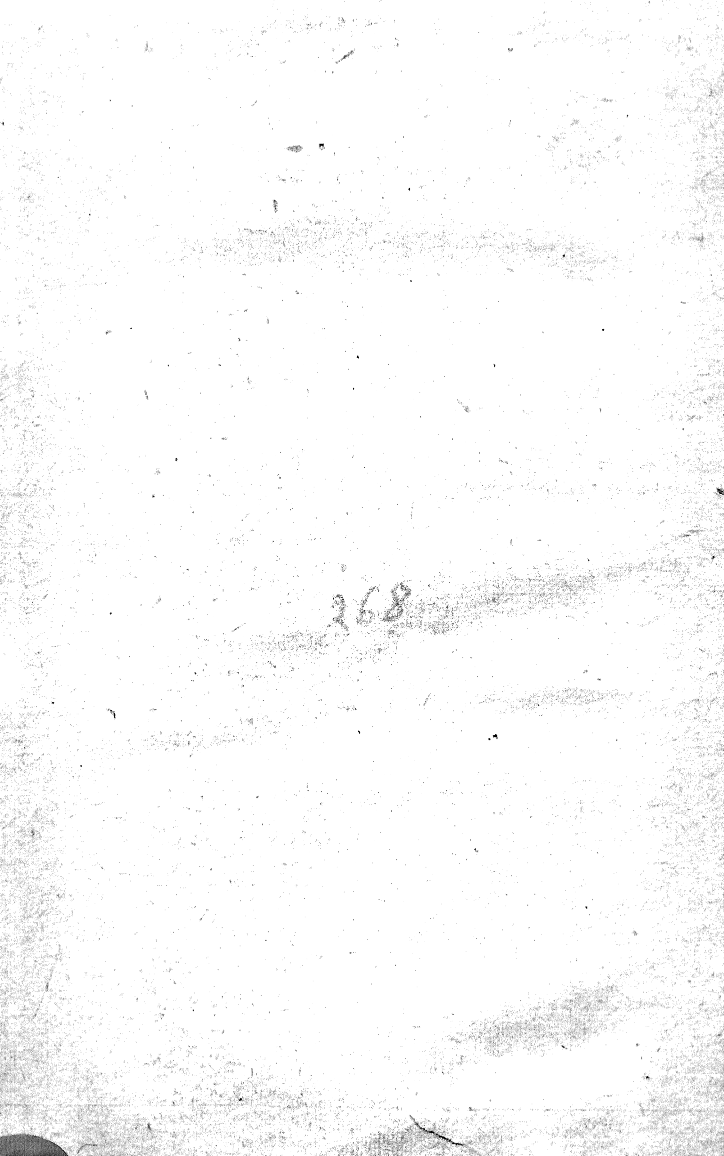
Въ четвергъ 26-го намъ съ утра было объявлено, что сегодня мы выѣзжаемъ. Къ вечеру насъ привели въ контору коменданта и вручили

по 13 долларовъ каждому — сумма, предназначенная на расходы по ожиданію въ Ригѣ германской визы.

Часовъ въ 7 вечера автомобиль доставилъ насъ на вокзалъ. Въ курьерскомъ вагонѣ скораго поѣзда намъ было отведено купэ, но въ немъ помѣстился еще одинъ пассажиръ въ матросской формѣ. Черезъ 5 минутъ въ этомъ спутникѣ нашемъ мы распознали агента Ч. К. Онъ ѣхалъ съ нами до самой латвійской границы.

Въ 8 часовъ поѣздъ тронулся, увозя насъ въ заграничное изгнаніе, столько разъ извѣданное въ царское время и такое неожиданное теперь, на 5-омъ году революціи. Настроеніе было отвратительное...

268

ОГЛАВЛЕНІЕ: